

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

35

30-летие Великой Победы

Две конституции КНР

Полвека советско-японских дипломатических отношений

Буржуазные ученые и маоизм

Дуньхуанские рукописи

Идеология левого радикализма в Японии

2

1975

Институт Дальнего Востока АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и освободительная борьба народов Восточной и Юго-Восточной Азии

3 М. И. Сладковский

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

16 Актуальные проблемы Китая

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Вклад восточных районов страны в создание материально-технической базы коммунизма

40 М. Г. Назаров

К 50-летию установления дипломатических отношений СССР с Японией

54 Н. Н. Николаев

Две конституции Китайской Народной Республики

62 Л. М. Гудошников

ИДЕОЛОГИЯ

Маоизм на службе буржуазной идеологии

71 Е. Ф. Ковалев

Идеология левого радикализма в Японии

87 Б. В. Поспелов

ИСТОРИЯ

К вопросу о китайской революции 1925—1927 гг.

99 В. Н. Глушин, М. Ф. Юрьев

КУЛЬТУРА

Дуньхуанские рукописи

113 Н. Т. Федоренко

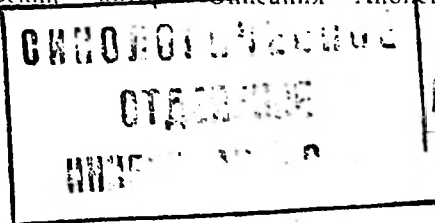
ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

Русский писатель В. Ерошенко — друг Лу Синя

125 Р. С. Белоусов

Игнатий Козыревский — автор «Описания Японского государства»

137 К. Е. Черевко

ВОСПОМНАНИЯ

- Дипломат, ученый, литератор
143 *И. М. Майский*

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- От миссии к университетам
149 *П. Е. Скачков*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Американский ученый о Китае
154 *Г. В. Ефимов*
Полезное пособие
159 *Н. А. Спешнев*
Вопреки интересам китайского народа
161 *В. А. Васильев*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, ИНФОРМАЦИЯ

- Международная конференция по корейскому вопросу в Багдаде
164 *Г. А. Поляков*
Советско-японский симпозиум: коллективная безопасность в Азии
166 *А. П. Марков*
167 **НОВЫЕ КНИГИ**

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Кржижановского, дом 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ,
К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ (отв.
секретари), В. М. СОЛНИЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

Историческая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и освободительная борьба народов Восточной и Юго-Восточной Азии

М. И. Сладковский,
член-корреспондент АН СССР

30 лет отделяет нас от последнего дня существования гитлеровского рейха, рухнувшего под ударами доблестных Вооруженных Сил Советского Союза, руководимых нашей ленинской Коммунистической партией и опирающихся на героический труд всего советского народа.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне явилась всемирно-историческим событием, оказавшим глубочайшее воздействие на весь ход мирового развития. Она убедительно продемонстрировала преимущества и жизненную силу первого в мире социалистического государства. «... Советский народ, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — с честью выдержал суровое испытание войны. Враг был разбит, повержен. Наш замечательный народ, народ-герой, народ-богатырь, высоко поднял над планетой и победно пронес сквозь огонь военных лет овеянное славой ленинское знамя, знамя Великого Октября, знамя социализма»¹.

Советский Союз был главной силой в разгроме германского фашизма, а затем и милитаристской Японии. Это предопределило условия для успешной борьбы трудящихся масс за социализм, а также борьбы народов угнетенных стран за национальную независимость и социальный прогресс.

* * *

Авторитет и влияние Советского Союза завоеваны советским народом своей верностью революционному знамени великого Ленина, последовательным проведением ленинской политики в отношении народов и стран, ведущих борьбу за национальное и социальное равенство, за мир и безопасность на земле.

После Великого Октября в мире не было ни одного сколько-нибудь значительного народно-демократического и национально-освободительного движения, ни одного крупного революционного события, которое осталось бы без поддержки советского народа, без оказания ему помощи в той или другой форме.

В свою очередь и народы мира в тяжелые годы становления советского государства приходили на помощь ему, защищали Советский Союз как отчизну международного пролетариата.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, Т. 1, М., 1973, стр. 139.

Касаясь этого периода, В. И. Ленин указывал, что вся мировая система государств определяется «...борьбой небольшой группы империалистических наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия»². Во внешней политике Советского Союза всегда особое внимание уделялось угнетенным странам и народам, поднимавшимся на борьбу за свое национальное и социальное освобождение. Определяя политику в отношении отсталых стран и угнетенных народов, Советское правительство основывалось на гениальном выводе В. И. Ленина о том «... что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»³.

Именно это ленинское научное открытие нашло блистательное подтверждение в опыте народов Советской Средней Азии, в опыте монгольского трудового народа. «Монгольский народ, — пишет товарищ Ю. Цеденбал, — по праву связывает свои революционные завоевания с братской дружбой и интернационалистской помощью Советского Союза, которые имели решающее значение в завоевании и укреплении свободы и национальной независимости, в преодолении вековой отсталости МНР и дальнейшем развитии ее по пути социализма»⁴.

Свидетельством ленинской интернациональной политики Советского Союза служит его отношение к Китаю. На протяжении всей своей истории советское государство неизменно руководствовалось учением В. И. Ленина в отношении Китая и было всегда на стороне китайского народа в его борьбе за национальное и социальное освобождение. В. И. Ленин и руководимая им партия русских большевиков-коммунистов, определяя внешнюю политику в отношении Китая в первые послеоктябрьские годы, исходили из того, что китайскому народу, борющемуся за национальное и социальное освобождение, приходится сталкиваться с силами не только внутренней реакции, но и с внешними империалистическими силами.

Исходя из конкретной обстановки в Китае, Советское государство стремилось установить связи «с теми общественными силами в Китае, — говорилось в докладе НКВД VIII съезду Советов, — которые борются за его освобождение от внешнего гнета и насилия и за превращение его в объединенную демократическую страну...»⁵.

В начале 20-х годов такими силами в Китае были китайские демократы, сплотившиеся вокруг выдающегося революционного демократа д-ра Сунь Ят-сена и образовавшие Южное правительство Китая. Д-р Сунь Ят-сен и его соратники к этому времени должны были расстаться с иллюзиями, необоснованными надеждами, найти поддержку в возрождении Китая у США и других ведущих империалистических государств мира и обратить свои взоры к Советской России. В августе 1921 г. глава Южного правительства Сунь Ят-сен направил на I съезд трудящихся Дальнего Востока своего представителя с письмом к наркому Г. В. Чичерину, в котором выражалась заинтересованность в изучении опыта организации в России Советов, армии, системы образования. Сунь Ят-сен писал, что он «хотел бы знать все, что Вы и другие можете сообщить об этих вещах»⁶. В ответном письме Сунь Ят-сену

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41, стр. 242.

³ Там же, стр. 246.

⁴ Ю. Цеденбал. К социалистическому общественному строю, минуя капитализм. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4.

⁵ «Документы внешней политики СССР», Т. 2, М., 1958, стр. 730.

⁶ «Советско-китайские отношения. Сборник документов». М., 1959, стр. 58.

Г. В. Чичерин по поручению Советского правительства писал: «Независимо от последующего развития наших политических позиций в Европе и вне ее наше Правительство никогда не свернет с пути самой верной, сердечной и искренней дружбы и сотрудничества с китайским народом, достижение благосостояния и свободное развитие которого является нашим самым искренним желанием»⁷.

В соответствии с этой просьбой д-ра Сунь Ят-сена в Южный Китай были направлены в качестве политического советника М. М. Бородин и в качестве главного военного советника П. А. Павлов, а после неожиданной смерти последнего — прославленный советский полководец В. К. Блюхер, а также группа советников, в том числе В. Поляк, А. И. Черепанов, Т. А. Бесчастнов, Е. А. Яковлев, Г. И. Гилев, П. И. Смирнов, Н. И. Кончиц, И. К. Мамаев и другие.

С их помощью и на средства Советского правительства в 1924 г. была создана военная школа Вампу, сыгравшая важную роль в подготовке военных кадров китайской революционной армии. Советский Союз был единственной страной, оказывавшей борющемуся китайскому народу нужную военную и экономическую помощь.

Оценивая помощь Советского Союза и ее значение для борющихся за свободу и равенство народов мира, великий сын китайского народа д-р Сунь Ят-сен в последнем послании Советскому Союзу писал: «Вы возглавляете союз свободных республик. Этот союз свободных республик есть то подлинное наследие, которое бессмертный Ленин оставил миру угнетенных народов. Опираясь на это наследие, народы, изнывающие под гнетом империализма, отстают свою свободу и добьются освобождения от существующего в мире строя, издревле основанного на рабстве, войнах и своекорыстии»⁸.

Китайская революция, однако, развивалась сложными путями. Прогрессивным силам, которых поддерживали Советский Союз и мировое коммунистическое движение (Коминтерн), противостояли силы феодалов, милитаристов, компрадорской буржуазии и, наконец, мирового империализма в лице ведущих держав: Англии, США, Японии и других стран.

В этих условиях в 1927 г. правогомьндановскому крылу, возглавляемому Чан Кай-ши, удалось нанести тяжелый удар по китайскому революционному движению и при поддержке империалистических кругов США и Англии установить в Китае реакционно-бюрократическую диктатуру правогомьндановской клики, представлявшей интересы компрадорской буржуазии, помещиков-феодалов. С победой контрреволюции в Китае разворачивается и антисоветская кампания. Нанося тяжелые удары по КПК в городах и проводя военные экспедиции против советских революционных баз в сельских районах Китая, правогомьндановское правительство в угоду империалистическим государствам стало на путь крайнего антисоветизма в своей внешней политике. Оно объявило Советский Союз «красным империализмом — более опасным, чем империализм белый»⁹, и довело дело до разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом.

Чанкайшистская клика привела к ослаблению международных позиций Китая и тем самым облегчила вторжение империалистической Японии вначале в Маньчжурию (1931), а затем и во Внутренний Китай (1937). Китай оказался под угрозой полного колониального пора-

⁷ «Документы внешней политики СССР». Т. 5, М., 1961, стр. 84.

⁸ Сунь Ят-сен. Избр. произв. Т. 2. Пекин, 1956, стр. 922 (на кит. яз.).

⁹ «Речь Чан Кай-ши на заседании ЦИК Гоминьдана 15 июля 1929 г.». — «Советско-китайский конфликт 1929 г.», М., 1930, стр. 28.

бошения Японией. В эти тяжелые для Китая годы широкие круги китайской общественности, возглавляемые КПК, заставили гоминьдановское правительство пойти на сближение с Советским Союзом, на создание единого антияпонского национального фронта на основе соглашения о сотрудничестве двух главных партий Китая — Гоминьдана и КПК.

В ноябре 1937 г. Советское правительство решительно поддержало на Брюссельской конференции обращение Китая об оказании ему иностранными государствами помощи и о прекращении поставок в Японию военного снаряжения из США, Англии и других западных стран. Вслед за тем Советское правительство предоставило Китаю три займа (два займа по 50 млн. ам. долл. в 1938 г. и третий заем — 150 млн. ам. долл. в 1939 г.). Поскольку японским оккупантам удалось блокировать морское побережье Китая, а западные страны не оказывали ему реальной помощи, советские поставки вооружения, материалов, горючего и т. п. доставлялись по специальной автотрассе, построенной от Алма-Аты до Ланьчжоу, сооруженной при содействии Советского Союза. В этот период Китай получил из Советского Союза 885 боевых самолетов, 82 танка, 700 автомашин, 690 орудий, 3900 ручных и станковых пулеметов и соответствующие комплекты боеприпасов для них¹⁰. Общая стоимость советских поставок вооружения, транспортных средств, горючего и различных материалов, предоставленных в счет трех указанных кредитов до 1940 г., составила 173,2 млн. ам. долл.¹¹. Для обучения и управления посылаемой военной техникой до середины февраля 1939 г. в Китай было направлено 712 летчиков и авиатехников и около 200 военных советников различных специальностей, в том числе такие видные военачальники, как В. И. Чуйков, П. С. Рыбалко, П. Ф. Батицкий, А. И. Черепанов. Советская военная помощь Китаю в годы антияпонской войны высоко оценивалась как гоминьдановским правительством, так и руководителями КПК, в том числе и Мао Цзэ-дун. «С начала войны сопротивления ни одно правительство какой-либо империалистической державы не оказало нам настоящей помощи, — говорил Мао Цзэ-дун в декабре 1949 г. — Только Советский Союз оказал нам помощь своими людскими, материальными и финансовыми силами в большом размере»¹².

В наиболее напряженные для Китая годы антияпонской войны, когда Япония концентрировала свою военную мощь в Китае, а другие империалистические страны — США и Англия — политикой компромиссов и нейтралитета, по существу, поощряли японскую агрессию, моральная и материальная помощь Советского Союза Китаю сыграла решающую роль и сорвала японский план «молниеносной войны» и превращения Китая в важнейший плацдарм для утверждения «Великой сферы процветания Восточной Азии» под руководством Японии.

* * *

Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии, начавшаяся после вероломного вторжения 22 июня 1941 г. гитлеровских полчищ на территорию Советского Союза, яви-

¹⁰ А. Г. Яковлев. СССР и борьба китайского народа против японской агрессии (1931—1945 гг.). — «Ленинская политика СССР в отношении Китая». М., 1968, стр. 103.

¹¹ М. И. Сладковский. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957, стр. 284.

¹² «О китайско-советской дружбе». Пекин, 1950, стр. 6.

лась важнейшим событием и в жизни китайского народа, продолжавшего борьбу с японскими оккупантами.

Уже с первых дней Великой Отечественной войны передовые представители китайского общества отдавали себе отчет в том, что в СССР на полях сражений с гитлеровской армией решается судьба не только Советского Союза, но и Китая, судьба его революции. Свою победу в войне с японским империализмом китайский народ связывал с победой Советского Союза над фашистской Германией. Выражая эти настроения китайского народа, Коммунистическая партия Китая в декларации, опубликованной 7 июля 1941 г., заявляла: «Наш народ хорошо понимает, что война, которую ведет советский народ, направлена не только на защиту СССР, но и на защиту Китая, на защиту свободы и независимости всех народов. Победа или поражение СССР будет победой или поражением Китая...»¹³.

В ответ на обращение Академии наук СССР (28 июня 1941 г.) ко всем ученым мира с призывом объединиться на борьбу с фашизмом 264 видных китайских ученых и деятелей культуры писали: «Мы искренне и горячо поддерживаем ваш призыв. Мы должны плечом к плечу мужественно сражаться, чтобы совместными усилиями уничтожить общего врага человечества — фашистских бандитов, сохранить веру человечества в справедливость и завоевать мир во всем мире»¹⁴.

Китайская общественность обращалась и к гоминьдановскому правительству с требованием поддержать Советский Союз и союзные с ним государства в борьбе с фашистской Германией и ее сателлитами. Под воздействием общественного мнения правительство Чан Кай-ши в публичных заявлениях выразило сочувствие советскому народу, подвергнувшемуся гитлеровскому нападению, однако на деле в первые месяцы Великой Отечественной войны правые гоминьдановцы выступили с резкими антисоветскими заявлениями. Гоминьдановское правительство в 1942 г. отказалось ратифицировать советско-китайское соглашение о строительстве авиационного завода в Синьцзяне, хотя завод в начале 1942 г. уже приступил к выпуску истребителей.

Гоминьдановские власти стали нарушать свои обязательства по поставке Советскому Союзу товаров в погашение советских кредитов, в том числе вольфрама, крайне необходимого в то время для советской военной промышленности.

Антисоветизм стал распространяться и среди националистически настроенной части руководства КПК. Это нашло свое выражение прежде всего в том, что Мао Цзэ-дун переходит в решительное наступление на тех представителей руководства КПК, которые занимали интернационалистскую позицию и были сторонниками братского сотрудничества с КПСС и Коминтерном.

В сентябре 1941 г. Мао Цзэ-дун провел заседание Политбюро ЦК КПК, на котором были отстранены от руководства виднейшие коммунисты-интернационалисты: Ван Мин, Чжан Вэнь-тянь (Ло Фу), Цинь Бан-сянь (Бо Гу), Ян Шап-кунь и другие. В рядах КПК в период 1941—1943 гг. по указанию Мао Цзэ-дуна была развернута кампания против «московских коммунистов» (под лозунгом «исправление стиля» — чжэн фыи), в результате которой многие китайские коммунисты, придерживавшиеся интернационалистских взглядов, подверглись репрессиям, а других заставляли писать «исповеди» — отречения от солидарности с Советским Союзом и Коминтерном.

¹³ «Справочные материалы по истории китайской революции». Вып. 4. Пекин, 1957, стр. 168 (на кит. яз.).

¹⁴ Пыи Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, стр. 217.

В вопросах ведения войны против Японии Мао Цзэ-дун занял позицию «повсеместной экономии людских сил»¹⁵. На просьбу советского командования в 1941 г. помешать концентрации японских войск на Пекин-Калганском и Баотоуском направлениях, то есть на подступах к границам МНР, руководство КПК не приняло никаких мер. Отказ от активных крупных военных действий против японских оккупантов привел к тому, что к лету 1942 г. территория районов, контролируемых 8-й армией, руководимой КПК, сократилась вдвое. Значительно сократилась численность партизанских отрядов и бойцов 8-й и Новой 4-й армий (примерно на 150 тыс. чел.), что обострило общую политическую обстановку в освобожденных районах и в самом руководстве КПК.

После начала Тихоокеанской войны антисоветские настроения в правогоминьдановских кругах и маоистской части руководства КПК распространялись и с целью поисков путей сближения с США, хотя в то же время установившиеся союзные отношения между США, Англией и Советским Союзом служили сдерживающим обстоятельством, тем более что гоминьдановский Китай присоединился к союзникам и призвал «отныне воевать плечом к плечу с Англией, США и Советским Союзом ради уничтожения общих врагов» человечества.

* * *

Победы Советской Армии над гитлеровской Германией оказали большое влияние на ход Тихоокеанской войны. Уже после разгрома фашистских армий под Москвой (декабрь 1941 г.) голос сторонников сотрудничества с Советским Союзом стал все громче и громче раздаваться на страницах китайской прессы. В день годовщины Красной Армии в 1942 г. коммунистическая газета «Синьхуа жибао» организовала массовый сбор подписей под письмом, адресованным советским воинам. В письме говорилось: «Мы от души преклоняемся перед вашей несравненной стойкостью, перед вашим беспредельным мужеством, вашей решимостью драться до полного разгрома врага, вашим духом патриотизма в деле защиты Родины... Мы передаем вам, бойцам Красной Армии, великим защитникам справедливости и свободы во всем мире, наши самые искренние, самые теплые пожелания»¹⁶. В день первой годовщины начала борьбы СССР против фашистской Германии приветствие советскому народу было опубликовано и всеми гоминьдановскими газетами, хотя в определенных китайских кругах под влиянием неудач американо-английских войск в Тихоокеанской войне распространялись и антисоветские настроения, поиски компромиссного мира с Японией на антикоммунистической основе.

Следует отметить, что и Мао Цзэ-дун и его окружение восторженно приветствовали роспуск Коминтерна (май 1943 г.) и ослабление международных связей КПК, в первую очередь с КПСС¹⁷. Обсуждение сообщения о роспуске Коминтерна Мао Цзэ-дун сопровождал угрозами, предупреждением всех сторонников Коминтерна, что они «могут поставить себя вне партии»¹⁸.

¹⁵ П. П. Владимиров. Особый район Китая. 1942—1945 гг. М., 1973, стр. 57.

¹⁶ Пын Мин. Указ. произв., стр. 220.

¹⁷ П. П. Владимиров вспоминает, что после обсуждения сообщения о роспуске Коминтерна «под ликование своих сторонников Мао Цзэ-дун объявил политбюро, что вот-де настало время и теперь без всяких колебаний «можно и нужно провести долгожданный съезд нашей партии» (Указ. произв., стр. 153).

¹⁸ «Новейшая история Китая». М., 1972, стр. 201.

Однако подобные антисоветские акции, из каких бы кругов они ни исходили, не могли умалить авторитет СССР и его воздействие на прогрессивные силы мира. Массовые кампании, коллективные выступления общественных деятелей Китая с признанием решающего значения советских побед для всего мира, в том числе и для Китая, подтверждали, что в китайском народе сильны симпатии к советскому народу, что он искренне стремится к сотрудничеству с Советским Союзом.

Героическая борьба советского народа и блистательные победы его вооруженных сил над фашизмом оказывали воодушевляющее воздействие на народы Восточной и Юго-Восточной Азии, оказавшиеся под игом империалистической Японии. Победы советских вооруженных сил, о которых доходила до борцов за освобождение Вьетнама, воодушевляла и поднимала их на решительную борьбу против японских оккупантов. Созданная под руководством товарища Хо Ши Мина в мае 1941 г. «Лига независимости Вьетнама» («Вьет-Мин») развернула широкую деятельность по созданию партизанских баз на оккупированной территории. 7 мая 1944 г. был распространен приказ Национального Комитета «Вьет-Мина» о подготовке всеобщего вооруженного восстания. Вьетнамским коммунистам стало известно, что на территории восточноевропейских государств, освобожденных Советским Союзом от гитлеровских оккупантов, утверждалась народная власть, ставившая задачу не только ликвидации фашизма, но и проведение демократических социально-экономических преобразований в интересах трудового народа. Весной 1945 г. постоянное бюро ЦК Коммунистической партии Индокитая под руководством тов. Хо Ши Мина выдвинуло перед народом новую задачу — «не ограничиваться освобождением территории от японских и французских оккупантов, но и установить революционную власть народов Индокитая»¹⁹. В апреле 1945 г. вооруженные отряды «Вьет-Мина» были объединены в Освободительную Армию, которая в шести освобожденных от японцев провинциях Северного Вьетнама установила первые народно-демократические органы власти — прообраз Демократической Республики Вьетнам.

Решающие победы Советской Армии в 1943 и 1944 гг. вынудили Японию пересмотреть свои стратегические планы ведения войны. Сокращая коммуникации, японцы начали оставлять Марьянские острова (Сайпан — июль 1944 г.), Филиппинские острова (Лейте и Минданао — октябрь 1944 г.). Им пришлось несколько смягчить оккупационный режим (создание подконтрольно-национальных правительств Филиппин, Бирмы, национальных организаций Индонезии и т. д.), что указывало на нарастающие трудности у японских оккупантов. В начале 1944 г. в Индонезии под руководством коммунистов была создана нелегальная организация «Движение свободной Индонезии». В стране росло антияпонское движение студентов, железнодорожников, требовавших изгнания японских оккупантов и создания независимой (от Голландии) демократической республики.

Движение за независимость и демократическую республику развертывалось также на Филиппинах и в Бирме. Приближавшийся крах Японии воодушевлял народы оккупированных ею стран на борьбу за национальное освобождение и демократические свободы.

Разгром гитлеровских полчищ на Волге вызвал глубокие потрясения в правительственных кругах Японии. Рухнула вера в союзную

¹⁹ «30 лет борьбы партии». Ханой, 1960, стр. 85 (на англ. яз.).

фашистскую Германию, которая, по расчетам японских стратегов, должна была сокрушить Советский Союз и затем отвлечь на себя главные силы США и Англии в Западной Европе. Японскому империализму пришлось срочно менять стратегию ведения Тихоокеанской войны. К лету 1943 г. генеральный штаб Японии разработал новый стратегический план ведения войны, в соответствии с которым сокращались коммуникации между метрополией и выдвинувшимися на острова Океании японскими войсками. Японские войска с конца 1943 г. начали отходить в глубь «оборонительной полосы». Одновременно Япония направляет усилия на укрепление своих позиций в Китае, особенно в Маньчжурии. В марте 1944 г., сосредоточив ударную группировку численностью около 50 тыс. чел. в Центральном Китае, японское командование предприняло крупное наступление в провинции Хэнань, в ходе которого была разгромлена и обращена в бегство 400-тысячная гоминьдановская армия, заняты важные стратегические центры Чжэнчжоу и Лоян, установлен японский контроль на железной дороге Пекин — Ханькоу. В марте 1943 г. японцы развернули наступление из Учана в южном и юго-западном направлении. К концу 1944 г. они заняли города Чанша, Гуйлинь и, таким образом, установили полный контроль над транскитайской железнодорожной магистралью, ведущей к Южно-Китайскому морю и границам Индокитая. В ходе наступательных операций 1944 г. японцы захватили 10 крупных авиабаз, 36 аэродромов, уничтожили и пленили около 1 млн. гоминьдановских солдат. В результате гоминьдановский режим был крайне ослаблен и несколько месяцев не имел возможности предпринимать наступательные операции.

Успешное наступление японцев расстраивало и американские военные планы в отношении Китая. Американское командование явно не могло рассчитывать на серьезную поддержку гоминьдановских войск при осуществлении высадки десанта в материковом Китае. Между тем в его расчетах именно Китай должен был стать главным плацдармом на заключительном этапе войны с Японией. Идти на риск высадки десанта на китайской территории в расчете только на собственные силы американцы не решались, особенно после тяжелых потерь, понесенных ими при взятии острова Иводзима (март 1945 г.).

Подготовка же гоминьдановских армий для крупных военных операций, несмотря на усиленную переброску американскими самолетами вооруженных сил в Китай, требовала многих месяцев.

Относительное затишье, установившееся на китайском театре военных действий к началу 1945 г., позволило генеральному штабу Японии разработать новый стратегический план Тихоокеанской войны на середину 1945 г. В декабре 1944 г. в Отделе армии и флота Главной ставки японского командования была проведена дискуссия по вопросу ведения войны в 1945 г., в результате которой был принят «первый вариант», предусматривавший «необходимость продолжения решительных усилий против наступления противника, стремясь к максимальному уничтожению вражеских сил и укреплению важных районов Японии, Маньчжурии и Китая, что даст возможность сделать войну затяжной и тем самым добиться падения боевого духа противника»²⁰.

11 января 1945 г. на заседании Высшего совета Японии по руководству войной было принято решение, предусматривающее осуществление следующих мероприятий:

²⁰ Такусиро Хаттори. Полная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 6. Токио, 1956, стр. 164 (на японск. яз.).

1. Все грузы, следующие с материка в Японию и обратно, приравнять по условиям перевозок к военным грузам. Руководство всеми перевозками осуществлять в централизованном порядке.

2. Укрепить состав Совета по железнодорожным перевозкам на материке и обязать его поддерживать тесные контакты с железнодорожной администрацией с целью повышения эффективности железнодорожных коммуникаций.

3. Расширить пароходные линии, проходящие по Японскому морю, и пропускную способность железных дорог на материке.

4. Усилить охрану главных железнодорожных линий на материке и морских коммуникаций, особенно в зоне Корейского пролива и главных морских портов.

5. Поставить целью создание централизованного управления железными дорогами на материке, в частности изучить вопрос о возложении на Южно-Маньчжурскую дорогу управления железными дорогами в Корею (основываясь на указе императора Японии от 8 марта 1944 г. об использовании ЮМЖД и корейских железных дорог в военных целях)²¹.

В начале 1945 г. японским правительством был осуществлен ряд мер по усилению эксплуатации экономических ресурсов Китая и Маньчжурии. 11 января 1945 г. Высший совет по руководству войной принял решение «О мерах по упрочению экономики Китая в военное время» и утвердил «Объединенную программу материального снабжения в Китае» и ряд мер по увеличению роли Маньчжурии в обеспечении нужд самой Японии²².

В соответствии с этими решениями Высший совет Японии создал объединенный центр по руководству комплексным развитием экономики Японии и Китая и перевел японскую экспедиционную армию на обеспечение за счет внутренних ресурсов Китая. При этом ставилась задача в первую очередь добиваться на оккупированной китайской территории увеличения производства продуктов питания, предметов первой необходимости и стимулирования развития угольной и легкой промышленности.

Несколько другую политику проводило японское правительство по отношению к Маньчжурии. Этот край правящие круги Японии рассматривали как надежный, глубокий тыл японской империи, находящийся в удалении от американских морских и воздушных баз, а потому и более безопасный, чем японские острова. Наряду с максимальным изъятием промышленной и сельскохозяйственной продукции для вывоза в Японию японское правительство принимало энергичные меры по созданию новых предприятий в Маньчжурии, в том числе и эвакуируемых с японских островов. Особое внимание уделялось расширению производства синтетической нефти, объем которого в 1945 г. предполагалось довести до 2 млн. т²³.

11 января 1945 г. кабинет министров Японии принял решение о вывозе с японских островов в Маньчжурию оборудования ряда японских заводов, в том числе металлургических, — оборудование для 2 доменных печей производительностью по 350 т в сутки²⁴. 19 января по этому же вопросу кабинетом министров было принято развернутое решение «К вопросу об изменении размещения промышленности в свя-

²¹ Токусиро Хаттори. Указ. произв., стр. 169—170.

²² Там же, стр. 168—169.

²³ Там же, стр. 167.

²⁴ Там же, стр. 170.

зи с изменением обстановки»²⁵. На основании этого решения «правительство Маньчжоуго», по докладу министра финансов У Бу-лю, наметило конкретные меры по его выполнению²⁶.

«Правительство Маньчжоуго» принимало на себя обязательство при размещении новых заводов на территории Маньчжурии не допускать «падения производства, поддерживать самообеспечение» и «принимать меры по противовоздушной обороне»²⁷. Маньчжурия становилась первостепенной экономической базой Японии.

В плане предстоящих военных операций особая роль отводилась Квантунской армии. Из Южного и Центрального Китая перебрасывались войска в распоряжение главнокомандующего Квантунской армии, причем ему предоставлялось право «при подготовке к военным действиям против СССР давать распоряжение командующему армией в Корее»²⁸. В принятом плане «подготовки войны с СССР» командующему Квантунской армией поручалось «разгромить советские войска в передовых районах на границе Маньчжурии и, используя широкие районы, предотвратить вторжение советских войск и затянуть войну, создав (оборонительный) район от юго-восточной части Маньчжурии до Северной Кореи»²⁹.

* * *

После того как японским войскам удалось нанести в 1944 г. тяжелые удары по гоминьдановским войскам и укрепить свои военно-стратегические позиции во Внутреннем Китае и Маньчжурии, генеральный штаб Японии пришел к заключению, что у Японии имеются возможности и даже появились некоторые преимущества для ведения войны с США.

При обсуждении на конференции «Общей программы боевых операций имперской армии и имперского флота» (принята 20 января 1945 г.) заместитель начальника генерального штаба Кавабэ в обоснование возможности успешного ведения затяжной войны с США привел следующие соображения:

а) американская армия зависит от растянутых морских путей снабжения, а для победы над Японией ей потребуются сконцентрировать «колоссальные силы»;

б) японская армия находится в более выгодном положении. «Особенностью территории Японии, — говорил Кавабэ, — является то, что на ней живет стомиллионный народ, исполненный духом безграничной преданности монархии, готовности ее защищать»³⁰.

Правящие круги Японии не теряли надежды, что в ходе затяжной войны им удастся добиться капитуляции Китая и превращения Маньчжурии в неприступный бастион Японской империи. Они были готовы даже к тому, чтобы эвакуировать высшее командование и императора Японии в Маньчжурию, под защиту наиболее надежной и сильной Квантунской армии³¹.

В Японии нарастали настроения и в пользу безотлагательного заключения мира с США и Англией, причем сторонники такого направ-

²⁵ Токусиро Хаттори. Указ. произв., стр. 170.

²⁶ Там же, стр. 171.

²⁷ Там же, стр. 170.

²⁸ Там же, стр. 149.

²⁹ Там же, стр. 148.

³⁰ «История войны на Тихом океане». Т. 4. М., 1958, стр. 162.

³¹ Там же, стр. 164.

ления не принимали в расчет Китай, полагая, что его судьбу можно решить в компромиссных переговорах с США и Англией. Политической программой такого направления явился доклад одного из руководителей Тайного Совета князя Коноэ, представленный императору 14 февраля 1945 г.

«По зрелом размышлении я пришел к выводу, — писал Коноэ, — что внутреннее и внешнее положение нашей страны в настоящий момент быстро изменяется в направлении коммунистической революции. Во вне это выражается в необычайном выдвигании Советского Союза... Если же взять наше внутреннее положение, то также нельзя не видеть, что с каждым днем созревает все больше условий, способствующих возникновению коммунистической революции»³². Из такой оценки международной и внутренней обстановки Коноэ делает вывод, что создается реальная угроза для существования самого монархического строя, и выражает надежду, что «общественное мнение Англии и Америки еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя... С точки зрения сохранения национального государственного строя, — писал Коноэ, — наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением»³³.

Расчеты на возможность заключения компромиссного мира с США и Англией строились сторонниками Коноэ на неминуемом, по их мнению, обострении отношений между США и Англией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой, на непримиримости позиций чунцинского правительства и КПК в Китае. Коноэ в своем докладе указывал на образование народно-демократической власти в Югославии, Польше, на то, что, по условиям перемирия с Румынией, Болгарией и Финляндией, в этих странах не могут существовать правительства «несоветского типа». Этими примерами Коноэ хотел убедить монополистические круги как самой Японии, так и враждебного союзного лагеря о возрастании угрозы коммунистических революций в мире.

После неудачи мирных маневров японское правительство приняло дополнительные меры по мобилизации всего населения для обороны островов. 25 апреля Главной ставкой было издано «Руководство для населения по ведению оборонительных боев»³⁴.

Население должно было подготовиться «и принять участие в решительном сражении», создав «боевые отряды гражданского добровольческого корпуса».

Тревога за судьбы монархической Японии проникала и на страницы американской прессы. Бывший посол США в Японии Джозеф Грю активно выступал в защиту японской монархии как «умиротворяющей силы, способной предотвратить революционный взрыв в Японии»³⁵. Он настойчиво призывал к компромиссу с реакционными кругами Японии.

Однако у руководства США, прежде всего у президента Ф. Рузвельта, преобладали намерения довести войну с Японией до безоговорочной капитуляции. Вместе с тем американский генеральный штаб отдавал себе отчет в том, что принудить Японию к капитуляции можно, лишь полностью изгнав ее с материка либо путем вторжения на главные Японские острова. По оценке американского командования, для осуществления высадки американского десанта на острова

³² «История войны на Тихом океане». Т. 4. М., 1958, стр. 253—255.

³³ Там же, стр. 252.

³⁴ Там же, стр. 162.

³⁵ «Очерки новейшей истории Японии». М., 1957, стр. 255.

Кюсю и Хонсю потребовалось бы сосредоточить не менее 5 млн. солдат и офицеров и их потери при вторжении могли составить более 1 млн. чел.

В этих условиях, по преобладающему мнению правительственных и военных кругов США, вступление России в войну (с Японией. — М. С.) становилось все более необходимым. Оно означало спасение жизни сотням тысяч американцев. Позиция военного командования США по вопросу вступления Советского Союза в войну против Японии была выражена группой начальников штабов США в докладе, переданном госдепартаменту США перед выездом американской делегации на Ялтинскую конференцию трех союзных держав: СССР, США и Англии.

На Ялтинской конференции, состоявшейся в феврале 1945 г., Ф. Рузвельт и У. Черчилль обратились к Председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину с просьбой о вступлении СССР в войну против Японии. Советское правительство согласилось удовлетворить просьбу союзников при условии обеспечения интересов Советского Союза и Монгольской Народной Республики на Дальнем Востоке.

На Ялтинской конференции руководители трех держав подписали Крымское соглашение, предусматривавшее вступление СССР в войну против Японии на стороне союзников через два-три месяца после капитуляции Германии «при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов»³⁶.

В Соглашении также предусматривалось, что при посредничестве президента США Ф. Рузвельта пункты, относящиеся к МНР, указанным портам и железным дорогам, будут согласованы с правительством Китая и что СССР выражает готовность заключить «пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»³⁷.

Как известно, после капитуляции гитлеровской Германии Советский Союз выполнил свои союзнические обязательства.

Освобожденные советскими войсками северо-восточные районы Китая, где находилась большая часть крупной промышленности страны, стали основной военно-стратегической базой народно-демократической администрации Китая.

³⁶ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. 3. М., стр. 111.

³⁷ Там же, стр. 112 (соответствующие договоры между СССР и Китаем были подписаны 14 августа 1945 г.).

Из 8-й армии была сформирована и оснащена современным оружием Народно-освободительная армия под командованием Линь Бяо, которая сыграла решающую роль в разгроме гоминьдановской армии.

На освобожденной советскими войсками территории Северной Кореи завершилась длительная борьба корейского народа против японских оккупантов и была установлена народно-демократическая власть.

В августе 1945 г., в дни, когда Советские Вооруженные Силы наносили завершающие удары по главным сухопутным силам Японии, восставший вьетнамский народ под руководством коммунистов, возглавляемых тов. Хо Ши Мином, взял в свои руки власть в Ханое (19 августа) и Сайгоне (25 августа), и 2 сентября была обнародована Декларация независимости и заявление о создании Демократической Республики Вьетнам.

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев отметил в своей речи на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне: «Разгром фашизма оставил глубокий след в жизни многих народов, изменил лицо мира.

Десятки стран были освобождены от фашистского ига, восстановили свою независимость.

Народы Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии и Венгрии, Румынии и Албании, Германской Демократической Республики, народы Китая, Вьетнама и Северной Кореи получили возможность избрать путь социалистического развития. Возникла мировая социалистическая система. Международная жизнь стала развиваться по новым законам.

Позиции прогрессивных демократических, миролюбивых сил укрепились во всем мире, повсеместно усилились авторитет и политическое влияние коммунистических партий. Новых успехов в борьбе за демократию и улучшение материального положения трудящихся добилось рабочее движение. Уже в первые послевоенные годы усилился процесс распада колониальных империй, который завершился крахом колониализма»³⁸.

³⁸ «Правда», 9. V. 1975.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

Актуальные проблемы Китая

АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКИ МАОИСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ НЕ ОСТАВЛЯЕТ СОМНЕНИЯ В ТОМ, ЧТО ОНИ НЕ ТОЛЬКО ОКАЗЫВАЮТ ПАГУБНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ХАРАКТЕР ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ, НО И ЯВЛЯЮТСЯ КРАЙНЕ РЕАКЦИОННЫМИ, ОПАСНЫМИ ДЛЯ ДЕЛА МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ, НАНОСЯТ ВРЕД РЕВОЛЮЦИОННЫМ СИЛАМ СОВРЕМЕННОСТИ В ИХ БОРЬБЕ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА, ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ. ИЗМЕНИВ ИДЕЯМ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА, МАОИСТСКОЕ РУКОВОДСТВО ПРЕСЛЕДУЕТ ГЕГЕМОНИСТСКИЕ, ЭКСПАНСИОНИСТСКИЕ ЦЕЛИ. ПОЭТОМУ РАЗОБЛАЧЕНИЕ РЕАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И АВАНТЮРИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ МАОИСТОВ ЯВЛЯЕТСЯ АКТУАЛЬНОЙ ЗАДАЧЕЙ ВСЕХ ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ МИРА, И ПРЕЖДЕ ВСЕГО МИРОВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ. ВАЖНАЯ РОЛЬ В ЭТОМ ПРИНАДЛЕЖИТ УЧЕНЫМ-МАРКСИСТАМ, РАБОТНИКАМ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СССР И ДРУГИХ БРАТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН.

В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» СОСТОЯЛАСЬ ВСТРЕЧА СОВЕТСКИХ КИТАЕВЕДОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ ПО КИТАЮ РЯДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН. ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ЭТОЙ ВСТРЕЧЕ.

В беседе принимали участие:

Р. ВИНКЛЕР (ПНР)
Г. Г. ГИРГИНОВ (БНР)
Л. М. ГУДОШНИКОВ (СССР)
М. ИШЖАМЦ (МНР)
Я. КОВАЧ (ВНР)
Г. ПЕТЕРС (ГДР)
М. И. СЛАДКОВСКИЙ (СССР)
С. Л. ТИХВИНСКИЙ (СССР)
Н. Т. ФЕДОРЕНКО (СССР)
В. Ф. ФЕОКТИСТОВ (СССР)
Я. ЦЕСАР (ЧССР)
А. Г. ЯКОВЛЕВ (СССР)

ВОПРОС: Каковы главные цели внешнеполитической стратегии маоистов на современном этапе?

ОТВЕТ: Основной внешнеполитической целью Мао Цзэ-дуна и его группы по-прежнему остается установление гегемонии Пекина в мире. С конца 1950-х годов они прилагают все усилия, чтобы приблизиться к осуществлению этой цели. Основное препятствие на пути к ней маоисты видят в

мировой системе социализма, и прежде всего — в Советском Союзе, представляющем собой авангард революционных сил современности. В качестве главного союзника в борьбе за достижение своих великодержавных целей маоисты пытаются использовать силы международной реакции, наиболее агрессивные круги империалистических стран. Пекин постоянно лавирует и применяет различные тактические средства, приемы и уловки, но великодержавно-гегемонистский лейтмотив его действий на международной арене неизменен.

ВОПРОС: Каковы новые особенности политики маоистов по отношению к главной революционной силе современности — мировому социализму, в чем они проявляются?

ОТВЕТ: К новым явлениям следует отнести то, что Пекин с беспрецедентной для него откровенностью обнажил весной 1974 г. националистические основы своей внешней политики. Выступая в апреле прошлого года на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заместитель премьера Государственного Совета КНР Дэн Сяо-пин сконструировал новейшую маоистскую политическую схему деления мира, согласно которой ныне имеются три группы государств: СССР и США («первый мир»), развивающиеся страны («третий мир») и находящиеся между двумя упомянутыми группами развитые страны («второй мир»).

Таким образом, на нарисованной Дэн Сяо-пином политической карте мира уже не оказалось ни социализма, ни капитализма. На ней, по его словам, есть лишь большие и малые, развитые и развивающиеся государства, якобы озабоченные исключительно борьбой за свою независимость от «двух сверхдержав», которые в свою очередь поглощены будто бы непримиримым соперничеством в деле подчинения себе всех стран и народов.

В новейшей маоистской схеме мира социализм как фактор глобального значения отсутствует, вообще не играет никакой роли, поскольку мировое социалистическое содружество будто бы больше не существует. Примечательно, что даже «социализм» маоистского толка, который еще совсем недавно в Пекине изображали в качестве единственного «истинного социализма» и борьбу против которого представляли главной целью мировой буржуазии, оказался в этой схеме также несущественным фактором. Из этой схемы следует, что отнюдь не роль «сеятеля зерен социализма» является для маоистского военно-бюрократического режима главной в мировой политике.

Классовые мотивы внешней политики государств этого разделенного на две противоположные системы мира ныне начисто отброшены маоистами. По их мнению, единственную двигательную пружину мировой политики, всего мирового развития в наши дни составляет некий лишенный классовой определенности порыв всех стран к освобождению от контроля со стороны «сверхдержав» и стремление последних к закабалению народов. Иными словами, такой пружинной будто бы является национализм. При этом он изображается маоистами как прогрессивный во всех его проявлениях, когда речь идет о пресловутой борьбе малых, средних, больших государств против «двух сверхдержав», особенно против «сверхдержавы, именующей себя социалистической страной», и как реакционный, когда речь идет о целях и действиях США и СССР на международной арене, особенно о целях и действиях последнего. По маоистской классификации, Советский Союз представляет собой более опасную для свободы народов силу, чем американский империализм, который

ОТДЕЛЕНИЕ

ИМБОН АН ГО

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

Актуальные проблемы Китая

АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКИ МАОИСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ НЕ ОСТАВЛЯЕТ СОМНЕНИЯ В ТОМ, ЧТО ОНИ НЕ ТОЛЬКО ОКАЗЫВАЮТ ПАГУБНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ХАРАКТЕР ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ, НО И ЯВЛЯЮТСЯ КРАЙНЕ РЕАКЦИОННЫМИ, ОПАСНЫМИ ДЛЯ ДЕЛА МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ, НАНОСЯТ ВРЕД РЕВОЛЮЦИОННЫМ СИЛАМ СОВРЕМЕННОСТИ В ИХ БОРЬБЕ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА, ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ. ИЗМЕНИВ ИДЕЯМ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА, МАОИСТСКОЕ РУКОВОДСТВО ПРЕСЛЕДУЕТ ГЕГЕМОНИСТСКИЕ, ЭКСПАНСИОНИСТСКИЕ ЦЕЛИ. ПОЭТОМУ РАЗОБЛАЧЕНИЕ РЕАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И АВАНТЮРИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ МАОИСТОВ ЯВЛЯЕТСЯ АКТУАЛЬНОЙ ЗАДАЧЕЙ ВСЕХ ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ МИРА, И ПРЕЖДЕ ВСЕГО МИРОВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ. ВАЖНАЯ РОЛЬ В ЭТОМ ПРИНАДЛЕЖИТ УЧЕНЫМ-МАРКСИСТАМ, РАБОТНИКАМ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СССР И ДРУГИХ БРАТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН.

В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» СОСТОЯЛАСЬ ВСТРЕЧА СОВЕТСКИХ КИТАЕВЕДОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ ПО КИТАЮ РЯДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН. ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ЭТОЙ ВСТРЕЧЕ.

В беседе принимали участие:

Р. ВИНКЛЕР (ПНР)
Г. Г. ГИРГИНОВ (БНР)
Л. М. ГУДОШНИКОВ (СССР)
М. ИШЖАМЦ (МНР)
Я. КОВАЧ (ВНР)
Г. ПЕТЕРС (ГДР)
М. И. СЛАДКОВСКИЙ (СССР)
С. Л. ТИХВИНСКИЙ (СССР)
Н. Т. ФЕДОРЕНКО (СССР)
В. Ф. ФЕОКТИСТОВ (СССР)
Я. ЦЕСАР (ЧССР)
А. Г. ЯКОВЛЕВ (СССР)

ВОПРОС: Каковы главные цели внешнеполитической стратегии маоистов на современном этапе?

ОТВЕТ: Основной внешнеполитической целью Мао Цзэ-дуна и его группы по-прежнему остается установление гегемонии Пекина в мире. С конца 1950-х годов они прилагают все усилия, чтобы приблизиться к осуществлению этой цели. Основное препятствие на пути к ней маоисты видят в

мировой системе социализма, и прежде всего — в Советском Союзе, представляющем собой авангард революционных сил современности. В качестве главного союзника в борьбе за достижение своих великодержавных целей маоисты пытаются использовать силы международной реакции, наиболее агрессивные круги империалистических стран. Пекин постоянно лавирует и применяет различные тактические средства, приемы и уловки, но великодержавно-гегемонистский лейтмотив его действий на международной арене неизменен.

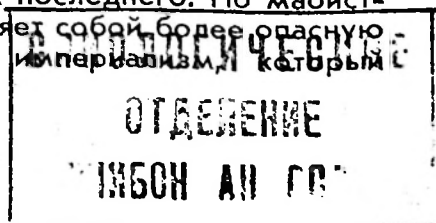
ВОПРОС: Каковы новые особенности политики маоистов по отношению к главной революционной силе современности — мировому социализму, в чем они проявляются?

ОТВЕТ: К новым явлениям следует отнести то, что Пекин с беспрецедентной для него откровенностью обнажил весной 1974 г. националистические основы своей внешней политики. Выступая в апреле прошлого года на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заместитель премьера Государственного Совета КНР Дэн Сяо-пин сконструировал новейшую маоистскую политическую схему деления мира, согласно которой ныне имеются три группы государств: СССР и США («первый мир»), развивающиеся страны («третий мир») и находящиеся между двумя упомянутыми группами развитые страны («второй мир»).

Таким образом, на нарисованной Дэн Сяо-пином политической карте мира уже не оказалось ни социализма, ни капитализма. На ней, по его словам, есть лишь большие и малые, развитые и развивающиеся государства, якобы озабоченные исключительно борьбой за свою независимость от «двух сверхдержав», которые в свою очередь поглощены будто бы непримиримым соперничеством в деле подчинения себе всех стран и народов.

В новейшей маоистской схеме мира социализм как фактор глобального значения отсутствует, вообще не играет никакой роли, поскольку мировое социалистическое содружество будто бы больше не существует. Примечательно, что даже «социализм» маоистского толка, который еще совсем недавно в Пекине изображали в качестве единственного «истинного социализма» и борьбу против которого представляли главной целью мировой буржуазии, оказался в этой схеме также несущественным фактором. Из этой схемы следует, что отнюдь не роль «сеятеля зерен социализма» является для маоистского военно-бюрократического режима главной в мировой политике.

Классовые мотивы внешней политики государств этого разделенного на две противоположные системы мира ныне начисто отброшены маоистами. По их мнению, единственную двигательную пружину мировой политики, всего мирового развития в наши дни составляет некий лишенный классовой определенности порыв всех стран к освобождению от контроля со стороны «сверхдержав» и стремление последних к закабалению народов. Иными словами, такой пружинной будто бы является национализм. При этом он изображается маоистами как прогрессивный во всех его проявлениях, когда речь идет о пресловутой борьбе малых, средних, больших государств против «двух сверхдержав», особенно против «сверхдержавы, именующей себя социалистической страной», и как реакционный, когда речь идет о целях и действиях США и СССР на международной арене, особенно о целях и действиях последнего. По маоистской классификации, Советский Союз представляет собой более опасную для свободы народов силу, чем американский империализм, который

якобы уже «сброшен народами со своего пьедестала» и является дряхлеющим «империализмом старого типа».

Из нарочито туманных, лишенных классовой определенности оценок противоборствующих в мире сил абсолютно четко вырисовывается стремление Пекина «оправдать» абстрактно-теоретическими построениями вполне конкретный курс на блокирование с империалистической и всякой иной реакцией для борьбы против мира, демократии и социализма, во имя шовинистических целей, которые нынешние правители Китая пытаются выдать за национальные цели китайского народа.

Вполне очевидно, что рассмотренная выше корректировка маоистского взгляда на мировые противоречия, осуществленная в рамках великодержавно-гегемонистского стратегического курса, нацелена на повышение эффективности этого курса, на придание ему более определенной антисоциалистической направленности.

Как отмечала газета «Правда» 22 февраля 1975 г., «политика Пекина по отношению к мировому социализму, международному коммунистическому, рабочему движению является глубоко враждебной. Это прямое пособничество антикоммунизму».

ВОПРОС: Маоисты, несомненно, отдают себе отчет в том, что успех дела мира во всем мире в решающей степени зависит от степени сплоченности СССР и других социалистических стран. Как можно охарактеризовать современный курс Пекина в отношении содружества социалистических стран!

ОТВЕТ: Политику пекинских лидеров в отношении социалистического содружества также следует рассматривать в тесной связи с их общей стратегией, направленной на установление гегемонии маоистского Китая в мировом масштабе. Одной из наиболее существенных и важнейших целей маоистов являются ослабление и раскол социалистического содружества. Маоисты упорно пытаются затормозить или даже повернуть вспять процессы социалистической интеграции. При этом преследуется одна и та же цель, а именно — подвергнуть сомнению значение и прочность связей в рамках содружества и навязать мнение о бесперспективности этих связей.

Прежде всего следует отметить пропагандистско-идеологический аспект подрывной деятельности нынешнего пекинского руководства. Характерное для братских стран динамичное социально-экономическое развитие создает единственный в международном масштабе образец формирования развитого социалистического общества — образец, которому маоизм не в состоянии противопоставить ничего конструктивного или позитивного. Поэтому Пекин всеми силами стремится дискредитировать достижения стран содружества. При этом он пытается навязать не только китайскому народу, но и международной общественности представление о «непрочности», «эпизодичности», «иллюзорности» достижений социалистических стран, которых их трудящиеся добились под руководством своих коммунистических партий.

Для подрыва единства социалистического содружества маоисты применяют выработанный ими и имеющий провокационный характер так называемый «дифференцированный подход». Для обоснования такого «подхода» пущена в ход специальная «теоретическая конструкция», согласно которой быстрое расширение двусторонних отношений Китая со странами социалистического содружества в различных областях должно быть процессом, не зависимым от сложившихся взаимоотношений в рамках самого содружества. Другими словами, согласно этой «теории», дея-

тельность Пекина, направленная против единой политики стран содружества, не должна рассматриваться как фактор, мешающий развитию их двусторонних отношений с КНР.

Истинная цель подобных «теоретических конструкций» — любой ценой оторвать отдельные страны содружества от Советского Союза, привлечь их на свою сторону.

ВОПРОС: А какую конкретную политику осуществляет пекинское руководство в отношении СЭВ как органа экономической интеграции стран социалистического содружества?

ОТВЕТ: Маоисты всеми силами пытаются разобщить страны социалистического содружества. Они стараются дискредитировать деятельность СЭВ, выступают с клеветническими нападка на любые организационные формы социалистической интеграции. Пекинская пропаганда нарочито искажает факты и стремится навязать мнение о «бесплодности», «временном характере» и «невыгодности» интеграционных связей в рамках социалистического содружества. В то же время пекинские пропагандисты обходят вопросы, связанные с самой сущностью экономического сотрудничества стран мировой социалистической системы, неконъюнктурный характер этих вопросов и их значение для неуклонного экономического и социального прогресса системы в целом.

Другой прием, к которому прибегает Пекин в своей борьбе против экономической интеграции стран социализма, — это рекламирование тезиса о том, что отношения в рамках СЭВ якобы ограничивают возможности развития торговли входящих в него стран с Китаем и что рост такой торговли при ограничении сотрудничества в рамках СЭВ был бы-де с точки зрения их интересов более выгодным.

Однако практика внешней торговли КНР свидетельствует о том, что Пекин руководствуется принципами, опровергающими провозглашаемые им теории. Предложения социалистических стран относительно увеличения торговли с КНР отклоняются Пекином, который, предпочитая торговать с капиталистическими странами, расширение торговли со странами социализма, как правило, обуславливает требованиями «политических уступок».

ВОПРОС: Ну, а если торговый партнер не желает идти на политические «уступки»?

ОТВЕТ: Тогда экономические связи с Китаем свертываются. В качестве примера может служить положение в области польско-китайского товарооборота за последние годы.

Т а б л и ц а
Внешнеторговый оборот ПНР с КНР (в млн. злотых)

Год	Импорт	Экспорт
1960	185,5	199,8
1965	99,9	76,9
1970	97,6	105,2
1971	83,5	149,2
1972	124,8	103,2
1973	112,2	109,9

Творцы пекинской политики стремятся «подобрать ключи» к каждому из членов содружества, выдвигая предложения широкого сотрудничества во многих областях. В качестве примера можно привести Польскую Народную Республику. Китай предложил организовать широкий обмен спортивными делегациями, туристические поездки польских граждан в КНР, выставки «Археологические находки», выступления цирковых трупп и т. п. Характерно, что инициатива Пекина проявляется главным образом в области, выгодной с точки зрения пропагандистских целей. В то же время маоистское руководство гораздо сдержаннее относится к сотрудничеству в таких областях, как обмен научными изданиями, двусторонние контакты между обществами дружбы и т. п.

Вместе с тем пекинское руководство предпринимает попытки грубого вмешательства во внутренние дела социалистических стран. Примером этого служит вмешательство в дела ПНР, предпринятое на X съезде КПК, а также демонстративная поддержка Пекином маоистствующего ренегата Казимира Мийяля. Последний пример — яркое доказательство того, что симпатии китайского руководства всегда на стороне тех, кто готов вступить на путь антисоциалистической деятельности.

ВОПРОС: В европейской политике Пекина важное место занимают вопросы сближения с империалистическим блоком НАТО. Маоисты зашли так далеко, что открыто призывают участников этого империалистического блока «всемерно крепить его мощь». Для полноты характеристики подлинного облика маоистов важно выяснить их отношение к деятельности Организации стран Варшавского Договора. Что здесь характерно для политики маоистов!

ОТВЕТ: Вот уже много лет пекинское руководство предпринимает усиленные попытки дискредитировать деятельность Организации стран Варшавского Договора. Пекинская пропаганда стремится извратить суть этого оборонительного союза социалистических стран, повторяя клеветнические измышления буржуазной пропаганды, выдвигая обвинения в «агрессивности» и «экспансионизме» и т. п., и одновременно открыто расточает похвалы НАТО. Подобная политика не только является демонстрацией проимпериалистической позиции маоистов, но и попыткой обмана общественности. Пекин старательно избегает упоминать в своих «доводах» общеизвестные заявления стран—участниц Варшавского Договора об их готовности прекратить его действие одновременно с прекращением действия Североатлантического пакта.

Пропаганда, вводимая Пекином против мирового социалистического содружества, включается в общую кампанию клеветы и дезинформации, развернутую силами антикоммунизма. При этом обе участвующие в этой кампании стороны, то есть и наиболее реакционные элементы империализма и маоисты, тесно сотрудничают, заимствуют друг у друга аргументы и измышления, обмениваются «опытом» и информацией. Тут взаимопонимание между ними полное.

Реакционные круги Запада обрели в лице Пекина, так сказать, новый «источник вдохновения», который они используют самым активным образом в политической борьбе, в пропагандистских и идеологических диверсиях против социалистических стран. Здесь явно сформировался своеобразный антикоммунистический альянс. Распространяемые западной пропагандой антикоммунистические фальсификации широко подкрепляются «аргументами», поставляемыми руководством страны, называющей себя «коммунистической». Так, в апреле—июне 1973 г. пять крупнейших капиталистических центров, ведущих радиопропаганду на польском языке, ис-

пользовали китайские тезисы и пекинскую аргументацию в 748 специальных комментариях, а в июле — сентябре того же года — в 1191 комментариях. В 1974 г. данная тенденция не ослабевала.

Идеологи антикоммунизма пытаются использовать обретенный в лице маоистов «источник вдохновения» для создания у общественности западных стран впечатления о якобы идущем процессе «разложения» коммунизма. С помощью использования маоистской «аргументации» они также стремятся доказать, будто нынешнее состояние отношений между социализмом и капитализмом является результатом только доброй воли Запада, а не результатом нынешнего соотношения сил между ними.

ВОПРОС: Какие новые тенденции обнаруживаются в политике Пекина на Европейском континенте?

ОТВЕТ: Европейская политика Пекина уже была предметом обсуждения участниками «круглого стола», запись беседы которых опубликована на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока» № 4 за 1973 г.

Направление европейской политики нынешних китайских руководителей с тех пор обнажилось еще более отчетливо. Ее существо сводится к борьбе против превращения Европы в континент прочного мира, прежде всего против основной предпосылки такого развития — миролюбивой политики стран социалистического содружества, одерживающей все новые победы в результате изменившегося в пользу социализма и мира соотношения сил на международной арене.

Нынешний курс Пекина, столь резко отличный от европейской политики КНР 50-х годов, направлен против международно-правового признания итогов второй мировой войны и послевоенного развития, против политики мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Основным инструментом этой политики Пекина, рассчитанной на длительное время, являются массированные подрывные действия против процесса разрядки в Европе, дискредитация движущих сил этого процесса, а также попытки объединения всех антикоммунистических и враждебных разрядке сил в общий фронт, чтобы затормозить и повернуть вспять процесс оздоровления обстановки в Европе.

В европейской политике Пекина, таким образом, находит свое конкретное и неприкрытое проявление антисоциалистическая, подрывная сущность глобального курса нынешних китайских руководителей, главными чертами которого являются антисоветизм и противодействие разрядке международной напряженности. Источником и движущей силой этого курса, а вместе с тем и европейской политики Пекина, являются великодержавные гегемонистские устремления маоизма, возведенные на современном этапе в ранг официальной политики КНР.

ВОПРОС: Приведите конкретные примеры акций Пекина против мира в Европе, предпринимаемых в настоящее время!

ОТВЕТ: Китайским руководителям приходится считаться с тем, что, несмотря на противодействие со стороны империалистических, маоистских и прочих реакционных кругов, процесс разрядки напряженности на этом континенте продолжает развиваться. Завершается второй, наиболее сложный этап работы общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству. Между социалистическими и капиталистическими странами расширяются взаимовыгодные экономические связи на долгосрочной основе, что закладывает фундамент для политической разрядки.

Учитывая все это, пекинские руководители ищут новые пути и возможности для достижения своих целей в Европе, продолжая широко распространять клеветнические измышления в адрес Советского Союза. Усиливая подрывную, раскольническую деятельность против социалистического содружества, пекинские руководители вместе с тем активизируют борьбу с позитивными тенденциями в современной политике западноевропейских капиталистических государств, развертывая ее по двум направлениям. С одной стороны, маоисты, не брезгуя никакими методами и средствами, предпринимают усилия, чтобы расшатать и ослабить позиции руководящих деятелей западноевропейских стран, проявляющих реализм в оценке миролюбивой политики СССР и в подходе к решению международных проблем. Однако в современных условиях у китайских руководителей весьма мало шансов добиться успеха в стремлении подтолкнуть этих деятелей на путь открытого антисоветизма и откровенного саботажа мер по разрядке международной напряженности. Подавляющее большинство реально мыслящих государственных и политических деятелей в Западной Европе по самым различным причинам явно не желает жертвовать выгодными добрососедскими отношениями, установившимися между их странами и СССР, а также с социалистическим содружеством в целом, во имя сомнительного альянса с пекинскими лидерами, нацеленного против социализма и означавшего бы в любом случае угрозу разрядке международной напряженности.

С другой стороны, Пекин усиленно сближается с правыми, ультрареакционными силами в Западной Европе в целях подавления позитивных тенденций в современной внешней политике западноевропейских капиталистических государств.

В 1974 г. и в начале 1975 г. по инициативе китайской стороны впервые были проведены переговоры на самом высоком уровне между пекинскими руководителями и лидерами правых, консервативных кругов Западной Европы, прежде всего ФРГ (Хит, Коль, Штраус и др.). На этих переговорах речь шла не только об активизации антисоциалистической пропаганды, направленной на дискредитацию достигнутых на Европейском континенте позитивных сдвигов, но и об изыскании возможностей для координации совместных усилий в деле нагнетания напряженности в Европе в настоящем и будущем. В этой связи французская газета «Монд» справедливо расценивала помпезную встречу Мао Цзэ-дуна с Францем Йозефом Штраусом, которого она назвала «апостолом международной напряженности» и «глашатаем реванша и войны», как выражение решимости пекинского руководства «сделать все возможное», чтобы воспрепятствовать углублению процесса разрядки в Европе¹. В беседе со Штраусом заместитель премьера китайского правительства Дэн Сяо-пин, являющийся с января 1975 г. также одним из заместителей председателя КПК и начальником генерального штаба вооруженных сил КНР, дал понять, что при реализации своих планов Пекин намерен делать ставку на сближение с крайне реакционными силами империализма².

После встреч в Пекине в агрессивных кругах Западной Европы снова заговорили о целесообразности «использования всех шансов, предоставляемых китайцами»³. Контакты последних лет, таким образом, свидетельствуют о том, что обе стороны берут курс на усиление совместных подрывных действий против процесса европейской разрядки и нормализации

¹ «Le Monde», 18.1.1975.

² Агентство ДПА. Пекин, 15.1.1975.

³ Маттиас Вальден. Дракон шлет пламенный привет. — «Die Welt», 17.X.1974.

отношений между социалистическими и капиталистическими странами на этом континенте.

Ориентация Пекина на крайне авантюристические правые силы Запада продиктована особыми целями маоистского руководства, смыкающимися с интересами реакционных кругов НАТО, которые снова стремятся возродить дух «холодной войны», всячески препятствуя успешному завершению венских переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе на основе согласованных конструктивных решений. Блокируясь с реакционными силами капиталистического мира, Пекин надеется также вступить в блок с заправилами военно-промышленного комплекса империализма, с помощью которого он рассчитывает форсировать создание собственного военно-промышленного потенциала.

ВОПРОС: Какая роль отводится Пекином промаоистским организациям на Европейском континенте!

ОТВЕТ: Новая стадия эскалации внешнеполитической диверсии Пекина против разрядки напряженности на Европейском континенте находит свое отражение и в его политике по отношению к промаоистским группам в Западной и Северной Европе. Несмотря на свою малочисленность и незначительное влияние, эти группы, как и прежде, занимают важное место в европейской политике Пекина, смыкающейся со стратегией ультрареакционных сил империализма. Взятые в отдельности, они выполняют роль локальных инструментов, посредством которых пекинские руководители стремятся оказывать непосредственное влияние на обстановку в отдельных странах. Своей раскольнической тактикой они подготавливают почву для распространения маоистской идеологии и политики, способствуя тем самым созданию Пекином системы опорных баз в различных странах мира.

Левацкая по форме и правая по существу антикоммунистическая деятельность промаоистских групп, направленная на раскол революционного рабочего движения и общего фронта демократических и антиимпериалистических сил в капиталистических странах, играет на руку монополистической буржуазии и, как, например, показали события в Португалии, создает угрозу для демократического развития отдельных стран. Авантюризм маоистов, закамуфлированный лозунгами о подготовке насильственной, вооруженной «пролетарской революции», дает империалистической реакции повод к новым репрессиям, жертвами которых, как это не раз подтверждали события в ФРГ, становятся подлинные представители революционного движения. Откровенный антисоветизм и жгучая ненависть к реально существующему социализму, проявляемые лидерами промаоистских групп, делают их потенциальными и фактическими союзниками крайне реакционных империалистических сил. Современная политическая практика в ФРГ и других странах Западной Европы дает более чем достаточно подтверждений этого.

Пекинские руководители стремятся использовать дальнейшее обострение межимпериалистических противоречий для активизации раскольнической деятельности промаоистских групп в Западной Европе, преодолеть фракционность и идейный разброд в их рядах, а затем распространить сферу их влияния на новые районы, требуя взамен неукоснительной верности нынешнему внешнеполитическому курсу Пекина.

Повысившееся в последнее время внимание китайского руководства к раскольническим промаоистским группировкам в Европе в немалой степени связано со стремлением Пекина сорвать успешно начавшуюся

подготовку нового Совещания европейских коммунистических и рабочих партий, демонстрирующую возросшее марксистско-ленинское единство и силу мирового коммунистического движения в борьбе против империализма. Следствием этого явился, в частности, тот факт, что почти две трети делегаций, посетивших с лета прошлого года Пекин, представляли промаоистские организации Европы. Другим свидетельством усилий пекинских руководителей в деле мобилизации промаоистских групп на борьбу с революционным рабочим движением и процессом разрядки напряженности может служить совещание раскольнических «карманных» партий стран Северной Европы, состоявшееся в начале 1975 г. в Стокгольме.

ВОПРОС: Какое значение придается Пекином Европейскому континенту в его «глобальной стратегии»?

ОТВЕТ: Внешнеполитические акции, предпринимаемые в настоящее время Пекином в Европе, отражают особую роль Западной Европы в глобальной стратегии нынешних китайских руководителей.

Европа становится в последние годы объектом все более пристального внимания Пекина. Европейская политика сегодня является важнейшим аспектом общего внешнеполитического курса Китая. Это объясняется тем, что развитие международной жизни в Европе ныне более чем когда бы то ни было затрагивает суть великодержавной стратегии маоизма. Как это следует понимать?

Маоистское руководство Китая уже в течение длительного времени пытается восполнить недостаток собственных военных средств, необходимых для реализации далеко идущих глобальных целей, нагнетанием международной напряженности и разжиганием конфликтов.

Одна из основных концепций оценки международной жизни, пущенных маоистами в обращение, как известно, сводится к формуле: «чем больше в мире беспорядков, тем благоприятнее обстановка для народов». В официальных заявлениях пекинских руководителей в то же время вряд ли найдется хоть одно положение, указывающее на то, что сохранение мира во всем мире в наши дни стало объективной предпосылкой для решения всех остальных проблем и что поэтому главная задача международной политики должна состоять в обеспечении мира на земле. Зато за период с конца 50-х годов накопилось достаточно примеров, показывающих, как и для чего пекинские руководители стремятся использовать обострение напряженности и конфликты в различных частях света. Европа не является в этом отношении исключением.

У пекинских стратегов, стоящих на позиции великодержавного шовинизма, процесс разрядки в Европе вызывает особую неприязнь, ибо по мере своего развития и распространения на другие зоны нашей планеты он все больше и больше сужает возможности маоизма для спекуляций на международных конфликтах и обострении напряженности. Его дальнейшее углубление означало бы резкое уменьшение шансов на осуществление великодержавных целей Пекина.

Европа, как известно, представляет собой район земного шара, где непосредственно противостоят друг другу силы социализма и капитализма, где сконцентрирована значительная часть военно-экономического потенциала двух различных мировых систем. Поэтому процесс европейской разрядки идет вразрез с замыслами нынешних пекинских руководителей, которые хотели бы путем консервации остатков «холодной войны» и возрождения конфронтации между европейскими государствами связать силы капитализма и максимально ослабить главные силы социа-

лизм, прежде всего СССР, с тем чтобы получить необходимую свободу действий для распространения сферы влияния маоизма и расширения его опорных баз в Азии, Африке и Латинской Америке.

В этом заключена основная причина, объясняющая, почему китайские руководители в последние годы особое внимание уделяют политике в Европе. Они пытаются любыми средствами помешать оздоровлению обстановки на этом континенте.

Чтобы скрыть от народов реакционную сущность своей европейской политики, они клеветнически изображают борьбу социалистического содружества и всех других миролюбивых сил за международно-правовое признание империализмом существующих — прежде всего территориальных — реальностей в Европе и за создание системы коллективной безопасности и сотрудничества в этом районе как соперничество «двух сверхдержав» в борьбе за «мировое господство»⁴. Они пытаются оклеветать миролюбивую политику СССР и всего социалистического содружества, представляя ее как угрозу миру в Западной Европе. Они спекулируют при этом на том факте, что всестороннее укрепление сил социализма явилось главной предпосылкой начавшегося процесса разрядки, а дальнейший рост его могущества является основной гарантией того, что этот процесс станет необратимым. Следует, однако, иметь в виду, что, несмотря на первые положительные результаты в деле предотвращения мировой термоядерной войны и ограничения стратегических вооружений, агрессивные империалистические круги противодействуют наметившимся сдвигам, продолжая форсировать гонку вооружений. Перед лицом непрекращающихся военных приготовлений империалистических стран социалистические государства вынуждены держать в состоянии постоянной готовности средства, необходимые для защиты завоеваний социализма и мира. Пекинские руководители, называющие себя «марксистами», в своем беспредельном шовинизме и антисоветизме дошли до того, что пытаются отрицать агрессивный характер империализма. Руководствуясь принципом «цель оправдывает средства», они объявляют крупнейший военный блок империализма — НАТО «оборонительным союзом»⁵ и рядят Штрауса, этого яркого поборника империалистической политики «с позиции силы», в тогу борца за мир, безопасность и разрядку⁶.

Политика пекинского руководства по отношению к Западной Европе в настоящее время состоит в том, чтобы в союзе с представителями воинствующего антикоммунизма и враждебными разрядке силами дискредитировать, а затем похоронить реалистическую тенденцию, наметившуюся в политике капиталистических стран Западной Европы. Пекинские руководители полагают, что, если это удастся, они скорее добьются от Западной Европы согласия на исполнение подсобной роли в глобальной политике маоизма.

Для достижения этой цели китайские руководители апеллируют к монополистической буржуазии Западной Европы, цинично пренебрегая при этом интересами народов западноевропейских стран. Своими главными союзниками отныне они уже в открытую считают самых махровых антикоммунистов и реваншистов из лагеря империализма. Это объясняет и тесную взаимосвязь между особым интересом Пекина к военно-промышленному комплексу и роли ФРГ в Западной Европе и растущей поддерж-

⁴ «Документы и материалы X съезда КПК». Пекин, 1973, стр. 25; «Жэньминь жибао», 8.1.1975, и др.

⁵ Интервью американского журналиста Сульцбергера с Чжоу Энь-лаем, опубликованное в «International Herald Tribune», 29.X.1973.

⁶ Агентство ДПА. Пекин, 15.1.1975. — «Штраус у вице-преьера Дэн Сяо-пина».

кой, оказываемой в последние годы пекинскими руководителями противникам разрядки, группирующимся вокруг Штрауса, Шрёдера и других представителей агрессивных империалистических кругов в ФРГ.

ВОПРОС: Какие цели преследовали визиты западногерманских «ультра» в Пекин!

ОТВЕТ: Визит Штрауса был кульминационным пунктом и завершением первой фазы прямых переговоров между лидерами ХДС/ХСС и китайскими руководителями в Пекине. Эта фаза начата визитом вице-председателя ХДС Шрёдера летом 1973 г. и продолжена председателем ХДС Колем, посетившим Китай осенью 1974 г.

Результаты этих контактов с очевидностью свидетельствуют о том, что во имя своих великодержавных целей китайские руководители целеустремленно поддерживают реваншистские амбиции западногерманского империализма по отношению к ГДР. «Штраус, — писал шведский еженедельник «Ню даг», — никогда не признавал ГДР как суверенное государство и мечтает о возрождении «Великой Германии»⁷. Поддерживая реваншистские лозунги о «единой германской нации», пекинские руководители, по сути дела, поют в унисон с самыми оголтелыми неофашистами и реакционерами, которые хотят, чтобы германский вопрос все еще считался открытым. Поддержка маоистскими лидерами тезиса о «единой германской нации», главным глашатаем которого является Штраус, в условиях существования двух принципиально различных германских государств — социалистической ГДР и империалистической ФРГ, и двух принципиально различных наций — сформировавшейся в ГДР социалистической нации и буржуазной нации в ФРГ — означает не что иное, как прямое признание «права» западногерманского империализма на включение суверенной ГДР в состав государственно-монополистической системы ФРГ. Другими словами, маоистские лидеры, руководствуясь целями своей антисоциалистической, враждебной разрядке политики, сейчас поддерживают планы возрождения империалистической, антисоветски настроенной «Великой Германии». Точно к такому же выводу приходит и шведская газета «Дагенса нюхетер». В своем комментарии к визиту Штрауса в Пекин она пишет: «Создание сильной Западной Европы во главе с «единой Германией» — вот цель, которая объединяет Штрауса и китайских руководителей»⁸.

Весьма примечательно, что в связи с визитом лидеров ХДС/ХСС в Пекин даже некоторые буржуазные газеты сочли необходимым обратить внимание общественности на крайне опасные последствия политики Пекина для дела мира в Европе⁹.

Опасность политики Пекина состоит не в том, что она может найти поддержку среди рабочего класса и народов Западной Европы. Этому препятствует реакционная, авантюристическая суть маоистской политики. Кроме того, Пекин не располагает и необходимыми собственными средствами для непосредственного влияния на обстановку в Европе. Успешное развитие начавшегося процесса европейской разрядки поэтому и сопровождалось серией политических поражений маоизма. Однако реальная опасность маоистской политики состоит в том, что пекинские руководители в условиях сложившегося соотношения сил на международ-

⁷ «Ny Dag», № 3, 1975.

⁸ «Dagens Nycheter», 14.I.1975.

⁹ «The Christian Science Monitor», 24.X.1974.

ной арене, не исключая возможность внезапного обострения обстановки, в открытую блокируются с крайне реакционными и агрессивными силами империализма для борьбы против мира и безопасности народов.

В интересах упрочения процесса европейской разрядки необходимо разоблачать и давать решительный отпор этим новым посягательствам маоистских руководителей на дело мира в Европе.

ВОПРОС: Что нового в отношении маоистов к развивающимся странам появилось за период после X съезда КПК?

ОТВЕТ: Известно, что маоисты еще в конце 1971 г. причислили Китай к развивающимся странам. Этот шаг, казалось бы, шел вразрез с открытой линией пекинского руководства на сближение с империализмом и, на первый взгляд, мог быть расценен как стремление Пекина по-прежнему использовать «третий мир» в качестве главной опоры в борьбе за гегемонистские цели. Однако анализ акцентов во внешнеполитической деятельности Китая уже тогда отвергал подобные оценки. Объявление КНР страной, относящейся к «третьему миру», выражало прежде всего ту самую тенденцию отхода китайского руководства от борьбы за социалистические цели, которая с большой полнотой раскрылась в середине 70-х годов, когда маоисты отказались от признания социализма определяющим фактором мирового развития, одним из полюсов притяжения, формирующих расстановку политических сил в мире. Этим они дали понять всему миру, что свои задачи на международной арене никак не связывают с борьбой за победу социализма над капитализмом. Более того, они дали понять, что не добиваются утверждения даже собственной, маоистской «модели социализма».

Нет никаких оснований считать, что Пекин отгородился от социалистической перспективы мирового развития и совершил открытый поворот к блокированию с империализмом, чтобы укрепить свои позиции в «третьем мире», ныне как раз озабоченном выбором путей своего социального развития и борьбой против расширяющегося неокOLONиалистского наступления империализма. Оба упомянутых шага никак не могли приблизить Китай к этой цели. Но и тот и другой действительно были совершенно необходимы пекинским лидерам для сближения со всеми классово враждебными социализму международными силами. На самом деле, как показало время, Китай, хотя и ведущий борьбу против СССР, социалистического содружества, международного коммунистического движения, но вместе с тем поддерживающий разного рода левозэкстремистские движения в капиталистической системе и объявляющий себя «цитаделью истинного социализма», не мог рассчитывать на глубокое и доверительное взаимопонимание с империализмом.

Совершенно очевидно, что «третий мир» к началу 70-х годов отошел во внешнеполитической стратегии маоизма на второй план. Характерно, что на X съезде КПК (август 1973 г.) о «третьем мире» говорилось очень мало, его место и роль в мировом развитии вообще никак не были охарактеризованы; было отмечено лишь, что пробуждение народов «третьего мира» — «радостное событие».

Превращение реального мирового социализма — этого исторического союзника развивающихся стран — в единственного глобального противника Пекина и превращение империализма, являющегося историческим врагом этих стран, в опору Пекина объективно сделали неизбежным уменьшение значения «третьего мира» для маоистской внешнеполитической стратегии.

Но это не означает, что Пекин совсем сбросил его со счета. Безусловно, объявляя КНР развивающейся страной, относящейся к «третьему миру», китайские руководители, помимо упомянутой основной цели, преследовали и другую достаточно важную, прямо связанную с основной. Этим шагом они явно стремились уменьшить падение своего влияния среди развивающихся стран, к которому неизбежно должен был привести поворот к открытому блокированию с империализмом. А сохранение такого влияния необходимо Пекину, в частности, для того, чтобы не оказаться один на один со своим более могущественным партнером — империализмом, не попасть в полную зависимость от него. Чтобы успешно вести торг за лучшие условия альянса с империализмом и разговаривать с ним на равных, а тем более навязывать ему свою линию поведения, Пекину и потребовалась какая-то дополнительная опора во внешнем мире, некая сфера влияния, где позиции империализма по тем или иным причинам подорваны.

Именно так вырисовывается роль «третьего мира» в маоистской внешнеполитической стратегии, если проанализировать практические действия Пекина на международной арене в 1971—1973 гг. и материалы X съезда КПК.

Не прошло, однако, и семи месяцев после этого съезда, как внезапно, в апреле 1974 г., Пекин совершил новый поворот, объявив развивающиеся страны главной силой, «толкающей вперед колесо мировой истории».

ВОПРОС: Можно ли расценить подобную тактику маоистов как определенное отступление от курса на блокирование с наиболее реакционными силами империализма?

ОТВЕТ: Представляется, что демонстративные апелляции Пекина к «третьему миру» вызваны целым рядом причин. Прежде всего следует подчеркнуть, что неторопливая и осмотрительная реакция Запада на «приглашение» крепить антисоветский альянс разочаровала маоистов. Правящие круги империалистических держав отнюдь не выразили особого желания способствовать созданию в мире столь желанного Пекину «великого хаоса». Вместе с тем на рубеже 1973—1974 гг. «третий мир» обнаружил способность с помощью экономических мер оказывать серьезное влияние на развитие международной обстановки. Известно, например, какую реакцию со стороны США вызвало давление со стороны арабских нефтепроизводящих стран, стремящихся к более справедливому распределению доходов от эксплуатации принадлежащей им нефти, и как все это отразилось на общем положении в мире.

Наконец, маоистскому режиму нужно было как-то приглушить недовольство в КНР, вызванное его откровенным отказом от антиимпериалистического курса. Обострение кризиса в пекинских верхах связано, в частности, с явным креном внешней политики режима вправо.

Известная смена внешнеполитических акцентов в 1974 г., металлические нотки, зазвучавшие в диалоге Пекина с Вашингтоном, не дают оснований считать, что маоисты приступили к пересмотру курса на блокирование с империализмом в целом. Напротив, имеется достаточно доказательств того, что они делают дальнейшие шаги вправо, к более тесному смыканию с его наиболее реакционными кругами.

Во-первых, полностью сохранена и даже усилена линия Пекина на всемерное содействие военно-политической консолидации империализма, на мобилизацию международной реакции для подрыва разрядки напряженности, на усиление отпора мирному наступлению социализма, на торможение мирового революционного процесса.

Во-вторых, провозгласив «третий мир» главной революционной силой, маоисты призвали его к тесному политическому и экономическому сплочению с так называемым «вторым миром», в который включаются «малые и средние» империалистические державы. По сути, такой призыв есть не что иное, как прямая поддержка неоколониалистской политики империализма.

В-третьих, проимпериалистический смысл маневров Пекина четко проявился в том, что главной целью сплочения развивающихся стран с «неамериканским» империализмом маоисты объявили борьбу против «сверхдержавы, именующей себя социалистической страной», то есть против Советского Союза. И хотя маоисты призывают к такому сплочению и для борьбы против «другой сверхдержавы», реальная антиамериканская направленность подобных призывов ничтожна. В 1974 и 1975 гг. Пекин продолжал настойчиво советовать империалистическим державам укреплять отношения с Соединенными Штатами. В январе нынешнего года Чжоу Энь-лай в беседе с влиятельным деятелем Либерально-демократической партии Японии Сигэру Хори, нанесшим визит в Пекин, рекомендовал правящим кругам Японии теснее спланиваться с Америкой. Лидеру западногерманских «ультра» Штраусу в Пекине в том же месяце заявили, что-де безопасность Западной Европы в конечном счете может гарантировать лишь американская военная мощь.

Следовательно, не борьба развивающихся стран против «неамериканского» империализма, а их сплочение с ним и через него с Америкой — вот подлинная цель нынешних активных заигрываний Пекина с «третьим миром». И если в прошлом в подобных заигрываниях объективно было хоть какое-то антиимпериалистическое содержание, то теперь оно вообще отсутствует. Маоисты стремятся использовать свое влияние среди развивающихся стран главным образом для того, чтобы втянуть хотя бы какую-то часть их в свой антисоветский, антисоциалистический альянс с империализмом. Вновь усилившийся интерес Пекина к «третьему миру», таким образом, полностью подчинен основному маоистскому курсу на блокирование с империализмом, дальнейшее политическое сближение с международной реакцией.

ВОПРОС: В принятой в январе 1975 г. Конституции КНР провозглашается, что Китай — социалистическое государство, и отсутствует какое бы то ни было упоминание о его принадлежности к развивающимся странам. В то же время маоисты продолжают относить к ним Китай. Как это можно объяснить?

ОТВЕТ: Безусловно, это — отражение внутренней борьбы в самом китайском руководстве. Несомненно, сыграла роль и общая теоретическая путаница, которая характерна для всей маоистской концепции. Однако главное здесь — стремление Пекина нажить политический капитал, спекулируя в зависимости от обстановки то лозунгами социализма, то заявлениями о принадлежности Китая к «развивающимся странам».

Расчет здесь явно на то, что в надежде сделать свою борьбу против социализма более эффективной мировой антикоммунизм уже давно и все более охотно поддерживает именно те политические силы, которые особенно умело прикрывают свою контрреволюционную сущность лозунгами «тоже социализма».

ВОПРОС: Как известно, в ходе нынешней кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» маоисты все настойчивее пропагандируют мысль о неизбежности новой мировой войны. Какое место в нынешней политике Пекина занимает этот тезис?

ОТВЕТ: В конце 1974 — начале 1975 г. китайское руководство заметно усилило пропаганду своего старого тезиса о фатальной неизбежности мировой войны. «Мир во всем мире не может длиться на протяжении жизни целого поколения», «у каждого поколения — своя война», — утверждал Дэн Сяо-пин в беседе с делегацией бундестага ФРГ в октябре 1974 г. На первой сессии ВСНП четвертого созыва (январь 1975 г.) о фатальной неизбежности мировой войны говорил Чжоу Энь-лай. Он утверждал, что «в этом мире нет разрядки».

А ведь именно за последние полтора-два года процесс разрядки, по общему признанию, приобрел особенно большой размах, значительно углубился. Однако эти реалии не устраивают пекинских лидеров, не отвечают их интересам, прежде всего задаче сближения и блокирования с империализмом. В условиях мира маоисты не видят для себя каких-либо возможностей эффективно бороться за гегемонистские цели. Другое дело — обстановка международной напряженности, при которой маоисты рассчитывают успешнее добиваться своих целей.

Вновь пустив в ход, уже в условиях открытого блокирования с империализмом, старый тезис о неизбежности мирового военного конфликта и объявив главным источником военной угрозы Советский Союз, маоисты пытаются вдохновить наиболее воинственные круги Запада на активизацию военных приготовлений, на подрыв дела мира. Используя этот тезис в новых условиях, китайские руководители вновь подтверждают контрреволюционный смысл своей позиции в вопросе о войне и мире, демагогический характер своих давних утверждений, будто такая позиция служит делу ускорения процесса социального освобождения человечества. Не нужно обладать слишком богатым воображением, чтобы представить, какое «освобождение» с помощью войны может принести человечеству альянс империализма и пекинских шовинистов.

Рассмотренные выше новые тенденции во внешней политике Пекина есть не что иное, как результат тактического маневрирования маоистского руководства в рамках принятой им в начале 70-х годов стратегии. Эта стратегия не приносит им пока ожидавшихся результатов, но определенная, ныне наиболее влиятельная часть китайского руководства продолжает цепляться за нее, «совершенствовать» ее, внося частичные коррективы и поправки.

Поход за создание единого мирового фронта реакции, противостоящего силам мира, демократии и социализма, предпринимается Пекином в период, когда в международных отношениях наметилась и начала углубляться тенденция к разрядке напряженности, к преодолению атмосферы «холодной войны» между двумя мировыми социальными системами. Процесс разрядки продолжает развиваться. Складывающийся блок Пекина с империалистической реакцией оказался не в состоянии воспрепятствовать ему. Это убедительнейшее свидетельство того, что международные силы прогресса и мира в наши дни способны обуздать агрессивность империализма, несмотря на активную и широкую поддержку, которую ему в последние годы открыто оказывают пекинские поджигатели войны.

ВОПРОС: Прошло три с лишним года с тех пор, как делегация КНР стала принимать участие в работе ООН. Как можно охарактеризовать деятельность представителей Пекина в этой организации?

ОТВЕТ: В начале 70-х годов китайское руководство, стремясь покончить с изоляцией, вызванной экстремистскими действиями пекинской дипломатии в период «культурной революции», переходит из тактических сообра-

жений от лозунгов «народной войны» и «острием против острия» к несколько более умеренному курсу внешней политики. Глава делегации КНР в ООН Цяо Гуань-хуа на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 3 ноября 1973 г. даже заявил, что Китай строит свои отношения с различными государствами на пяти принципах мирного сосуществования. «Китай, — пояснил он, — именно на этих принципах стал нормализовать свои связи с Соединенными Штатами Америки и устанавливать дипломатические отношения с Японией».

Такое заявление можно было бы только приветствовать. Однако эти слова противоречат действительному положению вещей. Прежде всего путь к урегулированию отношений между вышеуказанными странами был открыт отнюдь не в результате возврата Пекина к принципам мирного сосуществования. В основе поворота во внешнеполитическом курсе маоистов лежит линия, сформулированная на IX и X съездах КПК и имеющая антисоветскую направленность. Маоисты пытаются закамуфлировать эту направленность тезисом о «сверхдержавах», согласно которому основным противоречием современности является будто бы не противоречие между социализмом и капитализмом, а борьба между «двумя сверхдержавами». Стремясь занять ведущую роль в «третьем мире», китайские руководители, исходя из пресловутого тезиса о «сверхдержавах», навязывают общественности мысль о том, будто за все кризисы, конфликты и неурядицы в мире несут ответственность Советский Союз и Соединенные Штаты, будто народам мира угрожает агрессия как со стороны США, так и со стороны СССР, поскольку только они-де ведут гонку вооружения. Маоисты при этом сознательно умалчивают о целях гонки вооружения, осуществляемой империалистическими державами, молчат они и о подлинных причинах укрепления оборонной мощи стран социалистического содружества. Они в спекулятивных целях изолируют вопрос о гонке вооружений от его социальной основы, рассматривают его независимо от конкретных социально-политических отношений в мире. Подобная трактовка данного вопроса позволяет маоистам в равной степени приписывать агрессивность миру социализма и империализма, утверждать, будто именно вследствие этого «средние и малые государства вынуждены создавать и укреплять собственные вооруженные силы»¹⁰. Цяо Гуань-хуа, например, мотивировал развитие ядерного потенциала Китая следующими доводами: «Мы развиваем ядерное оружие исключительно в целях обороны, в целях срыва ядерной монополии сверхдержав и уничтожения в конечном счете ядерного оружия»¹¹. Замысел главы китайской делегации в ООН прозрачен — сорвать процесс нормализации отношений между социалистическими и буржуазными государствами, процесс разрядки напряженности, оправдать свою милитаристскую политику.

Китайская делегация в ООН ни разу не выступила с конструктивными предложениями о разоружении.

Генеральное направление внешней политики Китая со всей очевидностью свидетельствует о том, что у пекинских руководителей нет серьезных намерений вести переговоры о разоружении, так как это уменьшило бы их шансы на осуществление их гегемонистских амбиций. КНР до сегодняшнего дня не присоединилась ни к одному договору по ограничению ядерного оружия, по частичному запрещению ядерных испытаний. Позиция Китая по вопросам разоружения не нашла поддержки

¹⁰ «Жэньминь жибао», 26.XI.1971.

¹¹ Там же.

в ООН, хотя он тщетно пытался добиться такой поддержки представителей развивающихся стран. На XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 105 делегаций голосовали за принятие советского предложения о созыве международной конференции по разоружению. В конце концов и китайская делегация вынуждена была проголосовать за данное предложение. Она боялась наложить «вето» на данное предложение и таким образом вызвать широкое недовольство среди делегатов развивающихся стран.

ВОПРОС: А на какие новые аспекты в политике маоистов в ООН Вы могли бы указать?

ОТВЕТ: В течение последних лет позиция КНР в ООН не претерпела существенных изменений, хотя некоторые тезисы маоистов дополнились новыми положениями.

Характерная черта образа действий китайских дипломатов в ООН состоит в том, что они стремятся достичь популярности среди представителей развивающихся стран путем различных демагогических, расщепительных на введение в заблуждение трюков, которые широко ими применяются. Так, на состоявшейся по инициативе ООН в июле 1974 г. в Каракасе третьей конференции по морскому праву китайский представитель заявил, что борьба, введущаяся вокруг вопросов морского права, — «очень важное явление современности», ибо сегодня эта борьба «снискала приверженцев в лице многих малых и средних государств и вылилась в борьбу против морской гегемонии сверхдержав, имеющую международное значение»¹².

Китайская делегация вела себя на этой дискуссии так, будто предложение о расширении территориальных морских вод до 200 морских миль внесено ею, создавая впечатление, будто Пекин выступает инициатором в этом вопросе, а развивающиеся страны лишь поддерживают его. Такими методами китайские лидеры хотят создать миф о том, что Китай является выразителем интересов развивающихся государств.

Подобную же политику проводила китайская делегация на VI специальной сессии ООН, созванной с целью изучения проблем сырья и экономического развития. Представитель КНР Дэн Сяо-пин призвал развивающиеся страны укреплять свою экономическую независимость с помощью политики «опоры на собственные силы», которая толкуется ныне китайскими лидерами несколько иначе, чем раньше, а именно — как политика опоры не только на национальные ресурсы, но и на общие силы всех стран «третьего мира», включая, естественно, и Китай. Дэн Сяо-пин не случайно выступил с резкими выпадами против помощи развивающимся странам со стороны СССР, несколько не скрывая, что Пекину хотелось бы объединить развивающиеся страны под своей эгидой таким образом, чтобы они свернули очень важные для их экономического развития связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Истекшие три с лишним года деятельности КНР в ООН показывают, однако, что маоистская линия не оказала того воздействия на представителей «третьего мира», на которое рассчитывали в Пекине. Китайской дипломатии не удалось противопоставить странам социализма единый блок развивающихся стран, разрушить единство действий социалистиче-

¹² «Peking Review», 26.VII.1974.

ских и развивающихся государств в ООН. Тщетными оказались и попытки китайской дипломатии подорвать международный престиж СССР и социалистических стран. Последовательная миролюбивая политика социалистического содружества, конструктивная деятельность их в ООН снискали подлинное уважение и понимание среди развивающихся стран.

ВОПРОС: Одной из важнейших проблем современного международного положения является создание системы коллективной безопасности в Азии. Какое значение имеет успешное решение этой проблемы?

ОТВЕТ: Мир и безопасность — атрибуты социализма. Не случайно первым важнейшим внешнеполитическим актом Страны Советов — первого в мире социалистического государства, порожденного победой Великого Октября, — был Декрет о Мире. Ленинская политика мира характерна для всех периодов исторического развития Советского Союза и других социалистических стран. Эта политика определяется не конъюнктурными соображениями. Политика мира и безопасности отражает чаяния всех народов, интересы каждой страны, она создает наилучшие условия для развития производительных сил и социального прогресса.

Между тем, империализму, как известно, свойственна политика войн и агрессий. Международный империализм неоднократно ввергал народы мира в кровопролитные войны. После разгрома гитлеровского фашизма и японского милитаризма империалистические круги стран капитала не отказались от бредовой мысли ликвидировать мировую социалистическую систему, положить конец коммунистическому, рабочему и национально-освободительному движениям. Для увековечения колониализма они сколачивали во многих районах земного шара агрессивные военные блоки, создавали на территории развивающихся государств военные базы, спровоцировали целую серию вооруженных конфликтов и локальных войн — в Корее, Вьетнаме и других странах Юго-Восточной и Южной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке, на Кипре.

Политика гонки вооружений и «холодной войны», идейно-политическим оружием которой является антикоммунизм, еще более обостряла международную напряженность.

Однако благодаря внешнеполитическим инициативам Советского Союза и других социалистических стран, усилиям молодых независимых государств, сил национально-освободительных движений, всей миролюбивой общественности нашей планеты в международных отношениях произошел поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности.

Проблема разрядки напряженности волнует не только народы Европы, которая в прошлом оказывалась ареной двух самых разрушительных мировых войн, но и народы всех других континентов, включая Азию. Азия, как и другие континенты, имеет давнюю традицию и богатый опыт борьбы за мир и безопасность. Поэтому совсем не случайно Советский Союз и другие страны социалистического содружества отводят важное место в системе глобальной безопасности в мире Азиатскому континенту. Еще в 1969 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев выдвинул идею создания системы коллективной безопасности в Азии. Миролюбивая инициатива Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева открыла новые перспективы для совместной, координированной, эффективной борьбы за мир и безопасность народов этого континента. Превращение Азии в зону мира максимально содействовало бы делу независимого национального, социально-экономического и культурного развития народов континента. «...Мы, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — стремимся исключить войны и вооруженные конфликты, империалистическую агрессию на азиатском континенте; хотим, чтобы каждой стране и

народу были гарантированы условия для свободного развития и национального возрождения...»¹³.

В политических и общественных кругах азиатских стран с большим интересом воспринята советская идея о создании системы коллективной безопасности, так как она отражает прежде всего интересы самих азиатских народов, которые неустанно борются за нормализацию обстановки на Азиатском континенте. Усилиями азиатских народов, Советского Союза и других стран социалистического содружества в борьбе за нормализацию обстановки в Азии достигнуты несомненные успехи: нанесено поражение империалистической агрессии во Вьетнаме; достигнуто национальное согласие в Лаосе; победу за победой одерживают камбоджийские патриоты; заметно улучшилась обстановка на полуострове Индостан, где Индия, Пакистан и Бангладеш стремятся к восстановлению нормальных добрососедских отношений; в результате укрепления единства действий освободительных и миролюбивых сил стран Ближнего Востока создались благоприятные перспективы для справедливого политического урегулирования ближневосточного кризиса. Позитивные сдвиги благодаря инициативам правительства КНДР наметились на Корейском полуострове. Терпит крах на Азиатском континенте военно-блоковая политика империализма. В странах Азии все более активный характер приобретает поиск путей к практическому решению задач обеспечения прочного мира и безопасности на континенте. Для дальнейшей разрядки напряженности в Азии необходимо решительно противодействовать непрекращающимся проискам империализма, стремящегося сохранить агрессивные военные блоки и расширить свои военные базы в этом районе.

ВОПРОС: Маоистское руководство выступает в роли наиболее яркого противника идеи решения вопросов мира и безопасности усилиями всех стран Азиатского континента. Что скрывается за этим!

ОТВЕТ: К числу ярых противников оздоровления политического климата в Азии примыкают ныне китайские руководители, политика и действия которых на международной арене все более дискредитируют себя в глазах народов. Не желая связывать себе руки какими-либо обязательствами, они преднамеренно искажают суть идеи создания системы коллективной безопасности в Азии, расценивая ее как ведущую к «изоляции» и «окружению» Китая. «Жэньминь жибао» 12 декабря 1974 г. опубликовала специальную статью, чтобы оклеветать советскую идею создания системы коллективной безопасности в Азии. Маоисты в ней договорились до того, что назвали систему коллективной безопасности, предлагаемую Советским Союзом, «системой опасности в Азии», «направленной на осуществление дальнейшей экспансии и агрессии в Азии».

Откуда такая люта я вражда у маоистов к делу мира и безопасности народов? Ответ на этот вопрос может быть только один. Нынешних китайских лидеров не устраивает курс на разрядку напряженности и установление прочного мира в Азии, так как обеспечение коллективными усилиями азиатской безопасности не согласуется с гегемонистским, агрессивным курсом внешней политики Пекина, с его территориальными притязаниями. Пекин рассчитывает осуществить свои великодержавные цели в условиях разобщенности азиатских государств и напряженности в отношениях между ними. Отсюда подрывные действия Пекина, клеветнические кампании и другие акции, которые идут вразрез с насущными

¹³ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1973, стр. 571—572.

ми интересами азиатских народов, в том числе и китайского народа. Антисоциалистическая, проимпериалистическая политика маоистов вызывает решительное осуждение со стороны всех миролюбивых, прогрессивных сил, наталкивается на сопротивление и самого китайского народа.

Одним из проявлений откровенно экспансионистского, антисоциалистического курса маоистского руководства на международной арене является политика Пекина в отношении суверенной, независимой Монгольской Народной Республики. В основе этой политики маоистов лежат великодержавно-колониалистские притязания, унаследованные от китайских милитаристов и чанкайшистов. В создании системы коллективной безопасности в Азии маоисты видят еще одно препятствие на пути к осуществлению своих вождельней.

Монгольский народ, верный своему интернациональному долгу, всегда твердо стоял, как говорил первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР тов. Цеденбал, на стороне китайского народа и его справедливой борьбы за свободу и национальную независимость, за строительство новой жизни. МНРП и правительство МНР последовательно выступают за нормализацию отношений с КНР, за восстановление дружбы с китайским народом. Однако Монгольская Народная Республика решительно отвергает любые притязания и происки китайского руководства в отношении ее суверенитета, независимого развития по пути социализма.

Монгольская Народная Республика вместе с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, со всеми миролюбивыми государствами готова активно содействовать делу практического осуществления идеи общеазиатской безопасности.

ВОПРОС: 9 февраля 1975 г. маоистская печать обнародовала новое «важное указание» Мао Цзэ-дуна о важности изучения «теории диктатуры пролетариата». Это «указание» послужило толчком к развертыванию по всей стране нового движения, призванного, как утверждает пекинская печать, помочь «глубже понять исторические задачи диктатуры пролетариата и методы выполнения этих задач» и «способствовать укреплению диктатуры пролетариата», «...стабилизации и сплочению всей страны»¹⁴. С проведением этой кампании маоистская пропаганда связывает возможность успешного «претворения в жизнь основной линии» Мао Цзэ-дуна и «доведения до конца продолжения революции при диктатуре пролетариата»¹⁵.

В чем суть этой новой кампании?

ОТВЕТ: Прежде всего необходимо отметить, что каких-либо принципиально «новых» установок и лозунгов эта кампания на данном этапе не содержит. Судя по опубликованным материалам, высказывания Мао, задающие тон нынешней кампании, — это старые постулаты Мао Цзэ-дуна, выдвинутые им на различных закрытых совещаниях ЦК КПК еще в 1958 г. Это относится и к «установкам» Мао о принципах распределения общественного продукта при социализме, в которых отрицался социалистический принцип оплаты по труду, и к положению о неизбежности «буржуазного перерождения» китайского общества. Чтобы избежать «перерождения», рекомендует Мао Цзэ-дун, необходимо проводить непрерывную «классовую борьбу» против постоянно вырастающих из социализма «классовых врагов» и т. п. Широко пропагандируемый ныне тезис маоистов о том, что армия является главной «опорой» диктатуры

¹⁴ «Жэньминь жибао», 1.11.1975.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 22.11.1975.

пролетариата внутри страны, представляет собой повторение старого положения Мао, согласно которому «армия является не только боевым отрядом, но и главным образом рабочим отрядом», что, по существу, означает отождествление армии с рабочим классом.

ВОПРОС: В какой связи находится данная идейно-политическая кампания со всем комплексом социально-экономических проблем китайского общества, а также идеологией и политикой нынешнего пекинского руководства?

ОТВЕТ: В идейно-теоретическом плане нынешняя кампания означает попытку снова навязать компартии Китая, китайскому обществу старые, уже опровергнутые жизнью и заведшие страну в тупик маоистские постулаты и установки. В политическом отношении эта кампания преследует старую цель — укрепление военно-бюрократической диктатуры Мао Цзэ-дуна и его группы, которая выдается за «диктатуру пролетариата».

События последних лет убедительно показали, что маоизм, как мелкобуржуазная контрреволюционная идеология и политическая практика, переживает все более углубляющийся идейный кризис. Маоизм оказался в антагонистическом противоречии с объективными потребностями социально-экономического развития Китая, поэтому маоисты вынуждены изыскивать какие-то оправдания своей антисоциалистической политике, отказу от социалистического пути развития страны. С этой целью они пытаются использовать историю формирования первой китайской империи, выхватывая из нее такие исторические факты, которые, по их мнению, могли бы служить «историческим обоснованием» нынешнего режима насилия и жестоких репрессий, установленного в Китае. На данном этапе Мао Цзэ-дун и его окружение стремятся дополнить оправдание деспотического режима ссылками на марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата.

При этом маоисты прибегают к прямой фальсификации марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата. Так, 22 февраля 1975 г. в пекинских газетах была опубликована «специальная подборка» высказываний классиков марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата. Вырвав из контекста и соответствующим образом препарировав высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, односторонне акцентируя внимание лишь на одной стороне диктатуры пролетариата — на ее насильственной стороне, маоистские идеологи стремятся таким путем показать, будто предупреждение Мао Цзэ-дуна о неизбежном перерождении социалистического общества и о необходимости в этой связи перманентно повторяющихся политических репрессий, примером которых объявляется пресловутая «культурная революция», соответствует якобы марксистскому пониманию сущности диктатуры пролетариата.

Вот характерный пример. В упомянутой «подборке» приводится цитата из работы В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», в которой подчеркивается необходимость осуществления таких функций диктатуры пролетариата, как беспощадное подавление сопротивления свергнутых политически эксплуататорских классов и предотвращение внутреннего хаоса и шатаний¹⁶. В то же время авторы подборки сознательно опустили те места из этой ленинской работы, где говорится о важности созидательных, организаторских и воспитательных функций Советской власти как органа диктатуры пролетариата. «...Главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической ре-

¹⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., Т. 36, стр. 195.

волюции... — писал в этой же работе В. И. Ленин, — является положительная или созидательная работа налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»¹⁷.

С той же целью и с помощью тех же методов организаторы кампании фальсифицируют марксистско-ленинское положение о социалистическом принципе распределения «от каждого — по способностям, каждому — по труду». Этой фальсификацией они пытаются оправдать внеэкономическое принуждение, политику «казарменного коммунизма», иными словами — наступление на жизненные интересы китайских трудящихся. Спекулируя на великих коммунистических идеалах, на тех действительных «ростках коммунизма», которые рождаются в социалистическом обществе и о которых говорил В. И. Ленин в знаменитой работе «Великий почин», они стремятся внушить трудящимся мысль о том, будто бы отказ маоистского руководства от социалистического принципа оплаты труда рабочих и крестьян соответствует ленинскому пониманию положения о коммунистическом отношении к труду при социализме.

Таким образом, организаторы кампании на данном этапе стремятся фальсификацией марксистского учения о диктатуре пролетариата и социалистического принципа распределения по труду оправдать искусственное развертывание «классовой борьбы» — репрессий против политических противников группы Мао Цзэ-дуна — и новое наступление на жизненный уровень и права китайских трудящихся. При этом нельзя не обратить внимания на тот факт, что сегодня маоисты, очевидно, не считают больше возможным прикрываться традиционным утверждением о наличии в стране «небольшой горстки классовых врагов». В февральском номере журнала «Хунци» прямо указывается, что политические противники линии Мао Цзэ-дуна составляют целый «класс» и что для его появления имеется соответствующая «социальная база»¹⁸. Помимо фактического признания углубляющегося кризиса маоизма, роста числа его противников внутри страны, этот тезис чреват новыми политическими и социальными потрясениями, которые готовит китайским трудящимся маоистское руководство.

ВОПРОС: С какой целью маоисты поднимают сегодня вопросы истории борьбы императорского Китая против северных кочевых народов?

ОТВЕТ: В кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» китайская пропаганда затрагивает многие исторические проблемы, и среди них — проблему взаимоотношений Китая и племенного союза сюнну, или гуннов, в древности. Изучение многочисленных публикаций в китайской прессе на эту тему убеждает в том, что маоистское руководство преследует вполне определенные политические цели, далекие от истории, но созвучные с антисоветизмом Мао Цзэ-дуна. Искажая историю Древнего Китая, маоисты пытаются придать антисоветизму некий извечно неизбежный характер, чтобы оправдать политику сегодняшнего дня — милитаризацию страны и антинародный маоистский режим.

Массовая идейно-политическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», «развернутая и руководимая, — как писала в передовой «Жэньминь жибао», — лично председателем Мао»¹⁹, представляет собой спе-

¹⁷ Там же, стр. 171.

¹⁸ «Хунци», 1975, № 2, стр. 40.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 2.11.1974.

цифический маоистский вариант фальсификации и тенденциозного использования истории и философии древнего и средневекового Китая. Вместе с тем в этой кампании маоистское руководство стремится к расправе со всеми противниками «революционной линии председателя Мао». Эта кампания служит удобной ширмой для пекинского руководства, чтобы, не называя имен, на исторических аналогиях указывать на своих противников, призывать к расправе с ними, «доказать» правильность «идей Мао Цзэ-дуна» и т. п.

Как уже стало традицией в Пекине, выход из углубляющегося кризиса маоистское руководство видит в усилении военного психоза, в нагнетании антисоветизма.

В последнее время маоистская пропаганда считает недостаточным ограничиваться многочисленными враждебными выпадами против Советского Союза типа заявлений о том, будто «Советский Союз и Китай — это смертельные враги, для которых двоим нет места на земле»²⁰, она ищет «аргументацию» для антисоветского курса в истории, в частности в псевдоисторических статьях о борьбе с сюнну.

Многочисленные публикации в китайской прессе о сюнну открыла статья некоего Лян Сяо „Читая «Трактат о соли и железе»“ в пятом номере журнала «Хунци» за 1974 г. Чтобы у читателей не возникло сомнений в том, кого следует понимать под сюнну, в дальнейшем пропаганда разъяснила, что «критика Линь Бяо», который якобы «стремился установить контакты с советскими ревизионистами»²¹ и предлагал «путем переговоров урегулировать вопрос о границе»²², «должна проводиться в тесной связи с критикой реакционных конфуцианцев, которые капитулировали перед сюнну»²³.

Очевидна идентичность обвинений, выдвинутых маоистами против бывшего «преемника председателя Мао» — Линь Бяо — и конфуцианцев древности. Так, например, Линь Бяо приписывают характеристику антисоветского курса Мао Цзэ-дуна как «ошибочного и чреватого неприятными последствиями»²⁴, а конфуцианцев обвиняют в том, что они считали, что «между сюнну и Китаем нет коренных причин для столкновения, что усиленная подготовка к войне губельна для страны и народа»²⁵.

Таким образом, под видом критики «капитулянтской линии Линь Бяо» нападениям подвергаются те, кто понимает пагубность антисоветского курса Мао Цзэ-дуна.

Наряду со стремлением маоистского руководства расправиться с противниками антисоветского курса внутри Китая в этих статьях проглядывает стремление «исторически» обосновать курс на подготовку к войне, ведущий ко все большему снижению жизненного уровня китайского народа, а также провокационные территориальные требования к Советскому Союзу.

Гипертрофированно представляя агрессивность сюнну в отношении Китая, маоистская пропаганда подчеркивает, что в то время «народ приветствовал меры, направленные на усиление армии, создание запасов зерна и укрепление северной границы»²⁶. Вот так, «исторически» обосновывается лозунг Мао Цзэ-дуна «готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, широко запастись зерно».

²⁰ «Жэньминь жибао», 14.II.1974.

²¹ «Жэньминь жибао», 11.II.1974.

²² «Жэньминь жибао», 29.I.1975.

²³ «Гуанмин жибао», 7.II.1975.

²⁴ «Жэньминь жибао», 16.IV.1974, 14.II.1974.

²⁵ «Жэньминь жибао», 18.V.1974.

²⁶ «Жэньминь жибао», 6.IX.1974.

Территориальные претензии маоистов к СССР «обосновать» на примере сюнну несколько сложнее, так как исторические события того далекого времени разворачивались, собственно, на нынешней территории Китая, немного севернее Великой китайской стены. Но это не смущает пекинских авторов, которые безапелляционно утверждают, что «сюнну захватили огромную территорию на севере нашей страны»²⁷. Автор статьи «Борьба Канси в защиту единства страны и за отражение агрессии царской России» в журнале Пекинского университета № 6 за 1974 г. уже упомянутый Лян Сяо рассыпается в славословиях Канси (1654—1722), императору маньчжурской династии, поработившей Китай, за его захватническую политику в районе реки Амур и уничтожение русских поселений в этом районе. И все это подчинено одной цели: оправдать захватническую политику Канси и нынешние территориальные претензии к Советскому Союзу.

Таким образом, псевдоисторические статьи о сюнну служат «оправданию» расправы с инакомыслящими и «обоснованию» антисоветского курса Мао Цзэ-дуна.

²⁷«Жэньминь жибао», 6.IX.1974.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Вклад восточных районов страны в создание материально-технической базы коммунизма

М. Г. Назаров,

доктор экономических наук, профессор

Минувшие четыре года девятой пятилетки ознаменованы значительными успехами советского народа в коммунистическом строительстве, в осуществлении социально-экономической программы, намеченной XXIV съездом партии. Итоги развития народного хозяйства страны были подведены на декабрьском (1974) Пленуме ЦК КПСС, на котором с большой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. В его выступлении дан глубокий анализ хода выполнения плана девятой пятилетки, определены важнейшие задачи по успешному его завершению и перспективы развития нашей экономики в предстоящем пятилетии.

Главный политический итог прошедшего четырехлетия состоит в том, что нам удалось обеспечить динамичное развитие народного хозяйства в целом, сделать большой шаг вперед в создании материально-технической базы коммунизма. Все это — плоды ленинского генерального курса нашей партии и Советского государства во внутренней и внешней политике, убедительное доказательство правильности, последовательного и целеустремленного претворения его в жизнь.

В результате самоотверженного труда героического рабочего класса, славного колхозного крестьянства, советской интеллигенции, большой политической и организаторской работы партии и ее ленинского Центрального Комитета, партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций и хозяйственных органов достигнуты большие успехи в развитии социалистической экономики, науки и культуры, в подъеме благосостояния советского народа.

За четыре года девятой пятилетки национальный доход страны увеличился на 24%, реальные доходы в расчете на душу населения повысились на 19%, среднемесячная заработная плата рабочих и служащих выросла более чем на 15%, а оплата труда колхозников на 22%. Достигнут значительный прирост продукции. В промышленности он составил 33,2%, в сельском хозяйстве — 15%. За этот период введено в действие более 1600 крупных предприятий, построено почти 435 млн. кв. м общей площади жилых домов, что позволило улучшить жилищные условия более чем 45 млн. чел. Осуществлена также большая программа в области строительства учреждений здравоохранения, просвещения и культуры, значительно улучшены условия труда и отдыха трудящихся.

В достижении высоких темпов развития народного хозяйства страны важную роль играет ускоренное развитие экономики восточных районов. За истекшие годы пятилетки здесь быстрыми темпами развивались электроэнергетика, химическая и нефтехимическая промышленность, машиностроение и другие отрасли, определяющие научно-технический прогресс. На основе широко развернувшегося социалистического соревнования, более полного использования внутренних резервов производства трудящиеся этих районов добились высоких темпов в развитии промышленности и других отраслей. За 1971—1974 гг. объем промышленного производства возрос в Дальневосточном экономическом районе на 32,1%, Восточно-Сибирском — на 39,2%, Красноярском крае — на 38,7% и Тюменской области — на 99,4%.

Дальнейшим подъемом трудовой активности масс, повышением эффективности производства отмечен 1974 г. Достаточно сказать, что в 1974 г. план выпуска промышленной продукции не только выполнен, но и значительно перевыполнен во всех этих районах. По сравнению с 1973 г. производство продукции увеличилось на предприятиях Дальневосточного района на 6,6%, Восточно-Сибирского — на 8,5%, Красноярского края — на 7,6%, Тюменской области — на 19,9%. Значительно больше, чем в предыдущем году, произведено электроэнергии, газа, угля, стали, проката, цемента, приборов, средств автоматизации и запасных частей к ним, зерноуборочных комбайнов, сборных железобетонных конструкций и деталей к ним, хлопчатобумажных тканей, мяса, цельномолочной продукции, консервов, товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода.

Все это — результат огромных усилий тружеников социалистической индустрии, а также постоянного наращивания экономического потенциала восточных районов. За минувшие годы девятой пятилетки здесь вступили в строй многие крупные промышленные предприятия, а также цехи и участки производства; среди них первые агрегаты Усть-Илимской ГЭС, газоперерабатывающий завод в Оренбурге, Восточно-Сибирский завод огнеупоров, первая очередь кислородно-конверторного цеха № 2 на Западно-Сибирском металлургическом заводе, блюминг «1500» на Нижне-Тагильском металлургическом комбинате, производство смазочных масел на Ангарском нефтеперерабатывающем заводе и многие другие важнейшие объекты. Вместе с тем в развитии экономики восточных районов имеются отдельные недостатки, которые сдерживают повышение эффективности производства и рост производительности труда.

В соответствии с решениями декабрьского (1974) Пленума ЦК КПСС в текущем году предстоит обеспечить высокие темпы роста экономики, существенно улучшить все качественные показатели работы социалистических предприятий, резко повысить эффективность производства и производительность труда. Выполнение и перевыполнение плана текущего года будет означать новый крупный шаг в дальнейшем укреплении экономического могущества страны, развитии всех отраслей народного хозяйства, науки и культуры, повышении благосостояния трудящихся.

Высокими темпами будет развиваться социалистическая промышленность, еще более возрастут ее масштабы. В строй действующих войдет много новых предприятий черной и цветной металлургии, машиностроения, химии и энергетике, по добыче угля, нефти и газа, легкой и пищевой промышленности. Будет продолжено развитие крупных территориально-производственных комплексов, сооружено много важных народнохозяйственных объектов, среди которых Байкало-Амурская же-

лезнодорожная магистраль, Усть-Илимский лесопромышленный комплекс, Саяно-Шушенская ГЭС и другие. Огромные богатства Сибири и Дальнего Востока в еще больших масштабах будут поставлены на службу народу и Родине.

* * *

Выступая на торжественном заседании в честь 50-летия образования Молдавской Советской Социалистической Республики, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил, что «основная особенность нынешнего этапа нашего развития состоит именно в том, что на первый план все более и более выдвигаются, наряду с количественными, качественные факторы экономического роста нашей страны».

Наша страна располагает огромным производственным и научно-техническим потенциалом. В хозяйственный оборот вовлечены колоссальные ресурсы. Общество жизненно заинтересовано в эффективном использовании этих ресурсов, в том, чтобы на каждую единицу трудовых, материальных, финансовых затрат добиться существенного увеличения объема производства и национального дохода. Успешное решение этой задачи в современных условиях, когда темпы развития народного хозяйства значительно обгоняют темпы прироста трудовых ресурсов, требует максимально возможной экономии живого труда. Причем, чем дальше, тем острее станет это требование. И потому, что развитие экономики примет еще большие масштабы, и потому, что будет расти число людей, занятых в науке, просвещении, здравоохранении, в сфере бытового обслуживания. Все это означает, что быстрый рост народного хозяйства должен быть обеспечен без значительного увеличения числа работников, занятых в области материального производства, то есть за счет повышения производительности труда.

Коммунизм, говорил Владимир Ильич Ленин, есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику рабочих. Общественная собственность на средства производства, планомерный характер развития социалистической экономики, неуклонный подъем общеобразовательного и культурно-технического уровня трудящихся, социалистическое соревнование, материальные и моральные стимулы к труду — все это создает возможности для ускоренных темпов роста производительности труда.

Усилия партии направлены на более полное использование этих возможностей и преимуществ в интересах быстрее продвижения вперед. За четыре года девятой пятилетки производительность труда в промышленности страны возросла на 26% и в строительстве на 22,3%. Высокими темпами повышается производительность труда и в восточных районах. Так, на предприятиях Западно-Сибирского района она повысилась на 34,1%, Восточно-Сибирского — на 32,8 и Дальневосточного — на 25,7%. Характерно и то, что здесь прирост промышленной продукции обеспечивается в основном за счет роста производительности труда. За счет этого фактора в промышленности Западно-Сибирского экономического района получено 89,4% прироста объема производства, в Восточно-Сибирском — 87,6 и Дальневосточном — 84%. В то же время имеются еще и предприятия, которые не справляются с заданиями по росту производительности труда и не добиваются непрерывного ее повышения.

Важнейшим источником роста производительности труда и повышения эффективности производства является научно-технический прогресс.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии подчеркивается, что «как с точки зрения очередных задач, так и долговременных перспектив на первое место выдвигается ускорение научно-технического прогресса». Научно-технический прогресс, быстрее внедрение достижений науки и техники в производство обеспечивают высокие темпы развития народного хозяйства, экономики без значительного увеличения числа работников, занятых в сфере материального производства. Руководствуясь решениями съезда, пленумов Центрального Комитета партии, коллективы предприятий и организаций проделали немалую работу в этом направлении. Только за первые три года девятой пятилетки в промышленности восточных районов комплексно механизировано примерно 100 предприятий, 1,8 тыс. цехов и участков, внедрено 3 тыс. механизированных поточных и автоматических линий. Экономический эффект от внедрения новой техники и технологии составил около миллиарда рублей.

Осуществление этих мероприятий позволяет значительно повысить экономические показатели. Расчеты специалистов показывают, что за счет использования научно-технических достижений и улучшения организации производства можно значительно повысить объемы производства. В черной металлургии, например, добыча железной руды подземным способом с применением самоходных горных машин и вибрационной техники увеличивает ее производство более чем в 3 раза. Использование нового оборудования в горнодобывающей промышленности обеспечивает повышение производительности труда примерно в 2 раза и снижение себестоимости работ на 15—20%.

Широкие возможности для экономии живого труда открывает комплексная механизация и автоматизация производства. Внедрение более производительных машин, оборудования, аппаратуры и приборов, механизированных поточных линий, станков с программным управлением, увеличение непрерывности технологических процессов способствуют увеличению фондо- и энерговооруженности труда и тем самым создают благоприятные условия для опережения роста выпуска продукции в отношении к производственным затратам.

Повышению производительности труда и улучшению технико-экономических показателей способствуют новые прогрессивные технологические процессы, широко внедряемые в последнее время в различных отраслях. В угольной промышленности получает распространение добыча угля открытым способом. В нефтяной и газовой отраслях все большее применение находят методы гидравлического разрыва пласта в эксплуатационных и нагнетательных скважинах, эксплуатация месторождений с закачкой воды в пласт, в машиностроении все шире используются прогрессивные способы отлива, сварки, методы обработки металла давлением, электронская обработка деталей. Происходит замена резания штамповкой, высадкой, накаткой и другими прогрессивными методами. За счет применения в доменном процессе кислорода и природного газа, а также сырья повышенного качества увеличилась выплавка чугуна, сократился расход кокса на 1 т передельного чугуна.

Учитывая, что новая техника и технология обладают высокой эффективностью, многие предприятия активно борются за быстрее их внедрение в производство. Так, на фабриках легкой промышленности внедряются высокопроизводительные прядильно-крутильные машины, одновременно совмещающие процессы прядения, перемотки, тращения и кручения, бесшлицевые ткацкие станки, пневмораспределительные автоматические ткацкие станки. Установка этой передовой техники дала возможность значительно повысить производительность труда в прядении и

ткчестве, снизить издержки производства и повысить качество продукции.

В то же время следует отметить, что еще далеко не все предприятия выполняют планы внедрения достижений науки и техники в производство. Это касается прежде всего ряда предприятий пищевой, электротехнической, химической и лесной промышленности. Вследствие этого механизация процессов осуществляется на этих предприятиях недостаточно быстрыми темпами.

Планомерное и комплексное решение на научной основе технических проблем, связанных с трудовой деятельностью людей, также дает возможность существенно повысить эффективность народного хозяйства и производительность труда. Особенно это относится к вспомогательному производству. Так, еще много рабочих занято ремонтом и наладкой оборудования, производством инструмента для собственных нужд, погрузочно-разгрузочными и транспортными работами. Конечно, технический прогресс вызывает некоторое увеличение вспомогательных рабочих вследствие ухода за сложным оборудованием и его наладкой. Однако на предприятиях содержится еще значительное число вспомогательных рабочих вследствие слабой механизации погрузочно-разгрузочных, транспортных и ремонтных работ. Опыт передовых предприятий показывает, что централизация вспомогательных служб позволяет уменьшить на 10 и больше процентов численность работников, улучшить организацию их труда и качество ремонта оборудования.

В деле повышения эффективности производства большое значение имеет улучшение качества продукции. Быстрейшему решению этой проблемы способствует аттестация всех серийных изделий по трем категориям качества — высшей, первой и второй. Эта важнейшая народнохозяйственная задача последовательно решается на предприятиях и в объединениях министерств приборостроения, средств автоматизации и систем управления, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, автомобильной промышленности и ряда других. Хороших результатов в улучшении качества продукции достигли металлурги Орско-Халиловского металлургического комбината. Здесь освоено производство новых марок стали, достигнуто повышение прочности строительных конструкций, применение которых позволяет снизить расход металла на 25—50%, а также освоено выпуск новых марок сталей для газопроводных труб большого диаметра, что позволяет снизить расход металла на 8%. 80% листового проката комбинат поставляет в термообработанном состоянии. При этом проектная производительность термического отделения превышена больше чем в 2 раза.

Больших успехов добился также коллектив Кировского шинного завода. Это предприятие выпускает ныне до 80% продукции со Знаком качества. Характерно и то, что доля продукции высшей категории на передовых предприятиях непрерывно растет. Например, на Уральском турбомоторном заводе удельный вес продукции, аттестованной государственным Знаком качества, в общем ее объеме составляет 50%. Однако на некоторых предприятиях этому вопросу еще не уделяется должного внимания, в результате чего выпускаются устаревшие виды изделий. Это свидетельствует о необходимости разработки такого комплекса мероприятий, осуществление которого позволило бы резко повысить технический уровень и качество выпускаемой продукции.

Большое значение для повышения эффективности производства и роста производительности труда имеет реконструкция и техническая модернизация предприятий. «Опыт показывает, — говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде партии, — что, как правило, экономически выгодней

обеспечить прирост продукции путем реконструкции и технической модернизации предприятий. Но все еще слишком большая доля средств направляется на новое строительство и явно недостаточная — на модернизацию производства, обновление оборудования, в результате реконструкция многих заводов недопустимо затягивается. В новой пятилетке должен быть сделан большой упор на расширение и реконструкцию действующих предприятий».

В соответствии с этим указанием партии в последнее время значительно увеличилась доля средств на реконструкцию в общем объеме капитальных вложений; ныне она превышает 60%, а по отдельным отраслям — еще выше. За счет реконструкции в текущей пятилетке намечено получить весь прирост чугуна и проката, 96% прибавки мощности по выплавке стали, 85% — по металлорежущим станкам. Экономическая эффективность реконструкции подтверждается практикой работы ряда передовых предприятий, в частности Красноуральского медеплавильного комбината. Здесь за счет реконструкции увеличили мощность по производству двойного суперфосфата в 1,7 раза. Если бы для этих целей пришлось строить новый цех, то удельные капитальные затраты составили бы 46 руб. на тонну суперфосфата. Уральским же медеплавильщикам на это потребовалось всего 2,5 руб., то есть в 18 раз меньше.

Существенным резервом роста производительности труда является сокращение сроков освоения проектных мощностей. По расчетам специалистов, увеличение выпуска продукции на вновь вводимых объектах и предприятиях до проектного уровня позволило бы поднять фондотдачу в промышленности примерно на 15—20%. Рост этого показателя только на 1% дает возможность получить дополнительно продукции примерно на 3 млрд. руб. Быстрое освоение проектных мощностей позволяет также ускорить темпы технического прогресса, снизить потери от морального износа техники.

Больших успехов в освоении мощностей добились металлурги Западно-Сибирского металлургического завода, ранее выступившие инициаторами соревнования за досрочное освоение мощностей вновь вводимых агрегатов черной металлургии. Здесь в истекшем году проектная мощность кислородно-конверторного цеха № 1 перекрыта в 1,5 раза, действующих прокатных станов — превышена на 20%, а доменных печей — на 16%. Хороший пример подают также коллективы Череповецкого металлургического завода, многих предприятий машиностроения, легкой, текстильной и пищевой промышленности. В то же время есть и такие предприятия, как, например, Челябинский тракторный завод и некоторые другие, где производственные мощности осваиваются медленно. Вследствие этого государство недополучает большое количество нужной продукции.

Немалые возможности увеличения выпуска продукции заложены в более полном использовании уже освоенных мощностей и действующих основных фондов, в повышении коэффициента сменности работы оборудования. Многие передовые предприятия добиваются хороших результатов, всемерно повышая эффективность использования технологического оборудования. Заслуживает внимания опыт Новочеркасского завода постоянных магнитов, Алтайского вагоностроительного, Свердловского инструментального завода.

Большие резервы для повышения эффективности производства таятся в экономном и рациональном использовании овеществленного труда, в упорядочении расходования сырья и материалов, топлива и электроэнергии, затраты которых в целом по промышленности составляют

около $\frac{3}{4}$ всех издержек производства. О важности экономного их расходования говорит такой пример. Снижение материалоемкости выпускаемой в стране продукции только на 1% равнозначно дополнительному росту национального дохода на 3—4 млрд. руб. На многих предприятиях активно ведется борьба за экономное расходование материальных затрат. Интересный опыт накоплен в электроэнергетике. На тепловых электростанциях удельный расход условного топлива на 1 отпущенный квт·ч электроэнергии снизился с 349 г/квт·ч в 1973 г. до 344 г/квт·ч в 1974 г., или на 1,4%. В результате экономия условного топлива в расчете на объем отпущенной электроэнергии составила примерно 3 млн. Вполне очевидно, что за счет распространения передового опыта во всех других отраслях можно получить значительную экономию материальных, трудовых и финансовых затрат.

Немалыми возможностями повышения эффективности производства располагают и строители. Одна из них — устранение распыления капитальных вложений, материальных ресурсов и сил строительных организаций по многочисленным стройкам. Из-за этого растягивается строительство, растут объемы незавершенных работ, не выполняется задание по вводу в действие основных фондов. Все еще имеет место отвращение капитальных вложений на другие стройки в ущерб строительству основных объектов. Кое-где допускаются излишества в строительстве.

Важное значение для повышения эффективности производства и роста производительности труда имеет улучшение размещения производительных сил и территориальных пропорций, ускорение освоения природных ресурсов и наращивание экономического потенциала в восточных районах страны. Опережающими темпами в этих районах будут развиваться топливно-энергетические отрасли. Это обусловливается не только тем, что здесь концентрируются основные запасы топлива, гидроэнергии, но и исключительно высокой естественной производительностью этих ресурсов. Расчеты показывают, что затраты на производство одного квт·ч электроэнергии в Восточной Сибири примерно в 1,5 раза ниже, чем в Поволжском экономическом районе, который имеет самые благоприятные технико-экономические показатели использования гидроэнергетических ресурсов в европейской части страны.

Дальнейшее улучшение размещения производительных сил в восточных районах намечается в 1975 г. Ускоренными темпами будут осваиваться богатейшие топливно-энергетические ресурсы, будет продолжено развитие крупного народнохозяйственного комплекса на базе нефтяных, газовых и лесных ресурсов Западно-Сибирской равнины, формирование и развитие крупных территориально-производственных комплексов в Центральной и Восточной Сибири с использованием гидроэнергии Енисея и Ангары, леса, руд, цветных металлов и других полезных ископаемых. Развернется строительство Тобольского и Томского нефтехимических комплексов. Продолжится строительство мощных нефте- и газопроводов в европейскую часть страны.

Крупнейшее значение для развития экономики Сибири и Дальнего Востока и всей страны будет иметь интенсивно развертывающееся строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, которая помимо решения транспортной проблемы этого района, создает условия для освоения новых крупных источников сырья и топлива.

Сооружение БАМ составляет мощный фактор развития экономики на прилегающих к ней территориях. Вдоль трассы и ее ответвлений уже выявлен или прогнозируется ряд крупных месторождений полезных ископаемых. К БАМ тяготеют обширные лесные массивы. Здесь планируется создать 10 леспромхозов, которые будут заготавливать 5—6 млн

куб. м древесины в год. В районе Тынды проектируется создание лесопромышленного комплекса экспортного направления. БАМ окажет большое влияние на формирование Зейско-Свободненского территориально-производственного комплекса, включающего электроэнергетику, машиностроение, целлюлозно-бумажную, деревообрабатывающую промышленность.

С постройкой БАМ усиливаются экономические возможности промышленного узла Комсомольска-на-Амуре. Здесь получит мощный стимул дальнейший ускоренный рост машиностроения, целлюлозно-бумажной, химической промышленности, деревообработки, добычи олова. БАМ создаст предпосылки для вовлечения в промышленную эксплуатацию гидроэнергетических ресурсов тяготеющих к магистрали участков рек Гилюи, Зеи, Селемджи, Буреи и других.

Следует также отметить, что освоение природных ресурсов восточных районов происходит на принципиально новой основе. Эта задача осуществляется на базе научно-технического прогресса, широкого использования новой техники, высокопроизводительных машин и оборудования, что позволяет значительно ускорить темпы выполнения народнохозяйственных программ. Так, для достижения уровня годовой добычи нефти в объеме 100 млн. т в Урало-Поволжском районе потребовалось более 20 лет. На Западно-Сибирской равнине в более сложных природных условиях для достижения годовой добычи в объеме 125 млн. т требуется примерно 10 лет.

Успешное решение проблем развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока во многом зависит от организации и эффективности работы научных учреждений. Поэтому коммунистическая партия принимает необходимые меры для развития здесь науки, организации научных центров. Крупнейшим из них является Сибирское отделение Академии наук СССР. Это отделение включает в себя три филиала — Бурятский, Якутский и Восточно-сибирский, 50 научно-технических учреждений, расположенных в Новосибирском академгородке и в городах Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Улан-Удэ, Томске. Фундаментальные исследования, проводимые учеными этих научных учреждений в области математики и механики, физики, химии, биологии, экономики и т. д., получили широкое признание в нашей стране и за рубежом.

Переход к интенсивным методам хозяйствования потребовал значительного сокращения цикла «наука — производство». Немалый вклад в это вносит Сибирское отделение Академии наук СССР, институты которого непосредственно связаны с сотнями предприятий и организаций. Только за последние годы ими передано для практического применения 700 крупных работ, внедрение которых уже дало десятки миллионов рублей экономии.

Эффективность этого пути подтверждает и комплексное научно-техническое сотрудничество 8 институтов и конструкторских бюро Сибирского отделения АН СССР и завода «Сибсельмаш». В долгосрочном соглашении о сотрудничестве предусмотрено совместное проведение научных исследований, опытно-конструкторских работ, совершенствовании технологических процессов.

На современном этапе коммунистического строительства роль науки еще более повышается. Задача ученых сибирских и дальневосточных академических институтов и вузов состоит не только в том, чтобы на базе фундаментальных исследований разрабатывать наиболее эффективные способы освоения природных богатств восточных районов страны, но и готовить высококвалифицированные кадры специалистов для народного хозяйства и науки на месте.

В этом вопросе достигнуты немалые успехи. В настоящее время высшие и средние специальные заведения, расположенные в восточных районах страны, ежегодно принимают более 270 тыс. учащихся. Широко развита сеть профессионально-технического образования. Крупными центрами подготовки специалистов высокой квалификации стали Томск, Новосибирск, Иркутск и ряд других городов. Только в Западной и Восточной Сибири в настоящее время работает 73 высших и 407 средних специальных учебных заведений, в том числе 6 государственных университетов.

* * *

Для дальнейшего роста производительности труда необходимо создание таких экономических условий, которые объективно ориентировали бы предприятия и каждого отдельного работника на поиск резервов с последующим вовлечением их в хозяйственные планы. Решение этой задачи предполагает осуществление целого комплекса мероприятий, направленных, в частности, на улучшение системы образования и более эффективное использование хозрасчетных фондов предприятий, рационализацию структуры и форм управления производством, усиление роли социалистического соревнования.

Важно также, чтобы предприятия были максимально заинтересованы в ускорении научно-технического прогресса, реконструкции и технической модернизации. В этой связи несомненный интерес представляет опыт предприятий электротехнической промышленности, где в виде эксперимента с начала 1969 г. была введена система стимулирования повышения технического уровня и качества продукции и осуществлены мероприятия, направленные на усиление связи науки с производством. В результате сроки освоения новых видов продукции сократились в полтора-два раза, экономическая эффективность от внедрения новой техники повысилась в три раза при росте фондов поощрения в 2,3 раза. В то же время объем производства увеличился в 1,5 раза, а доля продукции высшего качества выросла в 3,3 раза.

Ориентация на качественные факторы развития народного хозяйства вызывает необходимость усилить стимулирующую роль платы за фонды. Сейчас часть предприятий вследствие значительного повышения нормативного уровня рентабельности и принятой системы формирования хозрасчетных фондов имеет большой свободный остаток прибыли. Это заметно ослабляет эффективность платы за фонды. В результате фондоотдача на некоторых предприятиях снижается, а остатки сверхпланового оборудования растут. Действующая ныне методика образования фондов материального стимулирования в ряде случаев недостаточно заинтересовывает производственные коллективы и отдельных работников в принятии напряженных плановых заданий. Система поощрения на предприятиях не всегда обеспечивает зависимость размеров вознаграждения от конкретных результатов работы каждого трудящегося.

Размер отчисления в эти фонды целесообразно поставить в прямую зависимость от полученной экономии живого и овеществленного труда, внедрения новой техники, улучшения использования производственных мощностей и основных фондов, повышения качества продукции. Производительность труда должна стать одним из важнейших критериев оценки работы предприятий и основным фондообразующим показателем. Очевидно, следует улучшить и практику премирования работников, а также выплату вознаграждений по итогам за год, так как поощри-

тельные системы на предприятиях порой не обеспечивают непосредственной зависимости их размеров от конкретных результатов работы каждого трудящегося, от повышения эффективности производства и роста производительности труда.

Важное значение с точки зрения результативности стимулирования эффективности производства и роста производительности труда имеет введение новых условий оплаты труда. В среднем тарифные ставки рабочих промышленности в последние годы повысились на 28%, с учетом пересмотра норм выработки средняя заработная плата рабочих увеличилась на 11%. Высокие ставки и оклады предусмотрены для работающих в угольной, нефтяной, газовой промышленности, черной и цветной металлургии, машиностроении, химии и нефтехимии, легкой и пищевой промышленности.

С вводом новых условий оплаты труда значительно расширяются права предприятий в стимулировании роста производительности труда и увеличении выпуска продукции с меньшей численностью персонала. Руководителям предприятий по согласованию с комитетами профсоюза при введении новых ставок и окладов разрешено устанавливать доплаты в размере до 30% рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим за совмещение профессий, расширение зон обслуживания и обеспечение роста производительности труда по сравнению с планом за счет уменьшения численности персонала.

Об огромных возможностях правильного использования материальных и моральных стимулов свидетельствует опыт ряда промышленных предприятий, внедряющих щекинский метод. На этих предприятиях добились значительного роста производительности труда с меньшей численностью работающих прежде всего за счет лучшей организации производства, повышения материальной заинтересованности работников, совмещения профессий, расширения зон обслуживания оборудования.

Например, коллектив Дедовской прядильно-ткацкой фабрики после перехода на работу по опыту Щекинского химического комбината осуществил комплекс мероприятий по техническому перевооружению производства, внедрил новые высокопроизводительные машины и технику, была улучшена организация труда вспомогательных и подсобных рабочих за счет пуска цепного конвейера и транспортировки пряжи и тары из прядильного цеха в тростильный. Большая работа проведена в области подготовки и переподготовки кадров. Организованы и работают школы передового опыта, систематически проводятся конкурсы рабочего мастерства для основных профессий. Осуществление указанных мероприятий позволило коллективу фабрики увеличить за последние три года объем производства продукции на 13,1%, поднять производительность труда на 20,6%, а также высвободить 122 чел. работающих, в том числе за счет внедрения новой техники и модернизации оборудования — 29 чел., за счет расширения зон обслуживания, совмещения профессий, улучшения организации производства — 93 чел. Экономия фонда заработной платы за последние полтора года работы по новому методу составила более 80 тыс. руб., из них для премирования работников за достигнутый рост производительности труда израсходовано 61,4 тыс. руб., или 73%.

Целесообразно также более широкое применение стимулирования добровольного пересмотра работниками норм выработки. Поучительный опыт в этом отношении накоплен на Аксайском заводе пластмасс, где в течение 6 лет успешно применяется система поощрения рабочих за повышение норм по собственной инициативе, что способствует непре-

равному увеличению объема производства и производительности труда. За этот период на заводе более тысячи человек повысили свои нормы. Это дало возможность произвести дополнительно продукции более чем на 5,3 млн. руб., сэкономить 320 тыс. рублей фонда заработной платы, более чем втрое повысить производительность труда. Заработная плата сельщиков по сравнению с 1970 г. (год начала эксперимента) выросла больше чем на 70%. Причем около половины этого прироста приходится на суммы, образованные в результате снижения трудовых затрат по инициативе рабочих.

Переход к интенсивным методам хозяйствования предполагает создание эффективной организационной структуры производства. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью» в министерствах проводится большая работа по концентрации производства, организации объединений, ликвидации многоступенчатости в управлении, разработке генеральных схем управления отраслями.

Развитие промышленных и производственных объединений и превращение их в основные хозяйственные звенья социалистической экономики отражает высокий уровень обобществления нашего народного хозяйства, углубление общественного разделения труда, усиление процессов концентрации и кооперации производства. Формирование организационной структуры современного производства на основе промышленных и производственных объединений открывает возможности для эффективной концентрации ресурсов, проведения комплексных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, сокращения цикла «наука — производство».

Объединения располагают большими возможностями для хозяйственного маневрирования, улучшения научной организации труда и производства. Дальнейшая рационализация структуры управления, переход на двух- и трехзвенную систему, экономически обоснованное укрупнение предприятий и создание промышленных и производственных объединений (комбинатов) — важнейшие резервы экономии живого и овеществленного труда, повышения эффективности социалистического производства.

Могучим рычагом дальнейшего развития экономики страны, повышения производительности труда является социалистическое соревнование, в котором В. И. Ленин видел важное средство вовлечения трудящихся в строительство новой жизни. Владимир Ильич раскрыл содержание и формы соревнования, разработал принципы его организации. Он писал: «...мы не можем в точности даже представить себе в настоящее время, какие богатые силы таятся в массе трудящихся... какие силы таятся и могут развернуться при социалистическом устройстве общества. Наше дело состоит только в том, чтобы расчистить дорогу всем этим силам»*.

Руководствуясь ленинскими принципами, коммунистическая партия и Советское правительство постоянно проявляют заботу о развитии соревнования, превращении его в массовое движение за подъем экономики, производительности труда и повышение жизненного уровня народа. Большую роль в этом играют решения XXIV съезда партии, декабрьского (1974) Пленума ЦК КПСС и Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования», в

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36, стр. 153.

котором намечены пути дальнейшего развития социалистического соревнования.

В Обращении ЦК КПСС к партии, к советскому народу подчеркивается, что необходимо широко развернуть соревнование за повышение эффективности производства, за успешное завершение пятилетки. Это значит, что экономический рост все в большей степени должен происходить за счет повышения производительности труда. Достаточно сказать, что повышение производительности труда только на один процент позволит увеличить выпуск промышленной продукции в стране почти на 5 млрд. руб. в год. В нынешнем году 86% прироста промышленной продукции, основной прирост производства в сельском хозяйстве, увеличение объемов работ в строительстве и на транспорте намечается получить за счет этого фактора.

Важное значение при этом имеет ускорение научно-технического прогресса, реконструкция и техническое перевооружение предприятий, улучшение использования производственных мощностей и основных фондов, дальнейший рост профессионального мастерства, развитие многостаночного обслуживания, совмещение профессий, сокращение потерь рабочего времени и внедрение технически обоснованных норм выработки.

Социалистическое соревнование в завершающем году пятилетки развернулось под лозунгом «Дать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами». В Постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о Всесоюзном социалистическом соревновании работников промышленности, строительства, транспорта говорится о необходимости сосредоточить усилия соревнующихся на достижение высоких качественных показателей, повышении темпов роста производительности труда на основе внедрения передовой техники и технологии, существенного улучшения качества выпускаемых изделий, повышения их технического уровня, совершенствования организации труда, производства и управления, рационального использования рабочего времени; максимального использования резервов производства, экономии сырья, материалов, топлива, электроэнергии, значительного сокращения и устранения потерь, отходов и непроизводительных затрат; дальнейшего повышения эффективности капитальных вложений, ускорения ввода в действие пусковых объектов, сокращения сроков освоения вновь введенных и лучшего использования имеющихся мощностей, ускорения реконструкции действующих предприятий и производств.

В борьбе за досрочное выполнение девятой пятилетки родилось много ценных начинаний. Исключительное значение представляет соревнование на основе личных планов повышения производительности труда на каждом рабочем месте, развернувшееся по примеру московского завода «Динамо». Эта форма повышает творческую активность и заинтересованность работников в достижении высокой производительности труда. На заводе установлена единая база для определения результатов соревнования — средняя выработка рабочих дней по профессии плюс предусмотренный планом процент роста производительности труда. При условии полного выполнения месячного задания работники получают премию, размер которой определяется по нормативу за каждый процент роста выработки.

На заводе осуществлены также крупные организационно-технические мероприятия, направленные на широкое внедрение высокопроизводительного оборудования и модернизацию действующего, совершенствование технологических процессов, специализацию производства, механизацию и автоматизацию трудоемких процессов, освоение новых видов изделий. Все это позволило коллективу завода выполнить пяти-

летний план роста производительности труда за 4 года. Производительность труда с начала пятилетки выросла на 37,3%, а объем реализуемой продукции — на 34,8%. Опыт динамовцев следует широко распространить на всех промышленных предприятиях восточных районов.

Особого внимания заслуживает движение за принятие встречных планов. Их народнохозяйственное значение состоит в том, что достижение высоких темпов роста производительности труда обеспечивается за счет поиска и рационального использования внутренних резервов производства. Так, коллектив шахты коммунистического труда «Октябрьская» комбината «Кузбассуголь» принял на себя обязательства добыть в текущем году сверх плана 200 тыс. т угля, довести среднемесячную производительность труда рабочего до 125 т, обеспечив ее рост за год на 8,4% вместо 5,5% по плану, довести уровень механизированного прохождения горных выработок до 92%. За счет дальнейшего повышения экономии и бережливости, улучшения качества продукции и увеличения выпуска высокосортных углей коллектив шахты обязался получить 450 тыс. руб. сверхплановой прибыли.

Коллектив Уральского завода тяжелого машиностроения имени С. Орджоникидзе взял обязательство изготовить в 1975 г. дополнительно продукции на 2 млн. руб., в том числе 7 мощных скальных экскаваторов, 5 буровых установок для разработки нефтяных и газовых месторождений, 3 тыс. т стали, 5 тыс. т крупных поковок и литых заготовок. В текущем году работники предприятия намеряют сэкономить 2 тыс. т топлива, 3 млн. квт·ч электроэнергии, увеличить на 8% коэффициент использования основного металлорежущего оборудования.

Трудящиеся Приморского края обязались в 1975 г. перевыполнить задание по росту производительности труда и дать не менее 85% прироста объема производства за счет повышения производительности труда. Сверх установленных цифр годового плана намечено добыть 280 тыс. т угля, произвести 715 т цветных металлов в концентратах. За счет технического совершенствования рыбообрабатывающего и консервного производства увеличить выпуск пищевых рыботоров, дополнительно выработать 3,5 млн. банок рыбных консервов. Произвести дополнительно к плану на 6,5 млн. руб. важнейших видов пищевой продукции, товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода, швейных изделий и обуви.

Для этого они предусмотрели меры к ускорению темпов реконструкции производства и модернизации оборудования, освоению введенных мощностей, повышению фондоотдачи, комплексной механизации и автоматизации производств. За счет строгого соблюдения режима экономии трудящиеся советского Приморья обязались сэкономить 3 тыс. т черных металлов, 31 тыс. т топлива, 33 млн. квт·ч электроэнергии, 113,6 тыс. куб. м лесоматериалов, 2,1 тыс. т цемента.

Движение за принятие встречных планов отражает возросшую политическую сознательность и трудовую активность масс, поднимает на новую ступень социалистическое соревнование, делает его более действенным и целеустремленным, способствует успешному выполнению государственного плана развития народного хозяйства на 1975 г., завершающий год девятой пятилетки. Вместе с тем оно требует дальнейшего улучшения морального и материального стимулирования коллективов предприятий и отдельных работников. Как и в прошлые годы, установлен порядок, при котором каждое предприятие, взявшее напряженный план и достигшее показателей, превышающих заданное пятилетки на текущий год, отчисляет большие средства в премиальные фонды. Это уси-

ливает заинтересованность коллективов в принятии напряженных встречных планов.

Дальнейшее развитие социалистического соревнования имеет исключительную важность для приведения в действие всех имеющихся резервов повышения производительности труда, ускорения научно-технического прогресса, совершенствования механизма хозяйствования и успешного выполнения на этой основе плановых заданий завершающего года и пятилетки в целом.

Товарищ Л. И. Брежнев на декабрьском (1974) Пленуме ЦК КПСС отметил: «В 1975 году перед страной стоят задачи, имеющие огромное экономическое, политическое и международное значение. Надо поднять всю партию, весь народ на их решение, воодушевить партийный актив, добиться того, чтобы борьба за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана стала глубоко внутренней, личной потребностью каждого коммуниста, каждого труженика».

Все трудящиеся нашей многонациональной Родины воспринимают решения декабрьского Пленума Центрального Комитета КПСС, его призыв как руководство к действию. Единодушно одобряя и поддерживая научно обоснованную политику коммунистической партии, советские люди еще теснее сплачиваются ряды вокруг партии, мобилизуют свои силы на дальнейшее повышение эффективности производства и производительности труда, на новые славные свершения во имя торжества коммунизма.

К 50-летию установления дипломатических отношений СССР с Японией

Н. Н. Николаев

Недавно советская общественность широко отметила пятидесятилетний юбилей установления советско-японских дипломатических отношений. 26 февраля 1926 г. вступила в силу Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, которая положила начало истории советско-японских дипломатических отношений. В Конвенции Советский Союз и Япония провозглашали желание и намерение жить в мире и дружбе и обязались в своих взаимоотношениях исходить из принципа невмешательства во внутренние дела и воздерживаться от всякой открытой или скрытой враждебной деятельности друг против друга.

Установление дипломатических отношений между такими крупными азиатскими странами, какими являются Советский Союз и Япония, имело большое международное значение и явилось крупной победой ленинской внешней политики Страны Советов, направленной на утверждение нового типа отношений — всестороннего мирного сотрудничества между государствами с различным социальным строем.

Долгим и трудным был путь нормализации отношений между молодым Советским государством и Японией. Несмотря на выступления довольно широких кругов японской общественности в пользу скорейшего установления отношений с Советским Союзом, правящие круги страны все еще рассчитывали на сокрушение первого в мире социалистического государства.

Наиболее дальновидные политические деятели Японии понимали, что Советское государство, которое к середине 20-х годов уже установило отношения со многими странами капитализма, в том числе с такими, как Англия и Германия, является прочным и не считаться с ним нельзя.

Они понимали также, что установление отношений с Советским Союзом отвечает национальным интересам Японии, укреплению мира и безопасности на Дальнем Востоке. К таким деятелям принадлежал тогдашний мэр Токио виконт Симпэй Гото, который говорил, что «если народы обеих стран сделают отношения подлинно дружескими, то это увеличит благосостояние обоих народов и обеспечит сосуществование и взаимное процветание народов Азии и Европы».

Вступление в силу Конвенции об основных принципах взаимоотношений было с удовлетворением встречено в Японии. Издававшаяся в Осака, втором по величине городе Японии, газета «Осака Асахи» в то время писала: «Русско-японский договор (Конвенция. — Прим. авт.)

может и будет рассматриваться как новая важнейшая гарантия мира на Тихом океане и Дальнем Востоке».

Установлением дипломатических отношений между СССР и Японией был открыт путь к развитию связей и контактов между нашими странами в различных областях. Стала налаживаться взаимовыгодная торговля, устанавливаться первые контакты в области культуры и т. д.

Верное ленинским принципам развития и укрепления отношений со всеми странами независимо от их социального строя, Советское правительство делало все возможное, чтобы отношения с Японией приняли прочный, дружественный характер. В Отчетном докладе ЦК КПСС XIV съезду партии указывалось: «...У нас нет интересов, ведущих к обострению наших отношений с Японией. Наши интересы идут по линии сближения нашей страны с Японией».

Однако нужно признать, что благоприятные перспективы для развития отношений, открывшиеся после вступления в силу Конвенции, не получили значительного развития. Причину этого нужно искать в агрессивном антикоммунистическом курсе довоенных японских правительств и военных кругов страны, вовлекших японский народ в пучину второй мировой войны, которая, как известно, привела Японию к поражению.

Поражение японского милитаризма во второй мировой войне привело к крупным изменениям на Азиатском континенте. Оно способствовало небывалому подъему национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах Азии, ускорило победу революции в Китае, привело к серьезному расшатыванию всей капиталистической системы в этом районе земного шара.

Все это создавало также условия для осуществления мирного урегулирования, которое обеспечило бы прочный мир на Дальнем Востоке и независимое развитие государств. В Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. предусматривалось, что Япония после окончания войны получит полную национальную независимость, создаст свои демократические институты, будет развивать мирную экономику и национальную культуру.

Однако США, главная оккупирующая Японию страна, на которую была возложена основная ответственность за выполнение Потсдамских решений, стремилась не столько к выполнению положений союзнических решений, сколько к «узакониванию» своего военного присутствия в Японии. Территория Японии была покрыта густой сетью военных баз США, не имеющих ничего общего с задачами поддержания мира и обеспечения мирного и независимого развития Японии. В значительной зависимости от США оказались японская промышленность и финансы.

Все это, естественно, привело к тому, что процесс послевоенной нормализации советско-японских отношений затянулся.

К середине 50-х годов движение за нормализацию отношений с Советским Союзом в Японии превратилось в такую мощную силу, которую уже нельзя было игнорировать. Наряду с трудящимися массами в борьбу за нормализацию отношений с Советским Союзом включаются представители правящих кругов Японии, понимавшие важность для Японии иметь хорошие отношения с Советским Союзом как в интересах проведения более независимой от США внешней политики, так и с точки зрения благоприятных перспектив развития советско-японского экономического сотрудничества.

Усиление выступлений за нормализацию отношений с Советским Союзом явилось одной из причин смены правительства Ёсида, проводившего политику односторонней ориентации Японии на США, правительством во главе с Итиро Хатояма, который со своими сторонниками

внутри правящей партии выступал за скорейшую нормализацию отношений с Советским Союзом.

В результате состоявшихся в Москве переговоров 19 октября 1956 г. была подписана Совместная советско-японская декларация, в соответствии с которой между нашими странами прекращалось состояние войны и восстанавливались дипломатические и консульские отношения. Советский Союз и Япония заявляли, что в своих отношениях они будут руководствоваться принципами, изложенными в Уставе ООН, и, в частности, разрешать свои споры мирными средствами. В Декларации было зафиксировано согласие обеих сторон в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договоров или соглашений для того, чтобы поставить на прочную и дружественную основу советско-японские отношения в области торговли, мореплавания и т. д.

За годы, прошедшие после подписания Совместной советско-японской декларации, усилиями обеих сторон было сделано немало для развития отношений между нашими странами. Сейчас можно смело говорить о том, что история общения советского и японского народов еще не знала такого уровня и масштабов, которые мы имеем сейчас.

Возьмем, к примеру, область политических отношений. На пути их развития было много трудностей, поскольку все приходилось начинать с нуля. Тем не менее за эти годы удалось создать определенную базу из договоров и соглашений, призванных не только регулировать отношения и связи в отдельных областях, но и стимулировать их дальнейшее развитие. К ним можно отнести торговый договор, определяющий основные принципы торгово-экономических связей, конвенцию о рыболовстве в северо-западной части Тихого океана, соглашения о прямом воздушном и пароходном сообщении, Консульскую конвенцию, соглашение о научно-техническом сотрудничестве и т. д.

В 1966 г. достигнута договоренность о проведении регулярных консультаций министров иностранных дел наших стран. За эти годы неоднократно имели место встречи министров иностранных дел, во время которых обсуждался широкий круг вопросов как двусторонних отношений, так и важнейших международных проблем.

Хорошим примером развития деловых связей и контактов, способствующих решению политических и других проблем, углублению взаимопонимания между нашими народами, являются связи по парламентской линии. В этой связи можно напомнить о поездках делегаций Верховного Совета СССР в Японию и о приеме в СССР делегаций парламента Японии.

Благоприятное развитие советско-японских отношений в последние годы нашло свое выражение в начавшемся в 1973 г. непосредственном диалоге советских и японских руководителей на высшем уровне. Состоявшиеся 8—10 октября 1973 г. переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева и других советских руководителей с премьер-министром Японии получили высокую оценку в Советском Союзе и в Японии. «Японо-советские отношения на новом этапе», «Шаг вперед в добрососедских отношениях» — такими заголовками сопровождалась статья в японской печати о советско-японских переговорах на высшем уровне.

Главным итогом переговоров можно считать подтверждение обоюдного желания наших стран добиваться не только укрепления договорной основы отношений, но и их существенного улучшения и дальнейшего развития во всех без исключения областях. Это обоюдное стремление было зафиксировано в Совместном советско-японском заявлении от 10 октября 1973 г. В нем говорилось, что «стороны выразили реше-

мость прилагать усилия для дальнейшего развития отношений СССР и Японии».

Выступая на завтраке в честь премьер — министра Японии 8 октября 1973 г., тов. Л. И. Брежнев говорил: «Задача, как мы ее понимаем, состоит ныне в том, чтобы заложить основы добрососедских отношений между Советским Союзом и Японией на действительно длительный исторический период, чтобы создать прочную традицию дружественных отношений между народами наших стран, между нашими государствами». В этих словах отчетливо выражен курс Советского Союза в отношении Японии, искреннее желание советских людей жить в мире и дружбе с соседним народом Японии, развивать и укреплять взаимовыгодное сотрудничество во всех областях.

Во время московских переговоров в октябре 1973 г. между высшими руководителями наших стран была достигнута договоренность форсировать взаимовыгодное экономическое сотрудничество.

В этой области советско-японских отношений достигнуты наибольшие успехи. Свидетельством этого является неуклонный рост торговли между нашими странами. За период с 1958 по 1974 г. товарооборот между ними возрос более чем в 45 раз и составил в 1974 г. 1,7 млрд. руб. Основными предметами советского экспорта в Японию являются деловая древесина, уголь, железная руда, чугун, хлопок, цветные металлы, машины, оборудование и т. д. Из Японии Советский Союз ввозит машины, оборудование, металлоизделия, сырье для текстильной и швейной промышленности, химические товары и т. д.

Важное значение в развитии торгово-экономических связей между нашими странами имеют созданные в 1965 г. советско-японский и японо-советский комитеты по деловому сотрудничеству. На ежегодно проводимых совещаниях комитетов обсуждаются различные проекты экономического сотрудничества, намечаются пути их практической реализации. Роль этих комитетов особенно возрастает в связи с переходом наших стран к крупномасштабному экономическому сотрудничеству в разработке природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Первые шаги в развертывании крупномасштабного экономического сотрудничества были сделаны в 1968—1971 гг. Были подписаны генеральные соглашения о поставках из Японии в Советский Союз оборудования, машин, материалов для разработки лесных ресурсов Дальнего Востока в счет кредита на сумму 150 млн. долл. и о поставках лесоматериалов в Японию; о поставках из Японии в СССР оборудования, машин и т. д. для строительства морского порта в бухте Врангеля с предоставлением японской стороной кредита на сумму 80 млн. долл.; о поставках из СССР в Японию технологической щепы и древесины лиственных пород и из Японии в СССР соответствующего оборудования, машин и других материалов в счет кредита на сумму 45 млн. долл.

22 апреля 1974 г. в Токио был подписан протокол о предоставлении Советскому Союзу Японией банковского кредита на сумму 1050 млн. долл. на разработку коксующихся углей в Южной Якутии, промышленную разведку якутского природного газа и лесных ресурсов Дальнего Востока. Были заключены соответствующие генеральные соглашения по указанным проектам. В январе 1975 г. было подписано генеральное соглашение о сотрудничестве в разведке и добыче нефти и газа на шельфе о-ва Сахалин. Сумма кредитов, предоставляемая японцами по этому соглашению, составляет более 150 млн. долл.

Было бы ошибкой говорить о какой-то односторонней заинтересованности, будь то Японии или Советского Союза, в осуществлении названных проектов. Это дело обоюдовыгодное, от его реализации в рав-

ной степени выигрывают народы Советского Союза и Японии. При этом выигрыш будет носить не только экономический характер, но и политический, поскольку ставится вопрос о налаживании сотрудничества на многие годы вперед, что возможно только в условиях поддержания хороших, добрососедских отношений между двумя странами.

Значительные успехи достигнуты в области развития научно-технических, культурных и других связей. Во время визита премьер — министра Японии в Советский Союз в октябре 1973 г. было подписано межправительственное соглашение о научно-техническом сотрудничестве, которое закладывает прочный фундамент для делового и плодотворного обмена достижениями наших стран в области науки и техники.

Важной областью советско-японских отношений является рыболовство. И это вполне естественно, если учесть тот факт, что Советский Союз и Япония являются крупными рыболовными странами, ведущими морской промысел в значительных масштабах в одних и тех же районах мирового океана. Отношения между двумя странами в этой области регулируются рядом соглашений, в том числе Конвенцией о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана, Соглашением о научно-техническом сотрудничестве в области рыбного хозяйства и т. д. Главная цель этих соглашений — обеспечить рациональный промысел морепродуктов, не допустить их хищнического уничтожения.

Учитывая, что морепродукты занимают основное место в пищевом рационе японцев, Советский Союз ежегодно благожелательно рассматривает обращения японской стороны о промысле некоторых морепродуктов на континентальном шельфе СССР, морской капусты в некоторых районах советских территориальных вод у о-ва Сигнальный.

Практика показывает действенность и эффективность советско-японского сотрудничества в области рыболовства, взаимозаинтересованность в нем и его взаимовыгодность. Нет сомнения в том, что значение такого сотрудничества будет возрастать.

Сейчас на Международной конференции ООН по морскому праву в Женеве обсуждается вопрос о введении 200-мильных экономических зон. Принятие конференцией решения по этому вопросу может внести качественно новый элемент в советско-японские отношения в области рыболовства. В настоящее время японские рыбаки добывают около 2,5 млн. т рыбы и морепродуктов в открытом море вблизи побережья Советского Союза. С введением же 200-мильных экономических зон Япония сможет заниматься промыслом в этих районах только на основе двусторонней договоренности с Советским Союзом, а достижение такой договоренности непосредственно связано с характером отношений, который будет складываться между двумя странами. История еще не знала случаев, чтобы одно государство шло навстречу другому в тех или иных делах, если последнее проводило в отношении его недружественную внешнюю политику. Стало быть, укрепление добрососедства, взаимного доверия — вот ключ к решению даже таких конкретных вопросов, какими являются проблемы рыболовства.

За послевоенные годы, и особенно за годы, прошедшие после нормализации советско-японских отношений в 1956 г., много положительных изменений произошло в представлениях японцев о Советском Союзе, о жизни советских людей. И в этом немалая заслуга расширяющегося из года в год культурного обмена между нашими странами. В Японии понимают и высоко ценят русскую и советскую литературу, изобразительное искусство, театр, балет и т. д. Японские зрители имели возможность познакомиться с мастерством ведущих советских художественных коллективов, музыкантов и исполнителей. С большим успехом в Японии

выступали балетные труппы Большого театра, Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова, театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, Государственный симфонический оркестр СССР, оркестр Ленинградской филармонии и т. д. Об интересе японцев к советской культуре говорит то, что в текущем году в Японии будет проходить фестиваль советской культуры, в котором примут участие известные во всем мире советские художественные коллективы и музыканты.

Убедительным свидетельством огромного интереса, с которым относятся в Японии к Советскому Союзу, может служить большой успех советского павильона на выставке ЭКСПО-70 в г. Осака, который посетило свыше 28 млн. чел., а также проведенная в Японии в 1973—1974 гг. выставка «Советская социалистическая Сибирь».

В Советском Союзе с глубоким уважением и интересом относятся к японскому искусству и культуре. Советские люди хорошо знают творчество выдающихся японских писателей Р. Акутагавы, Я. Кавабаты и многих других, художников Хokusая и Утамаро, японский национальный театр «Кабуки», искусство аранжировки цветов «икебана». Пожалуй, ни в одной стране мира не издается такого количества книг о Японии, ее народе и культуре, как в Советском Союзе.

Недавно японская общественность узнала о новом гуманном шаге Советского Союза. В письме Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневa премьер-министру Японии было сообщено о решении передать в дар японскому правительству 42 картины японского художника Х. Фукуды, хранящиеся в Государственном музее искусств народов Востока. Этот шаг Советского Союза был расценен в Японии как проявление уважения советских людей к японскому искусству, к культурному наследию народа Японии.

Сотрудничество в области культуры и искусства не стоит на месте, оно расширяется с каждым годом, более многообразными становятся его формы. Вслед за совместной постановкой первого советско-японского фильма «Маленький беглец» на экранах Советского Союза и Японии появилась новая совместная постановка «Москва — любовь моя». Недалек тот день, когда советские и японские зрители увидят фильм «Дерсу Узала», который в настоящее время снимает выдающийся японский кинорежиссер Акиро Куросава.

В Японии растет стремление к изучению русского языка. В настоящее время русский язык изучается во многих высших учебных заведениях, в школах, на курсах и в кружках. Крупнейшая японская радиотелекорпорация «Эн-Эйч-Кей» регулярно передает по телевидению на всю страну уроки русского языка.

Рамки журнальной статьи не позволяют осветить всех аспектов и областей связей между Советским Союзом и Японией. Однако даже то, о чем говорилось выше, позволяет представить размеры и уровень советско-японских связей, сложившихся в настоящее время.

Разумеется, тяжелое наследие прошлого еще продолжает сказываться на отношениях между нашими странами, оказывать влияние на сознание людей. Между нашими странами еще есть вопросы, которые ждут своего решения. К таким, в частности, относится вопрос о заключении мирного договора. Нет необходимости говорить, что заключение советско-японского мирного договора имело бы важное значение в плане укрепления отношений между двумя странами на длительный исторический период. Это трудная задача, но непреодолимых препятствий для ее решения нет. Во время встреч советских руководителей с премьер-министром Японии в Москве в октябре 1973 г. было подтверждено обоюд-

ное стремление к заключению мирного договора. Выступая на завтраке в честь премьер-министра Японии, Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев говорил: «Двигаясь в этом направлении, мы можем встретиться еще с рядом сложностей. Тем не менее, при ясности главных политических целей, при должной решимости и доброй воле руководящих кругов обеих наших стран — все эти препятствия, как нам думается, вполне могут быть преодолены, и поставленная задача может быть с успехом решена».

К сожалению, в Японии проблему мирного договора зачастую пытаются свести лишь к решению так называемого «территориального вопроса». Между тем мирный договор включает в себя широкий комплекс политических, экономических и других вопросов. Ограничить его каким-либо одним вопросом означало бы выхолостить его содержание и значение.

В настоящее время между нашими странами ведутся переговоры о заключении мирного договора. В частности, обмен мнениями по этому вопросу состоялся во время визита в Советский Союз в январе сего года министра иностранных дел Японии К. Миядзава. В согласованном сообщении для печати о переговорах министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с министром иностранных дел Японии говорится о том, что была достигнута договоренность продолжить переговоры. Советский Союз выступает за то, чтобы переговоры о заключении мирного договора продолжались и чтобы взаимопонимание по обсуждаемым вопросам углублялось. При этом главное на переговорах состоит в учете сложившихся после второй мировой войны и существующих в настоящее время реальностей.

Развитие советско-японских отношений, достигнутые обеими сторонами в этом направлении успехи ставят еще одну важную задачу — закрепления в договорном порядке того, что уже достигнуто, и определения главных направлений дальнейшего развития взаимовыгодных отношений. Оценивая с объективных позиций возможные направления развития советско-японских отношений как с точки зрения национальных интересов Советского Союза и Японии, так и с точки зрения укрепления мира и безопасности на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, нельзя не прийти к выводу о том, что таковыми могут быть лишь укрепление подлинного добрососедства и сотрудничества. Совершенно очевидно, что развитие отношений на путях подлинного добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества может лишь приблизить заключение мирного договора и достижение взаимоприемлемой договоренности по всем проблемам. Международная практика последних лет показывает, что решение тех или иных вопросов в отношении между двумя странами во многом зависит от атмосферы, которая складывается в отношениях между этими странами. Улучшение климата в отношениях, углубление взаимного доверия может облегчить решение той или иной проблемы, и наоборот, его ухудшение может повлечь за собой лишь дополнительные трудности в деле достижения договоренности, усиление недоверия и подозрительности друг к другу.

Советский Союз не раз подчеркивал, что развитие советско-японских отношений не затрагивает интересов третьих стран и не наносит ущерба отношениям Японии с другими странами. Однако не секрет, что в мире есть силы, которые не хотят развития и улучшения советско-японских отношений. Эти силы стремятся вбить клин в советско-японские отношения, помешать их благоприятному развитию, не гнушаясь при этом прибегать к прямому подстрекательству и даже угрозам. Роль лидера этих сил взяло на себя в настоящее время пекинское руководст-

во, которое еще совсем недавно выступало с резкой критикой японского милитаризма, а сейчас выступает поборником укрепления военной мощи Японии и сохранения японо-американского военного союза.

Нужно признать, что внутри Японии также есть силы, которые рассчитывают использовать нынешний антисоветский курс пекинского руководства для того, чтобы посеять в японском народе недоверие к внешней политике Советского Союза, чтобы с помощью «китайской карты» добиться от Советского Союза тех или иных односторонних уступок. Такие расчеты обречены на провал. Мирлюбивая политика Советского Союза, политика мирного сосуществования и сотрудничества уже нашла широкое признание во всем мире, в том числе и в Японии. 58-летняя история Советского государства и его международных отношений отчетливо свидетельствует, что язык угроз неприемлем для разговоров с Советским Союзом.

В настоящее время между Японией и КНР ведутся переговоры о заключении договора о мире и дружбе. Нет ничего предосудительного, когда два соседних государства, если они действительно проводят политику мира и сотрудничества, стремятся к улучшению отношений. В условиях же, когда китайское руководство провозгласило антисоветизм своим основным принципом внешней политики, когда оно пытается заблокировать любые инициативы миролюбивых государств, направленные на смягчение международной напряженности, утверждение прочного мира на земле, и по существу смыкается со сторонниками обанкротившейся политики «холодной войны», ведущиеся японо-китайские переговоры не могут не привлекать серьезного внимания со стороны тех, кому дорого дело мира и безопасности на Азиатском континенте.

История советско-японских отношений отчетливо показывает, что хорошие отношения между Советским Союзом и Японией всегда шли на пользу народам наших стран, благотворно влияли на обстановку на Дальнем Востоке и, напротив, ухудшение отношений приводило лишь к обострению обстановки в этом районе земного шара.

Премьер-министр Японии Т. Мики, выступая 24 января в парламенте, говорил: «Мы верим, что, если смотреть на японо-советские отношения в перспективе на будущие тридцать лет, сотрудничество с Советским Союзом имеет всемирно-историческое значение. Главной предпосылкой, которая сделает возможными подобные отношения японо-советского сотрудничества, является углубление взаимного доверия». С этим высказыванием главы японского правительства нельзя не согласиться. Однако углубление взаимного доверия возможно только на путях всемерного развития советско-японских связей, укрепления основ добрососедства и сотрудничества.

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, выступая перед избирателями Бауманского избирательного округа г. Моевки 14 июня 1974 г., говорил: «Мы убеждены, что конструктивное развитие советско-японских отношений отвечает потребностям обеих стран. Оно отвечает также интересам мира и безопасности на Азиатском континенте».

Путь укрепления добрососедства и сотрудничества между Советским Союзом и Японией — веление времени, путь, который принесет счастье и процветание народам наших стран и укрепит основы прочного мира в Азии.

Две конституции Китайской Народной Республики

*Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук*

В 1975 г. на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) четвертого созыва, работавшей в Пекине с 5 по 11 и с 13 по 17 января, была принята новая конституция. На первом этапе работы ВСНП было проведено так называемое подготовительное заседание, на втором официальном заседании, принявшем конституцию, были также сформированы высшие государственные органы страны — Постоянный комитет ВСНП и Государственный Совет (правительство) КНР. В «Докладе о внесении изменений в Конституцию», представленном сессии от имени ЦК КПК, говорилось, что принципы первой конституции КНР, принятой ВСНП в 1954 г., «применимы и по сей день»¹.

Так ли это? Сравнение текстов прежней и новой конституций приводит к выводу, что в этих документах общими являются лишь схема их построения, названия глав, тогда как содержание в корне отличается. Коренным образом отличался и порядок принятия конституций.

Как известно, принятию первой конституции КНР предшествовало всенародное обсуждение проекта, который был опубликован 14 июля 1954 г. Во всенародном обсуждении проекта конституции участвовало более 150 млн. чел., было внесено свыше миллиона предложений и поправок, для обобщения которых в провинциях и крупных городах, а также и в больших административных районах были созданы специальные комиссии. Обобщения местных комиссий передавались конституционной комиссии в Пекине². Результаты всенародного обсуждения были учтены при окончательном редактировании текста проекта перед вынесением его на сессию ВСНП.

Что же касается проекта нынешней конституции КНР, то он предварительно не публиковался и всенародному обсуждению не подвергался. Однако за рубежом получили распространение два проекта конституции³. Первый был якобы «в основном одобрен» II пленумом ЦК КПК девятого созыва 6 сентября 1970 г., второй принят I пленумом ЦК КПК десятого созыва в конце августа 1973 г. Оба проекта были внутренними документами, рассылавшимися в местные руководящие органы, и поэтому нынешнюю конституцию КНР никак нельзя считать «результатом неоднократных обсуждений многонационального народа нашей

¹ «Жэньминь жибао», 20.I.1975.

² А. Е. Лунев. Сущность Конституции Китайской Народной Республики. М., 1959, стр. 17.

³ «Токио симбун», 5.XI.1970; «Чжунхуа юэбао», 1974, № 117.

страны», как об этом было заявлено в докладе о проекте конституции на сессии ВСНП.

Существенно отличие конституций и по характеру принимавших их органов. Всекитайское собрание народных представителей первого созыва было сформировано на основе избирательного закона⁴ путем многостепенных выборов, то есть созыву ВСНП предшествовал созыв местных собраний народных представителей на всех уровнях, а также созыв выборных конференций военнослужащих. Лишь депутаты, представлявшие проживающих за границей китайцев (практически это представители китайской эмигрантской буржуазии), избирались административным органом — комиссией по делам китайских эмигрантов за границей. Для формирования состава нынешнего ВСНП местные собрания народных представителей не созывались ни на каком уровне. В официальном сообщении агентства Синьхуа о первой сессии ВСНП четвертого созыва указывалось, что депутаты были избраны «на основе демократических консультаций и многократных обсуждений»⁵. Термин «выборы на основе демократических консультаций» не нов в китайской политической терминологии. Так же именовался процесс формирования делегатского состава IX и X съездов КПК (в последних случаях не созывались местные партсъезды для выбора делегатов всекитайских партсъездов). При «выборах на основе демократических консультаций» воля избирателей не выявлялась, депутаты или делегаты назначались соответствующими местными органами («ревкомы» и парткомы) после консультаций с центром.

Преамбулой (введением) конституции 1954 г. действие основного закона четко связывалось с переходным периодом, который определялся как «период от создания Китайской Народной Республики до построения социалистического общества». С этим периодом связывались и конкретные основные задачи государства, включавшие постепенное осуществление социалистической индустриализации и постепенное завершение социалистических преобразований. В преамбуле новой конституции вопрос о переходном периоде снят и декларирован маоистский постулат о том, что в социалистическом обществе, которое «охватывает довольно длительный исторический период», «от начала до конца существуют классы, классовые противоречия и классовая борьба, существует борьба между двумя путями — социалистическим и капиталистическим». Спасти Китай от реставрации капитализма, согласно конституции, может лишь последовательное проведение в жизнь маоистского тезиса о «теории и практике продолжения революции при диктатуре пролетариата», означающего на деле преобладание во внутренней политике репрессивных методов, узаконение расправ с политическими противниками маоизма, как с якобы «индустрии по капиталистическому пути». Политическая практика «культурной революции» и последующих политико-идеологических кампаний показывает, что подобный ярлык, влекущий за собой репрессии, одинаково легко приклеивался и подлинным противникам маоизма, и тем, кого практическая (особенно хозяйственная) работа заставляла вносить коррективы в маоистские установки или даже сопротивляться им.

В преамбуле конституции 1954 г. содержался специальный абзац, посвященный национальной политике. Там, в частности, говорилось:

⁴ Официальное наименование этого акта — Закон о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей КНР, он был принят на 22-м заседании Центрального народного правительственного совета КНР 11 февраля 1953 г. — Прим. авт.

⁵ «Жэньминь жибао», 19.1.1975.

«В ходе экономического и культурного строительства государство будет проявлять заботу о нуждах всех национальностей, а в вопросах социалистических преобразований будет в полной мере учитывать особенности их развития»⁶. Во введении к новой конституции осталась лишь формула о «многонациональном народе нашей страны», как будто вопроса об обеспечении подлинного равноправия национальностей Китая не существует. В дальнейшем тексте конституции говорится о национальной автономии, но, в отличие от прежней конституции, автономные права национальных районов не определены, а органы самоуправления заранее устанавливаются в форме обычных административно-территориальных единиц. Тем самым районы национальной автономии фактически сводятся по своему правовому статусу к этим единицам.

Отмечая явный регресс в конституционном регулировании национальной автономии, следует подчеркнуть, что и в новой конституции даже не упомянуто о праве наций на самоопределение.

Коренное отличие новой конституции от прежней заключается также в том, что в настоящее время полностью исключены принципиальные положения о китайско-советской дружбе и дружбе с другими социалистическими странами. Нет в новой конституции и заключительного тезиса введения конституции 1954 г. о том, что «борьба за благородные цели мира во всем мире и прогресса человечества является неизменным курсом нашей страны в международных делах»⁷. Вместо этого конституция призывает «готовиться к войне» («бэй чжань»⁸), «строить социализм в духе независимости и самостоятельности, опоры на собственные силы» (в маоистской практике, как известно, этот тезис означает разрыв сотрудничества с социалистическими странами и переориентацию внешне-экономических связей Китая на капиталистические страны), «бороться против политики агрессии и войны, проводимой империализмом и социал-империализмом, против гегемонизма сверхдержав»; если учесть, что социал-империализмом маоисты именуют сейчас первую страну социализма, родину Ленина, этот призыв имеет прямую антисоветскую направленность. Чего может после этого стоить другое положение преамбулы: «В международных делах мы должны твердо придерживаться пролетарского интернационализма»? И хотя в том же документе пекинские лидеры пытаются уверить мировую общественность, что «Китай никогда не будет сверхдержавой», сам дух конституции является великоханьским и гегемонистическим. Слова конституционной преамбулы о «сравнительно большом вкладе в дело человечества» — всего лишь смягченный вариант известной установки Мао Цзэ-дуна: «Нашим объектом является весь земной шар, где мы создадим мощную державу».

Набор маоистских установок продолжается в первой главе конституции, озаглавленной «Общие положения». Там, в частности, говорится о «стимулировании подготовки к войне», об обязанности кадровых работников «участвовать в коллективном производственном труде», об обязанности осуществить «всестороннюю диктатуру над буржуазией в области надстройки, в том числе и во всех сферах культуры», о том, что «широкие дискуссии и дацзыбао есть новая форма ведения социалистической революции». О том, что на деле это форма униженного самобичевания и открытых доносов, конечно, умалчивается.

⁶ «Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики». М., 1955, стр. 30.

⁷ Там же, стр. 31.

⁸ В переводе Конституции КНР, выполненном агентством Синьхуа, этот тезис смягчен — там сказано: «готовиться на случай войны». — Прим. авт.

Главой «Общие положения» прежней конституции определялись основные принципы общественно-экономического устройства КНР: характер государства, политическая основа, социально-экономическая структура общества, плановое ведение хозяйства, задачи вооруженных сил и т. п. Эта глава содержала конкретные установки по развитию различных секторов экономики. Следует отметить, что первая глава новой конституции папичкана псевдосоциалистической фразеологией. Если не учитывать реального положения в стране, то может показаться, что в стране произошли позитивные сдвиги в сторону социализма. Так, в ст. 1 конституции КНР определяется как «социалистическое государство диктатуры пролетариата» (в прежней конституции говорилось о государстве демократической диктатуры народа), в ст. 5 декларируются «главным образом две формы собственности на средства производства: социалистическая общенародная собственность и социалистическая коллективная собственность трудящихся масс». В конституции 1954 г. говорилось о многоукладной экономике и соответствующих ей формах собственности. Из второй части той же статьи вытекает запрещение эксплуатации человека человеком («государство разрешает ...заниматься личным трудом без эксплуатации чужого труда...»); в ст. 9 декларируются отсутствовавшие ранее социалистические принципы «Кто не работает, тот не ест» и «От каждого по его способностям, каждому по его труду». Эти положения носят характер конституционных фикций, поскольку на самом деле КНР не является сейчас государством диктатуры пролетариата, а государством военно-бюрократической диктатуры, в котором к тому же до сих пор существует сословие национальной буржуазии, получающей нетрудовые доходы. Это реальное обстоятельство сводит на нет конституционные декларации маонистов.

Тезис первой главы конституции о том, что «КПК является руководящим ядром всего китайского народа» и что через нее рабочий класс «осуществляет руководство обществом», не отражает действительного положения в современном Китае. Там на деле коммунистическая партия утратила характер руководящей силы общества и государства. Она стала организацией массовой поддержки режима военно-бюрократической диктатуры, своего рода скоплением «нержавеющих винтиков председателя Мао», инструментом в руках маонистской верхушки.

Конституция провозглашает маонизм в качестве государственной идеологии КНР. При этом в целях подмены марксизма-ленинизма маонизмом «маоцзэдуновские идеи» кощунственно объединяются с марксизмом-ленинизмом, хотя на самом деле маонизм является политическим и идеологическим противником марксизма-ленинизма. В ст. 2 конституции указано, что «марксизм-ленинизм-маоцзэдуновские идеи являются теоретической основой, определяющей идеи нашего государства», а в ст. 9 государственным учреждениям и государственным служащим изучение этих идей вменено в обязанность.

В главе I конституции закреплены порожденные в период «большого скачка» конца 50-х годов «народные коммуны» в качестве организаций, в которых «слиты воедино и низовая государственная власть и хозяйственное управление» (ст. 7). Следует отметить, что при формулировании в конституции положений, касающихся «народных коммун», учтены уроки провала «большого скачка» и ему подобных маонистских экспериментов. Это нашло выражение в том, что в конституции подтверждается сохранение в качестве основной хозяйственной единицы сельскохозяйственных кооперативов, именуемых в настоящее время «производственными бригадами народных коммун», а также в признании за коммунарами права иметь в личном пользовании небольшие участки земли и зани-

маться небольшим подсобным хозяйством, а в скотоводческих районах — иметь небольшое количество своего скота.

В последней статье первой главы, как и в прежней конституции, определяются задачи вооруженных сил (ст. 15). В новой конституции она значительно расширена. Во-первых, в статью внесено указание о том, что вооруженные силы КНР включают в себя народно-освободительную армию и «народное ополчение», выполняющее сейчас в основном полицейские функции, причем подчеркнуто, что они «являются вооруженными силами, руководимыми коммунистической партией Китая», — это указание имеет особый смысл в введущейся ныне в Китае внутриполитической борьбе; во-вторых, специально оговорено, что «Председатель Центрального Комитета Коммунистической партии (теперь есть Мао Цзэ-дун. — Л. Г.) возглавляет вооруженные силы». Таким образом, определение предыдущего абзаца статьи о руководстве вооруженными силами со стороны всей партии практически сведено на нет. Мао Цзэ-дуну нужно безраздельное единоличное руководство вооруженными силами, независимое от воли каких-либо коллегиальных органов — именно в этом смысл конституционного закрепления высшего военного поста за определенным лицом; в-третьих, функции армии расширены на хозяйственную сферу: она объявлена не только боевым, «но также рабочим и производственным отрядом»; этим, с одной стороны, сеются иллюзии о «самообеспечивающихся» вооруженных силах, с другой — узаконивается вмешательство вооруженных сил в экономику; в-четвертых, внешней функции вооруженных сил КНР дана определенная политическая ориентация, а именно «защита родины от подрывной деятельности и агрессии со стороны империализма, социал-империализма и их приспешников»⁹. Антисоветская направленность этой части статьи конституции очевидна, вместе с тем примечательно и указание на возможность использования вооруженных сил не только против агрессии, но и против «подрывной деятельности», чем легализуется возможность вооруженного вмешательства в дела других государств.

Коренные изменения претерпела вторая глава конституции «Государственная структура». Наиболее серьезным изменением в системе высших государственных органов явилась ликвидация поста Председателя КНР, за который всегда велась острая борьба в правящей верхушке. Одновременно с постом Председателя КНР, который одновременно возглавлял вооруженные силы, оказались упраздненными и такие институты, как Государственный комитет обороны (Председатель КНР был и председателем этого комитета) и Верховное государственное совещание (Председатель КНР созывал его в составе своих заместителей, председателя Постоянного комитета ВСНП, Премьера Государственного Совета и других лиц; он председательствовал на этом совещании).

В конституции 1954 г. довольно подробно определялись основные принципы организации и деятельности государственных органов КНР. Кроме того, первой сессией ВСНП первого созыва наряду с конституцией, были приняты пять органических законов, в которых конституционные принципы были развиты и дополнены конкретными положениями. Это были законы об организации ВСНП, Госсовета, местных собраний народных представителей и местных народных комитетов (то есть местных органов государственной власти и государственного управления), органов суда и прокуратуры. В конституции 1954 г. государст-

⁹ По конституции 1954 г., задачей вооруженных сил КНР являлась «охрана завоеваний народной революции и достижений государства в области строительства, охрана суверенитета территориальной целостности и безопасности страны» (ст. 20). — Прим. авт.

венной структуре КНР было уделено 64 статьи. Теперь же в конституции всего 30 статей, государственная структура регулируется только десятью статьями. Отсутствие таких законов при столь краткой конституции открывает большие возможности для субъективного толкования и применения полномочий государственных органов, которые в новой конституции КНР изложены крайне нечетко.

Полномочия ВСНП в новой конституции значительно сужены. В частности, его права по формированию других высших органов государства сведены только к назначению и освобождению от должности премьера Госсовета и других лиц, входящих в состав этого органа. В конституции даже не зафиксирована ответственность и подотчетность перед ВСНП его Постоянного комитета. Теперь ВСНП не имеет отношения к формированию Верховного суда КНР, а Верховная прокуратура конституцией не предусмотрена. В новом основном законе КНР в отличие от прежнего ничего не говорится о контроле ВСНП за проведением в жизнь конституции, о решении ею вопросов войны и мира, объявления амнистий, утверждения государственного устройства. Из новой конституции исключены положения о правах и гарантиях прав депутатов ВСНП, то есть, например, право запроса депутата в Госсовет и министерства (с обязанностью этих органов дать ответ депутату), право депутатской неприкосновенности и т. д. В конституцию 1975 г. не вошли имевшиеся в прежней конституции положения о Постоянных комиссиях ВСНП — национальностей, законодательных предположений, бюджетной и др., а также о комиссиях по расследованию определенных вопросов. Этим самым работа ВСНП сведена к ежегодным сессиям, которые к тому же могут «в случае необходимости» и не созываться в установленные сроки.

Сильно урезаны новой конституцией и полномочия Постоянного комитета ВСНП — с восемнадцати до шести конституционных установлений. В новой конституции ничего не говорится о контроле со стороны Постоянного комитета ВСНП в отношении других высших государственных органов (Государственного Совета, Верховного суда), о назначении им должностных лиц (кроме полномочных представителей в иностранных государствах), о принятии им решений о помиловании, об объявлении состояния войны.

Самым общим образом в конституции сформулирована и компетенция Государственного Совета. Число установленных в основном законе полномочий Госсовета с шестнадцати в конституции 1954 г. сокращено теперь до пяти, в том числе полностью исключены отраслевые функции (например, по защите интересов государства, поддержанию общественного порядка; руководству работой в области культуры, просвещения и здравоохранения; руководству строительством вооруженных сил и т. д.) и право утверждения административного деления автономных округов, уездов, автономных уездов и городов. Ничего в новой конституции не говорится о компетенции министров и председателей комитетов, хотя в прежней конституции ей была посвящена специальная статья (ст. 51), устанавливавшая, что «министры и председатели комитетов и комиссий несут ответственность за руководство работой данной отрасли. Министры и председатели комитетов и комиссий могут в пределах компетенции данного органа издавать приказы и инструкции на основе законов, указов, а также на основе постановлений и распоряжений Государственного Совета»¹⁰.

¹⁰ «Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики». М., 1955, стр. 43—44.

В системе местных органов власти конституция 1975 г. закрепила детище «культурной революции» — «ревкомы». Формально, по положению ст. 22 нового основного закона КНР, местные «ревкомы» являются «постоянно действующими органами местных собраний народных представителей» (то есть занимают место народных комитетов). Поскольку они наделены конституцией равными с собраниями правами (ст. 23), то они могут на своих заседаниях, а практически на заседаниях «руководящего ядра» решать все входящие в компетенцию местных органов власти вопросы, не прибегая к созыву сессий собраний народных представителей. При этом сами собрания будут теперь снизу доверху формироваться путем «демократических консультаций», то есть практически без участия избирателей. Из перечня полномочий местных органов власти прежней конституции исключено положение о том, что они «обеспечивают равноправие национальных меньшинств».

Новая конституция КНР упразднила органы надзора за законностью — народные прокуратуры. Их функции переданы органам общественной безопасности, которые теперь должны и санкционировать аресты, и производить их. Категории народных судов оставлены прежние (Верховный народный суд, местные народные суды, специальные народные суды), но изменен порядок назначения председателей судов — они будут назначаться и освобождаться от должностей «постоянно действующими органами собраний народных представителей соответствующей ступени», то есть Постоянным комитетом ВСНП и «ревкомами» (раньше председатель Верховного суда избирался ВСНП, председатели местных судов — местными собраниями). Из конституции 1975 г. исключены демократические принципы организации и деятельности судов: участие народных заседателей в отправлении правосудия, гласность судов и обеспечение обвиняемым права на защиту, национальное равноправие в судопроизводстве, независимость судов и подчинение их только закону (ст. 75—78 конституции КНР 1954 г.). Вместо них в новую конституцию (ст. 25) вставлена довольно невразумительная фраза о проведении «линии масс» при следствии и рассмотрении дел. Весьма характерно еще одно положение той же статьи, гласящее: «По важным контрреволюционным делам следует мобилизовать массы для развертывания обсуждения и критики». Что такое «контрреволюционные дела» в Китае, известно, и это положение можно рассматривать лишь как легализацию массовых судилищ с расстрелами на стадионах, которыми был отмечен период «культурной революции».

Третья глава конституции — «Основные права и обязанности граждан» — не содержит уже положения о том, что «все граждане Китайской Народной Республики равны перед законом» (ст. 85 конституции 1954 г.). Основным правом и основной обязанностью граждан объявлена «поддержка руководства» КПК, то есть Мао Цзэ-дуна.

Конституция КНР 1975 г. представляет собой особенно серьезный регресс по сравнению со своей предшественницей в отношении регулирования социально-экономических прав граждан (то есть права на труд, на отдых, на образование, материальное обеспечение в старости, в случае болезни или потери трудоспособности). В прежней конституции каждому из этих прав была посвящена отдельная статья, в которой каждое из них подкреплялось соответствующими материальными гарантиями. Так, относительно права на труд в ст. 91 конституции 1954 г. было записано, что государство обеспечивает его «путем планового развития народного хозяйства, постепенного увеличения занятости трудом, улучшения условий труда и повышения реальной заработной платы». Материальные гарантии права на отдых обеспечивались в следующей статье

конституции «путем установления для рабочих и служащих рабочего времени и системы отпусков, путем постепенного улучшения материальных условий для отдыха и укрепления здоровья трудящихся» (ст. 92). Право на получение материальной помощи в старости, а также в случае болезни или потери трудоспособности обеспечивалось «путем проведения трудового страхования, санитарно-медицинского обслуживания народных масс и постепенного расширения этих мероприятий» (ст. 94). Наконец, право на образование в 95-й статье конституции обеспечивалось путем создания и постепенного расширения различных учебных заведений и других культурно-просветительных учреждений. Материальные гарантии предусматривались и при осуществлении гражданами КНР общественно-политических свобод (ст. 87). Из конституции же КНР 1975 г. все материальные гарантии гражданских прав исключены. Следует отметить, что многие из них оказались в явном противоречии с постулатами и политической практикой маонизма. На самом деле, с точки зрения Мао Цзэ-дуна, явным «экономизмом» и «ревизионизмом» являются такие, например, гарантии права на труд, как улучшение условий труда и повышение реальной заработной платы. В Китае нет законодательно установленных систем отпусков рабочих и служащих и ограниченного рабочего времени, являющихся гарантиями конституционного права на отдых. Подавляющее большинство китайских граждан не пользуется правом на социальное обеспечение. Систематически сокращая средства на санитарно-медицинское обслуживание населения, китайские правители навязывают ему систему так называемых «босоногих врачей», то есть наскоро подготовленных общественных санитаров. Каждые четверо из десяти китайских детей школьного возраста не могут посещать школу, а государство, уменьшая расходы на школьное образование, стремится переложить их на производственные бригады народных коммун и население городских кварталов.

Из конституции 1975 г. исключено положение о том, что государство «обеспечивает гражданам свободу научно-исследовательской деятельности, литературно-художественного творчества и другой культурной деятельности», «поощряет творческую работу граждан в области науки, просвещения, литературы, искусства и другой культурной деятельности и оказывает им в этом содействие» (ст. 95 конституции 1954 г.).

В новой конституции аннулированы прежние положения, предусматривавшие право граждан КНР на свободу жительства и переселения, об охране законом тайны переписки. Положения о неприкосновенности личности граждан оставлены, но лишены правовой гарантии от произвола, так как ныне, когда органы прокуратуры ликвидированы, — законность ареста санкционируется, как уже указывалось выше, самими органами, производящими аресты, то есть органами общественной безопасности, которые могут теперь производить аресты вне всякого контроля.

Примечательно закрепление в нынешней конституции КНР среди прав граждан «права на забастовку», которое, как было заявлено в «Докладе о внесении изменений в Конституцию КНР», включено по инициативе самого Мао Цзэ-дуна. Это положение конституции следует рассматривать как легализацию задним числом действий цзаофаней времен «культурной революции», прибегавших к забастовкам для «захвата власти» (то есть смещения неугодных маонстам руководителей) на предприятиях, а равно и возможных действий подобного характера в дальнейшем. Недаром в том же докладе заявлено: «Некоторые предприятия формально являются социалистической собственностью, но

фактически руководство там находится не в руках марксистов и широких масс рабочих. Многие позиции, если их не занимает пролетариат, захватываются буржуазией».

В целом новая конституция КНР, несмотря на претензии ее составителей, не является свидетельством прогресса китайского общества, а во многих положениях (особенно касающихся государственной структуры и гражданских прав) она представляет собой явный регресс по сравнению с прежней конституцией. Конституция 1954 г. не исчерпала своей исторической роли. Ее действие было прервано искусственно, потому что основанный на ней механизм государственной власти был в своей основе чужд маоистскому пониманию содержания и формы власти. Маоистам, стремившимся к насаждению культа личности, диктаторских методов правления, милитаризации государства и общества, мешала линия конституции 1954 г. — линия на демократическую организацию политической жизни, повышение уровня сознательности, развертывание творческой инициативы масс. Последовательное осуществление провозглашенных в конституции 1954 г. принципов организации и деятельности государственного аппарата, а также соблюдения законности и уважения демократических прав и свобод граждан создавало бы непреодолимое препятствие для концентрации всей власти в стране в руках маоистской группы и ее расправ со своими политическими противниками.

Конституция 1954 г. стала тормозом на пути маоизма. Именно поэтому в период «культурной революции» был ликвидирован основанный на ней механизм власти, нарушены гражданские права китайских трудящихся. Инспирированная Мао Цзэ-дуном «культурная революция» превратила основной закон государства в фиктивный документ, фактически отменила его.

Новая конституция КНР, как явствует из ее анализа, основным своим назначением имеет не возвращение страны в рамки конституционной законности, а закрепление выгодных маоистам результатов «культурной революции». Вместе с тем она, несомненно, несет следы компромисса различных группировок китайского руководства; например, наряду с призывом о подготовке к войне в конституцию включены пять принципов мирного сосуществования, общему духу конституции явно не соответствует фраза о постепенном повышении материального и культурного уровня жизни народа (ст. 10). Это обстоятельство создает возможность использования в будущем некоторых ее положений в интересах социализма и прогресса. Однако гораздо больше возможностей конституция дает для ее использования в антинародных целях. Конституция может широко использоваться маоистами для оправдания любых поворотов политического курса китайского руководства, новых репрессий и беззаконий.

ИДЕОЛОГИЯ

Маоизм на службе буржуазной идеологии

*Е. Ф. Ковалев,
доктор исторических наук*

Вопрос «кто кого», поставленный Великой Октябрьской социалистической революцией, окончательно и бесповоротно решен историей в пользу социализма. Преодолев за свое более чем полувековое существование беспрецедентные по масштабам испытания и выйдя из них еще более окрепшим, Советский Союз — первая в мире страна социализма, сделал гигантский шаг вперед по пути строительства нового общества. Своим примером он вдохновил другие народы встать на этот путь. Содружество социалистических государств выросло в мощную позитивную силу современности. Переход от капитализма к социализму стал главной чертой нашей эпохи.

Перед лицом объективных изменений в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма апологетам капитализма все сложнее становится формировать «теории» и концепции, которые более эффективно, чем до сих пор, подрывали бы рост и укрепление революционных сил мира, в частности стремление развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки обрести политическую и экономическую независимость на путях социалистической ориентации. В этих регионах, где колониальная политика империализма основательно скомпрометировала себя, силам реакции требуется прочный идейный заслон, который приостановил или затормозил бы тягу этих стран к единству антимпериалистических сил, к прогрессивному переустройству общества. Образовать такой заслон только своими усилиями буржуазная идеология уже неспособна. Ее собственные усилия, традиционно грубопрямолнейные, не всегда учитывающие социальную почву и сдвиги в национальном самосознании, сегодня уже недостаточны, чтобы активно влиять на народы «третьего мира».

Буржуазная идеология ищет и находит себе союзников в мелкобуржуазных идейно-политических течениях предпочтительно ревизионистского толка. Ее воинствующие представители большие надежды возлагают на так называемую «эрозию» научного коммунизма, усматривая ее в любой форме отхода от марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. В таком отходе они видят благоприятную возможность вбивать клинья в мировую систему социализма, коммунистическое и национально-освободительное движения, расширять лазейки для проникновения и поддержки в них чуждых марксизму-ленинизму и социалистическому интернационализму идей, черпать у инициаторов такого отхода аргументацию, повышающую, как им кажется, действенность борьбы против теории и практики марксизма-ленинизма.

Из современных разновидностей ревизионизма буржуазные идеологи охотно берут на вооружение маонизм как средство идеологической борьбы с научным коммунизмом.

* * *

Основные вехи суждений буржуазной историографии о маонизме с самого начала характерны провокационно-поощрительным отношением к «идеям Мао Цзэ-дуна». «Первооткрывателями» и первыми пропагандистами «идей Мао Цзэ-дуна» были американские журналисты, побывавшие в советских районах Китая до китайско-японской войны 1937—1945 гг. и в освобожденных районах страны в период войны и в послевоенные 1946—1949 гг.

В июле 1936 г. Эдгар Сноу посетил советский район Северный Шэньси-Ганьсу. В Баоани он взял интервью у Мао Цзэ-дуна и записал со слов последнего его автобиографию. На основе этих материалов и впечатлений от четырехмесячного пребывания в районе Э. Сноу написал промаонистскую книгу «Красная звезда над Китаем»¹. Книга получила высокую оценку Мао Цзэ-дуна, который сказал, что она «точно изложила политику партии и его (Мао Цзэ-дуна. — Е. К.) собственные взгляды»². С одобрением она была встречена и многими буржуазными китаеведами, до сих пор считающими ее «одной из важнейших и влиятельных книг нашего времени», якобы открывшей «эпоху в понимании Западом Китая»³. Ничего удивительного в этом нет: буржуазное общественное мнение расхваливает сочинение Э. Сноу главным образом за то, что оно подметило «независимую» от Москвы и Коминтерна линию Мао Цзэ-дуна и выпестованную им, как отметил один из буржуазных китаеведов, «уникальную... туземную ветвь марксизма»⁴.

Анна Луиза Стронг, интервьюировавшая Мао Цзэ-дуна в августе 1946 г., ввела в оборот западной литературы подброшенные ей маонистами термины «азиатский марксизм» и «китайский марксизм». Она еще тогда пришла к выводу, что у руководства КПК «понятие марксизма постепенно отходит от европейского образца»⁵. В этом отходе (как явствует из слов Лю Шао-пи, на которые ссылается А. Л. Стронг) решающая заслуга принадлежала Мао Цзэ-дуну, который «создал китайскую или азиатскую форму марксизма, заменил европейскую форму марксизма азиатской формой марксизма»⁶. В дальнейшем А. Л. Стронг активно призывала изучать маонистскую теорию «крестьянской революции», затяжной войны, единого фронта и кооперирования деревни⁷. Так выглядели наиболее общие буржуазные суждения о маонизме до победы китайской революции в 1949 г. Они в основном не выходили за пределы констатации появления «китайского марксизма», но уже под-

¹ См. первое издание: E. Snow, *Red Star over China*. London, 1937.

² E. Snow, *Random Notes on Red China*, Cambridge (Mass.), 1957, p. 73.

³ K. Shewmaker, *Americans and Chinese Communists*. Ithaca — New York — London, 1971, p. 55, 61.

⁴ Там же, стр. 58. Ранее о том, что Мао Цзэ-дун «создал свою собственную ветвь марксизма-ленинизма», см.: J. E. Rue, *Mao Tse-tung in Opposition, 1927—1935*. Stanford (Calif.), 1966, p. 1.

⁵ A. L. Strong, *The Thought of Mao Tse-tung*. — "Amerasia". Vol. XI, 1947. № 6, p. 161.

⁶ Цит. по: A. L. Strong, *Dawn Comes Like Thunder out of China*. Bombay, 1948, p. 29.

⁷ A. L. Strong, *The Chinese Conquer China*. New York, 1949, p. 268.

черкивали право на самостоятельное существование и пропаганду «идей Мао Цзэ-дуна».

Победа китайской революции поставила перед ее западными толкователями вопросы: равнозначен ли маоизм марксизму и под каким знаменем победила революция — марксистско-ленинским или маоистским? В ответах на эти вопросы появились новые по сравнению с прошлым, хотя и противоречивые акценты в буржуазной интерпретации «идей Мао Цзэ-дуна».

Эмигрировавший в США гоминьдановский социолог и историк Го Пин-цзя писал в 1956 г., что «Мао — величайший эклектик...»⁸ Но эту свою характеристику верно подмеченной черты мировоззрения Мао Цзэ-дуна Го Пин-цзя обесценил, утверждая, что «значительная часть идей Мао Цзэ-дуна... внушена марксистско-ленинским учением и суньятсевским принципом народного благосостояния»⁹.

В 1960 г. американские китаеведы Шао Чуань-лэн и Норман Д. Палмер выступили с утверждением, что гносеологически маоизм примыкает к научному социализму и идентичен последнему; они заявили, что «китайский коммунизм» Мао Цзэ-дуна «является законным и подлинным развитием марксизма-ленинизма»¹⁰.

Этот тезис в том же году был выдвинут в дискуссии, развернувшейся на страницах лондонского журнала «Чайна куотерли» между американскими исследователями К. Витфогелем и Б. Шварцем по вопросу, имеет ли маоизм право на существование как самостоятельное идейное течение. К. Витфогель утверждал, будто маоизм своими корнями уходит в марксизм-ленинизм и является его продолжением. Он возражал Б. Шварцу, рассматривавшему маоизм как чисто оригинальное нововведение Мао Цзэ-дуна. Б. Шварц, хотя и не отрицал «влияния» марксизма-ленинизма на Мао Цзэ-дуна, но считал, что маоизм — это «китайский марксизм»¹¹. При всем кажущемся различии точек зрения К. Витфогель и Б. Шварц, по существу, стояли на одной и той же позиции — на позиции признания «марксистского» характера маоизма: одному маоизм представлялся как продолжение марксизма, другому — как марксизм в «национальной» окраске.

Оценкой маоизма как «разновидности» марксизма-ленинизма буржуазные идеологи измеряют и идейно-политическое содержание победы китайской революции. Разжигая националистическую амбициозность китайских руководителей, они солидаризируются с заявлениями последних о том, что революция победила под знаменем «марксизма-маоизма». Так, Го Пин-цзя, признавая «коммунистическую победу» в Китае, все же полагал, что «поворотным пунктом» в ней оказалась «кристаллизация и применение линии Мао Цзэ-дуна»¹².

В 1958 г. американский историк Н. Пейффер писал, что китайская революция победила под флагом «неомарксизма» «восточной разновидности»¹³. Другой американский историк, автор вышедшей в 1962 г. книги «Крестьянский национализм и коммунистическая власть» Ч. Джонсон, заявил, что в Китае победила не марксистско-ленинская

⁸ Kuo Ping-chia. China: New Age and New Outlook. London, 1956, p. 32.

⁹ Там же, стр. 31—32.

¹⁰ Shao Chuan Leng and Norman Palmer. Sun Yat-sen and Communism. New York, 1960, p. 180.

¹¹ K. Wittfogel The Legend of "Maoism". — "The China Quarterly", 1960, № 1, p. 72—78; 1960, № 2, p. 16—34; B. Schwartz. The Legend of the "Legend" of "Maoism". — "The China Quarterly", 1960, № 2, p. 35—42.

¹² Kuo Ping-chia. Указ. соч., стр. 46.

¹³ N. Peffer. The Far East. A Modern History. The University of Michigan Press, 1958, p. 443.

идеология, а лишь ее «китайская версия», которая «являлась приложением к китайскому национализму»¹⁴. В 1963 г. сходную с Ч. Джонсоном точку зрения изложил С. Шрам. Извращая суть ленинизма представлением о нем как о «форме революционного национализма» и приравнивая маонизм к ленинизму на том основании, что маонизм тоже форма «революционного национализма», С. Шрам утверждал, что в таком качестве «идеи Мао Цзэ-дуна» победили в 1949 г.¹⁵

Когда в 1963 г. публикацией письма от 14 июня маонистское руководство КПК открыто выступило против согласованной линии мирового коммунистического движения, буржуазная мысль с удовлетворением квалифицировала линию пекинских лидеров как курс на откол КНР от мировой социалистической системы, от СССР. В этой связи последние полтора десятка лет по сравнению с предыдущим десятилетием отмечены не только повышенным и более тенденциозным интересом буржуазного Запада к различным сторонам политической и идеологической жизни КНР, но и новыми акцентами в оценке сущности маонизма и идейно-политического содержания победы китайской революции в 1949 г. Эти акценты меняются в зависимости от остроты внутренних и внешних проблем КНР, но почти неизменной остается провокационно-поощрительная интерпретация «идей Мао Цзэ-дуна».

В 1966 г. редакция американского антикоммунистического журнала «Проблемы коммунизма» провела симпозиум на тему «Что такое маонизм?». Сам факт созыва такого форума говорит о большом внимании буржуазных ученых к идеологии маонизма. Общий тон симпозиума в оценке сущности маонизма был позитивным, но противоречивым. Участник дискуссии А. Коэн, например, заявил, что «было бы точнее сказать, что решающим традиционным компонентом в идеях Мао является шовинизм», однако эту правильно подмеченную суть данного «компонента» свел, по существу, на нет утверждением, что это проявляется лишь во «внешней политике» КНР. Б. Шварц защищал тезис о том, что «идеи Мао Цзэ-дуна» — это результат «эволюции» марксизма-ленинизма. С. Шрам, отстаивавший «связь» маонизма с марксизмом-ленинизмом, пришел к заключению, что маонизм — это «разновидность коммунизма», с чем согласились А. Коэн и Б. Шварц¹⁶.

Симпозиум активизировал усилия буржуазных обществоведов, направленные на популяризацию апологетической концепции «маонизм — разновидность коммунизма» или «маонизм — китайский вариант марксизма»¹⁷, а также на формирование мнения, будто с самого начала своей политической деятельности Мао Цзэ-дун предстает как правый марксист-ленинец. Так, Б. Шварц, приравнивая маонизм к научному коммунизму на правах «разновидности» последнего, в доказательство этого утверждал в конце 1967 г. в интервью с Накадзима Минэо, что уже тогда, «когда Мао Цзэ-дун примкнул к марксизму-ленинизму, он буквально все воспринял в нем»¹⁸. Между тем известны как заявление самого Мао Цзэ-дуна о том, что, еще до того как ему стать «марксистом» (лето 1920 г.), он находился под сильным влиянием анархизма¹⁹, так и то, что до и после вступления в ряды коммунисти-

¹⁴ C. Johnson. Peasant Nationalism and Communist Power. Stanford (Calif.), 1962, p. IX.

¹⁵ Мао Tse-toung. Textes traduits et présentés par Stuart Schram. Paris, 1963, p. 86, 87.

¹⁶ "Problems of Communism". Vol. XV, 1966, № 5, p. 16, 18, 24.

¹⁷ E. J. M. Kroker. Der Maoismus — eine chinesische Variante des Marxismus. — "Stimmen der Zeit", 1973, Jg. 98, H. 12, S. 820—834.

¹⁸ «Тюю корон», декабрь 1967 г., № 12, стр. 113.

¹⁹ E. Snow. Red Star over China, p. 149.

ческого движения Мао Цзэ-дун не был или почти не был знаком с марксистско-ленинской литературой²⁰.

Положение о том, что «маоцзэдуновские идеи» являются якобы «новым развитием марксизма-ленинизма в современную эпоху»²¹, широко пропагандировавшееся маоистской прессой в 1969 г. в связи с 48-й годовщиной образования КПК, было подхвачено промаоистскими элементами на Западе. Хань Сюнь, ревностная почитательница маоизма, писала, что «идеи Мао Цзэ-дуна — вершина марксистско-ленинизма в наше время»²², а профессор Амстердамского университета А. Гулдер заявил, что маоизм — это «новая и особая стадия в мировом развитии марксизма»²³.

Выразителями усилий буржуазных обществоведов, стремящихся своей провокационно-поощрительной интерпретацией маоизма гальванизировать его антимарксистскую, ревизионистскую сущность, являются некоторые специальные китаеведческие издания. Промаоистские статьи и материалы, например, регулярно публикуются в журнале «The China Quarterly», выходящем в Лондоне с 1960 г., в выпускаемом там же с января 1964 г. и субсидируемом маоистами «Листке группы по изучению китайской политики», издающемся под попечительством видных буржуазных социологов Д. Нидема, К. Оффорда, Д. Робинсона, Т. Томсона²⁴.

Нередко на книжный рынок Европы и Америки поставляются объемистые тома, характеризующие в промаоистском духе внешнюю и внутреннюю политику КНР. Представляя читателям список 14 книг, изданных на английском языке в 1965—1972 гг., «Листок» подчеркивает, что перечень их не полный и включает лишь те работы, которые «мы рассматриваем как выдающиеся» и с выводами которых «мы согласны»²⁵.

Авторы этих изданий безудержно восхваляют Мао Цзэ-дуна и его «идеи», причем то и другое обычно почти синхронно совпадает с очередной мутной волной антикоммунизма, национализма и антисоветизма, катящейся из Пекина.

Таковы основные вехи провокационно-поощрительного формирования буржуазной историографией концепции «приравнивания» маоизма к научному коммунизму, прослеживаемые по западным изданиям, наиболее концентрированно славословящим «идеи Мао Цзэ-дуна».

В коммюнике о встрече делегации КПСС с делегацией Компартии США, состоявшейся в мае 1974 г. в Москве, говорится, что самая решительная борьба «против маоизма, ставшего откровенным врагом коммунистического и национально-освободительного движения и выступающего против разрядки напряженности совместно с самыми реакционными силами», является первостепенной задачей марксистско-ленинских партий.

Раскрытие отношения буржуазной идеологии к маоизму в целом и к его отдельным направлениям и концепциям дает возможность вы-

²⁰ См., например, сообщение Д. Е. Рю о том, что до и после I съезда КПК Мао Цзэ-дун, считавший себя марксистом, не был знаком с работами В. И. Ленина. — J. E. Rue. Указ. соч., стр. 29—30.

²¹ «Да здравствует Коммунистическая партия Китая!» — «Хунци», 1969, № 6—7, стр. 5.

²² Han Suyin. China in the Year 2001. Penguin Books. 1970, p. 121.

²³ A. Gouldner. Marxism and Mao. — "Partisan Review", Vol. 40, 1973, № 2, p. 254.

²⁴ Промаоистское и антисоветское лицо «Листка» наиболее отчетливо выражено в редакционной статье, посвященной десятилетию его издания: "The Revolutionary Years". — "China Policy Study Group Broadsheet". Vol. 11, 1974, № 1.

²⁵ "Some Notable Books". — "China Policy Study Group Broadsheet". Vol. 11, 1974, № 1.

явить взаимосвязи между ними, разоблачить подсобную роль маонизма в идеологическом наступлении буржуазного общества на научный коммунизм и социалистический интернационализм, на теорию и практику социалистического и коммунистического строительства в СССР и других странах социалистического содружества. Буржуазные идеологи рассматривают маонизм в качестве «троянского коня», несущего на себе средства подрыва марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма. Обращаясь к идейно-политическому содержанию маонизма, они выискивают в нем все, что могло бы способствовать успеху их борьбы с научным коммунизмом. Руководствуясь прагматическими соображениями, буржуазные идеологи зачисляют в свой арсенал прежде всего антикоммунистическую, антисоветскую и националистическую направленность маонизма, то есть те его черты, которые созвучны реакционной буржуазной идеологии, и тем самым ставят «идею Мао Цзэ-дуна» на службу капиталистическому Западу.

* * *

Оценка содержания нашей эпохи, роли и места в ней революционных сил современности является основным вопросом, вокруг которого идет борьба между буржуазной и ревизионистской идеологией, с одной стороны, и марксизмом-ленинизмом — с другой.

Главным содержанием нашей эпохи является переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, а самой примечательной чертой нашего времени — рост трех революционных сил: мировой системы социализма, международного рабочего класса и национально-освободительного движения.

Классовый анализ социальных процессов и явлений — основополагающий принцип марксистско-ленинской методологии. Он позволяет установить, «какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»²⁶. Маонисты, как и буржуазные идеологи, игнорируют классовый подход к определению содержания, главному направлению развития и главным особенностям исторической обстановки современной эпохи, подменяя его всевозможными «надклассовыми» концепциями. Отрицая марксистский тезис о том, что в наше время основным противоречием в мире является противоречие между социализмом и капитализмом, то есть между рабочим классом и буржуазией, трудом и капиталом, и подменяя его противоречием между национально-освободительным движением и империализмом, маонистская концепция современного всемирно-исторического процесса извращает главное содержание нашей эпохи, она направлена против линии революционных сил современности, сводит на нет роль и место в этом процессе рабочего класса.

«Главное в учении Маркса, — писал В. И. Ленин, — это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества»²⁷. Теория и практика маонизма идут вразрез с марксистско-ленинским взглядом на роль рабочего класса как создателя социалистического общества.

Буржуазные идеологи и ревизионисты приветствуют маонистские концепции, затушевывающие классовые цели пролетариата и его роль социального освободителя, противопоставляющие рабочему классу

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 26, стр. 142.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 23, стр. 1.

крестьянство, полагающие, будто крестьянство является единственной и решающей революционной силой современности.

В апреле 1949 г. Э. Сноу утверждал, будто китайские коммунисты доказали, что «крестьянские революции» могут быть успешными «на базе организованного крестьянства как главной силы»²⁸ вне зависимости от восстаний городского и помощи мирового пролетариата. Через десятилетие с небольшим Цю Цай и В. Цай с удовлетворением констатировали, что, «сделав крестьянство главной революционной силой, он (Мао Цзэ-дун. — Е. К.) разошелся с ортодоксальной марксистско-ленинской доктриной...»²⁹.

Несколько позднее С. Шрам оправдывал маоистское понимание роли крестьянства как главной силы революции и руководящей роли крестьянской партии, утверждая при этом, что данные положения не объясняются стремлениями Мао Цзэ-дуна создать некое «лжеучение»³⁰. Точку зрения С. Шрама разделяет французский синолог Жан Шено. Он заявляет, что Мао Цзэ-дун внес-де «фундаментальный вклад» в марксизм, «открыв», что крестьянство «больше не является простым союзником, которого всегда следует ограничивать, контролировать, давать ему подчиненные роли»³¹.

Из ревизионистского курса на принижение руководящей и направляющей роли рабочего класса в революционном обновлении общества логично вытекает и отрицание соответствующей роли марксистско-ленинской партии, что полностью сходится с теорией и практикой маоизма. Так, Р. Гароди утверждает, что разгон КПК маоистами в период «культурной революции» 1966—1969 гг. якобы был закономерным явлением, поскольку «партия не рассматривалась в качестве единственного фактора революции»³².

Наделяя крестьянство качеством «неконтролируемой» самостоятельной политической силы, буржуазные и ревизионистские идеологи приходят к выводу, что оно не нуждается в союзе с рабочим классом и в руководстве со стороны последней и его партии. Имн совершаются попытки опорочить марксистско-ленинскую теорию и практику союза рабочего класса и крестьянства путем простой констатации соотношения численности этих классов в Китае. Утверждается, что китайский индустриальный рабочий класс, насчитывавший в своих рядах в 30—40-х годах немногим более двух миллионов человек, и его малочисленная партия не могли вести за собой в революции 300—400 млн. крестьян страны.

На этом основании отрицается, что в 1949 г. в Китае одержала победу *народная революция*, опирающаяся на союз рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса и его партии. Напротив, подыгрывая маоистской интерпретации расстановки классовых и политических сил китайской революции, Цю Цай и В. Цай решающую роль в ее победе отводят крестьянству в лице крестьянской армии, а партии — лишь роль органа мобилизации масс. Разговор о победе «народной революции», — заявляют Цю Цай и

²⁸ Цит. по: С. М. Chang. Communism and Nationalism in China. — "Foreign Affairs", Vol. 28, 1950, № 4, p. 553.

²⁹ Ch'u Chai and Winberg Chai. The Changing Society of China. New York, 1962, p. 226.

³⁰ Mao Tse-toung. Textes traduits et présentés par Stuart Schram. Paris, 1963, p. 43, 44.

³¹ J. Chesnaux. La classe contradiña cinese e la rivoluzione cinese moderna. — "Il Ponte", 1973, № 2—3, p. 252.

³² R. Garaudy. Le grand tournant du socialisme. Paris, 1969, p. 163.

В. Цай,— ...вводит в заблуждение. Ключ к победе... армия», а партия только способна «мобилизовать... массы»³³.

Смысл подобного заявления состоит не только в отрицании народного характера победившей революции и руководящей роли в ней рабочего класса и его партии, но и в попытке доказать, будто марксистско-ленинская теория союза рабочего класса и крестьянства, как основного орудия революции, оказалась беспочвенной в Китае. К тому же вместе с утверждением, что победу обеспечила крестьянская армия, вводится дополнительный аргумент в пользу маоистской версии всепоглощающей роли деревни.

Каковы бы ни были возражения буржуазных идеологов против народного характера победившей революции, они тем не менее вынуждены считаться с фактом ее победы. Но, считаясь с ним, они не оставляют попыток опровергнуть ее народный характер, опираясь на маоистскую линию в строительстве нового Китая. Уже в первые годы после образования КНР буржуазные китаеведы сочувственно комментировали те высказывания Мао Цзэ-дуна о политической организации общества, которые еще до победы революции нацеливали китайский народ на строительство какого-то «третьего», промежуточного общества, лежащего «между социализмом и капитализмом».

Они положительно оценили работы Мао Цзэ-дуна «О новой демократии» (январь 1940 г.) и «О коалиционном правительстве» (июнь 1945 г.)³⁴, примечательные своей ориентацией на буржуазно-демократический строй в духе суньятсеновского «сочетания» капитализма и социализма³⁵. Так, авторы вышедшей в США в 1952 г. «Документальной истории китайского коммунизма» в целом положительно отнеслись к маоистской концепции «новodemократического» общества, камуфлируя ее антисоциалистическое нутро ссылкой на то, будто она находится «в рамках марксистско-ленинской традиции», и одновременно выражая сожаление, что «западная либеральная демократия, американский образ жизни не получили равной возможности в борьбе за руководство китайской революцией»³⁶.

В 1960 г. Шао Чуань-лэн и Норман Д. Палмер экстраполировали суньятсеновскую оценку китайской революции 1911—1913 гг. как «незаконченной» на победу революции 1949 г. По их мнению, после победы новый Китай находился в «процессе перехода» и характер этого перехода был «еще не ясен»³⁷. Если к этой оценке прибавить отрицание народного характера победившей революции, то, видимо, не будет преувеличением констатировать, что за рассуждениями буржуазных исследователей скрывалась тайная надежда на буржуазное перерождение КНР.

Великодержавно-шовинистический угар и яростный антисоветизм «культурной революции» 1966—1969 гг., IX и X съездов КПК окрылили надежды западных идеологов на буржуазное перерождение КНР.

³³ Ch'u Chai and Winberg Chai. Указ. соч., стр. 225.

³⁴ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 3. М., 1953, стр. 199—276; т. 4, стр. 457—576.

³⁵ См., например, заявление Сунь Ят-сена о желательности «сочетания» капитализма и социализма для строительства нового Китая. «Моя идея, — писал Сунь Ят-сен в 1919 г., — состоит в желании использовать иностранный капитализм для создания социализма в Китае так, чтобы, гармонично сочетая эти две экономические силы,двигающие человечество вперед, заставить их действовать вместе и тем самым ускорить развитие будущей мировой цивилизации» (Сунь Ят-сен. Избр. произв. М., 1964, стр. 321).

³⁶ C. Brandt, B. Schwartz, J. Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism. New York, 1973, p. 261, 480.

³⁷ Shao Chuan Leng and Norman Palmer. Указ. соч., стр. 1.

В этой связи ими подчеркивается и благожелательно комментируется маоистская концепция «продолжения революции при диктатуре пролетариата».

Так, Д. Стар, доцент политических наук Калифорнийского университета, задавшийся целью выявить идейные основы этой концепции и ее связь с троцкистской теорией «перманентной революции», пришел к выводу, что, несмотря на близость первой ко второй, все же маоистская концепция «продолжения революции» является-де «важным новым теоретическим вкладом в идеи марксизма-ленинизма...»³⁸. Д. Стар, как и многих его коллег, в этом «вкладе» привлекает его разрушительная сила, маоистская концепция о существовании в обществе при диктатуре пролетариата антагонистических противоречий. Это устраивает буржуазных идеологов, поскольку развитие социалистического общества представляется, таким образом, как сплошная цепь неизбежно возникающих и растущих неразрешимых противоречий, которые в конечном счете сводят на нет социалистическую перспективу. Эта концепция, претворяемая в практику, держащая страну и ее народ в состоянии непрекращающейся лихорадки, исключая созидательную деятельность в интересах укрепления социалистических завоеваний, приветствуется буржуазным Западом, в ней усматривается возможность буржуазного перерождения КНР.

Как видим, пытаюсь задержать движение китайского народа по пути социализма, буржуазные идеологи и ревизионисты в общем положительно комментируют маоистские фальсификации, искажающие марксистско-ленинскую трактовку содержания нашей эпохи, роли и места в ней основных революционных сил, всемирно-исторической миссии рабочего класса, ее оценки как эпохи перехода от капитализма к социализму и тем самым оказывают морально-политическую поддержку «идеям Мао Цзэ-дуна».

* * *

За последние годы на Западе появилось немало работ о советско-китайских отношениях. Нельзя сказать, что авторы отдельных монографий не стремятся трезво разобраться во внешней политике маоистского руководства по отношению к СССР. Но подавляющее большинство «советологов», руководствуясь так называемым объективным подходом, подробно пересказывает националистические, антисоветские домыслы маоистов. «Именно на националистические тенденции, и в особенности на те из них, которые принимают форму антисоветизма,— говорит Л. И. Брежнев,— буржуазные идеологи, буржуазная пропаганда охотнее всего делают ныне ставку в борьбе против социализма и коммунистического движения. Они подталкивают оппортунистические элементы в компартиях к своего рода идеологической сделке. Они как бы говорят им: докажите, мол, что вы антисоветчики, а мы будем готовы провозгласить, что вы — это и есть подлинные «марксисты» и занимаете вполне самостоятельные позиции»³⁹.

Доминирующей чертой буржуазного освещения современных советско-китайских отношений является провокационная поддержка маоистской версии, будто вина за напряженность советско-китайских отноше-

³⁸ J. Starr. Conceptual Foundations of Mao Tse-tung's Theory of Continuous Revolution. — "Asian Survey". Vol. 11, 1971, № 6, p. 617.

³⁹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. М., 1973, стр. 339.

ний лежит на Советском Союзе. Стремясь обострить советско-китайские отношения и подорвать усилия Советского Союза, направленные на урегулирование спорных вопросов с Китаем, буржуазные исследователи пропагандируют маоистскую концепцию, навязывающую СССР роль инициатора конфронтации с КНР.

Американский журналист С. Топпинг создает впечатление, что Советский Союз «вынудил»-де КНР «вмешаться» в войну в Корее (1950—1953)⁴⁰. М. Яхуда, лектор политического факультета Саутгемптонского университета, утверждает, будто политика Советского Союза в 1965—1966 гг. была «антикитайской», в то время как большинство лидеров Китая «было готово в определенной степени сотрудничать с русскими»⁴¹.

Выступая против платформы антиимпериалистической борьбы и программы мира, выработанной XXIV съездом КПСС, маоисты чернят классовую, интернационалистическую линию Советского Союза и других стран социалистического содружества. Меры, принятые пятью странами Варшавского Договора в связи с контрреволюционными событиями в Чехословакии летом 1968 г., вызвали взрыв антисоветской истерии в Пекине. Прикрываясь лицемерным сочувствием чехословакам, маоистское руководство демагогически обвинило страны Варшавского Договора, в первую очередь Советский Союз, в «подавлении независимости» ЧССР. Маоистская клевета была немедленно подхвачена на Западе. Буржуазные идеологи и ревизионисты одобрительно отнеслись к позиции китайских руководителей, поскольку она была явно враждебна социалистическим странам и примирительна к империализму, вносила раскол в мировую систему социализма, в коммунистическое и национально-освободительное движение, а главное — своим острием была направлена против СССР.

Реакционные круги, задающие тон буржуазной идеологии, заинтересованы в нагнетании напряженности в советско-китайских отношениях и соответственно этому настраивают общественное мнение на позитивную оценку антисоветских выпадов руководителей КНР. Силы реакции понимают, что нормализация советско-китайских отношений усилила бы мировую систему социализма, международный рабочий класс, коммунистическое и национально-освободительное движение и была бы невыгодна капиталистическому Западу. Обосновывая «выгоду» от напряженности советско-китайских отношений и подстрекая маоистов на активизацию антисоветизма, председатель западногерманского христианско-социального союза (ХСС) Ф. И. Штраус в своей книге «Вызов и ответ — программа для Европы» цинично заявил: «Русско-китайские противоречия в политическом смысле означают для Европы лишь выгоду, поскольку для нас, европейцев, «красная опасность» должна казаться страшнее, чем «желтая опасность...»⁴². Подыгрывая антисоветской линии пекинских руководителей, западные средства информации, формирующие общественное мнение, фактически солидаризируются с маоистской концепцией «двух сверхдержав». Они с тенденциозным вниманием отнеслись к выступлению Чжоу Энь-лая, опубликованному в «Нью-Йорк таймс» 9 июня 1971 г., в котором он поделил мир на «сверхдержавы» и «несверхдержавы» и тем самым при-

⁴⁰ S. Topping. *Journey Between Two Chinas*. New York, 1972, p. 167, 168.

⁴¹ M. Yahuda. *Kremlinology and the Chinese Strategic Debate, 1965—1966*. — "The China Quarterly", 1972, № 1, p. 73.

⁴² Цит. по: "Moskau in die Zange nehmen". — "Neue Kommentare", 1969, № 7, S. 11.

крыл не дающее покоя буржуазным социологам главное противоречие современности — между капитализмом и социализмом, рабочим классом и буржуазией. Буржуазные идеологи сочувственно встретили и заявление нынешнего заместителя премьера Госсовета КНР Дэн Сяопина о том, что мировой системы социализма якобы «больше не существует». Подробно расписывая клеветнические измышления китайских руководителей о Советском Союзе и других странах социалистического содружества, становясь на сторону маонистов, буржуазные пропагандисты хотят отвлечь внимание народов от борьбы с империализмом и переклочить его на борьбу с мировой системой социализма, прежде всего с Советским Союзом.

Буржуазные идеологи сочувственно относятся к некоторым традиционным внешнеполитическим доктринам далекого прошлого Китая, используемым ныне маонистами для подкрепления своих великодержавно-шовинистических, гегемонистских претензий, и в частности для обоснования территориальных претензий к Советскому Союзу. Одной из таких старокитайских доктрин, прославляемых современной маонистской историографией, является китаецентристская концепция так называемого «китайского мирового порядка», якобы существовавшего во времена древнего и феодального Китая. Китайская историография аргументирует существование этого «порядка» в прошлом ссылаясь на то, что в средневековые времена азиатские государства, граничившие с Китаем, были его данниками и вассалами. В предисловии Д. К. Фэрбенка к вышедшему в США сборнику «Китайский мировой порядок» описываются «идеи и практика» «китайского мирового порядка» и соответствующие ему отношения Китая со своими соседями⁴³. Поддерживая эту концепцию и признавая существование в прошлом «китайского мирового порядка» как «исторический факт», авторы сборника, хотя они этого и не признают, потакают вынашиваемой маонистами бредовой идее «мирового порядка» под эгидой Китая и посягательствам маонистов на некоторые территории СССР. Отдельные исследователи под предлогом так называемой объективной констатации «услышанного» повторяют бездоказательные заявления пекинских историков, будто некоторые районы Сибири и Центральной Азии когда-то в прошлом были «частью Китая», но впоследствии были «проглочены Россией»⁴⁴. Идя на поводу маонистской пропаганды, другие обеляют линию маонистов в пограничном вопросе, представляя КНР «жертвой нажима» со стороны СССР и оправдывая милитаристский курс китайских лидеров мифической «угрозой с севера»⁴⁵.

Как видим, реакционные круги Запада, обрабатывающие общественное мнение в нужном для себя направлении, охотно пускают в ход антисоветские домыслы маонистов, подливая масло в костер антисоветизма, разжигаемый Пекином.

* * *

В своем выступлении 21 апреля 1970 г., посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, Л. И. Брежнев отметил, что вступление

⁴³ "The Chinese World Order. Traditional China's Foreign Relations", Cambridge (Mass.), 1968, p. 1, 2.

⁴⁴ O. Lattimore. Return to China's Northern Frontier. — "Geographical Journal". Vol. 139, 1973, part 2, p. 236.

⁴⁵ N. Maxwell. The Sino-Soviet Boundary Question. — "Bulletin of Concerned Asia Scholars". Vol. 6, 1974, № 2, p. 59—61.

Китая на путь, враждебный Советскому Союзу и другим социалистическим странам, есть плод националистической политики китайского руководства, результат его разрыва с принципами, завещанными Лениным. Два фактора — националистическая политика пекинских руководителей и их разрыв с ленинскими принципами социалистического интернационализма — в первую очередь используются международными реакционными силами в борьбе за раскол мировой системы социализма и за возможность буржуазного перерождения ее отдельных звеньев, включая КНР.

В 1970 г. обозреватель «Нью-Йорк таймс» С. Сульцбергер писал, что в таких районах, как «Советский Союз и его блок, Организация Варшавского Договора, мы восторженно поддерживаем национализм», чтобы «оживить враждебность между русскими и их союзниками». Это откровенно циничное признание говорит о многом и, в частности, об усилиях буржуазных идеологов активизировать националистическую линию китайского руководства, ведущую к отколу Китая от СССР и, по существу, к буржуазному перерождению КНР.

Подобного рода усилия имели место еще до образования КНР. Так, в 1945 г. в книге «Решение в Азии» О. Латтимор изложил обширную программу экономического проникновения США в эту часть мира с целью парализовать здесь влияние Советского Союза⁴⁶. В книге «Положение в Азии», изданной в 1949 г., — первом году существования нового Китая, О. Латтимор утверждал, что «национализм — единственная почва, на которой может быть построена политическая структура в Китае...», способная пресечь его тяготение к Советскому Союзу и дать ему возможность опереться на «свой собственный политический центр притяжения». В этой связи О. Латтимор рекомендовал Соединенным Штатам не упускать благоприятный момент, вовремя сделать ставку на национализм, предвещая быстрое буржуазное перерождение Китая. «Если мы, — писал О. Латтимор, — обопремся на эту почву (национализм. — Е. К.), тогда новая политическая структура, которая строится в Китае... включит в себя многие черты капитализма, частного предпринимательства и политической демократии... Если же русские и коммунисты будут продолжать идти впереди нас в том, чтобы признавать Азию на ее собственных условиях, то тогда будет больше социализма в ее (Азии. — Е. К.) надстройке»⁴⁷.

О. Латтимору нельзя отказать в дальновидности: еще четверть века тому назад, опасаясь притягательной силы идей научного коммунизма, он рекомендовал американскому капиталу отвлечь от этих идей китайский народ путем опоры на националистические элементы китайского общества, способные создать политическую структуру, которая оторвала бы КНР от СССР и открыла бы перспективу обуржуазивания нового Китая. Ныне давняя рекомендация О. Латтимора развивается американскими исследователями и политиками и, по-видимому, не встречает возражения со стороны пекинских руководителей.

В маоистской абсолютизации и канонизации национальных черт исторического и социально-экономического развития Китая буржуазные идеологи черпают аргументы против марксистско-ленинской концепции единства всемирно-исторического процесса, для обоснования особого пути развития Китая, будто бы выпадающего из общих закономерностей мировой истории. Лейтмотив, например, книги Хань Сюнь

⁴⁶ O. Lattimore. *Solution in Asia*. Boston, 1945, p. 181—207.

⁴⁷ O. Lattimore. *The Situation in Asia*. Boston, 1949, p. 180. В 1950 г. сходную с О. Латтимором точку зрения развивал Д. К. Фэрбэнк в статье «Проблемы революционной Азии». — «Foreign Affairs», October 1950.

«Утреннее половодье»⁴⁸ состоит в утверждении «несовместимости» пути развития китайской революции с общими закономерностями мирового революционного процесса. У. Сэйуэлл, усматривая существенные различия между китайским традиционным национализмом и маоизмом, который в его представлении является «китайским коммунистическим национализмом», вместе с тем видит между ними общее в том, что и тот и другой стремятся модернизировать страну, «не соблазняясь западными ценностями или западной современностью в целом как образом жизни»⁴⁹, то есть, по существу, выступает с проповедью «особого» пути развития Китая. Буржуазные идеологи и ревизионисты тенденциозно поднимают на щит отстаиваемый маоистами «особый» путь строительства социализма в Китае и идеологию маоизма, усматривая в том и другом свидетельство появления якобы объективно закономерных «национальных моделей социализма» и «национальных моделей идеологии марксизма-ленинизма», в частности «китайской модели социализма» и «китаизированного марксизма». Они поддерживают концепцию множественности «моделей социализма» и «моделей идеологии марксизма-ленинизма», потому что она подводит теоретическую базу под ревизию марксистско-ленинского учения о единой сущности социализма и марксизма-ленинизма и оправдывает раскольническую политику маоистского руководства КНР. Активным пропагандистом этой концепции является ревизионист Роже Гароди⁵⁰.

«Культурная революция» 1966—1969 гг. дала буржуазным идеологам и ревизионистам дополнительный повод для разговоров о том, что Китай строит «свой» социализм и на «свой» идеологический лад, а это будто бы подтверждает, что теория научного коммунизма утратила свой интернациональный характер, что идеологическое единство национальных коммунистических отрядов ныне-де не является законом мировой системы социализма и мирового коммунистического движения. Рассматривая «культурную революцию» в качестве «формы строительства социализма», затушевывая ее великодержавную, националистическую сущность и вред, который она нанесла социалистическим завоеваниям китайского народа, буржуазные идеологи и ревизионисты утверждают, что под «культурной революцией» Мао Цзэ-дун будто бы понимает лишь изменение сознания людей путем внедрения в общество идей (читай — маоистских. — Е. К.), более подходящих к условиям страны, чем «европейские» (имея в виду марксистские. — Е. К.) идеи, и более способных изменить базисные и надстроечные явления в Китае.

Такую мысль, например, развивает С. Шрам. Приписав К. Марксу и В. И. Ленину концепцию «европеизации» Азии, он считает, что она пришла в столкновение с китайской действительностью, оказалась неприемлемой для нее и вынудила Мао Цзэ-дуна начать «культурную революцию», руководствуясь якобы «благородным» намерением «создать новый тип небюрократической коммунистической системы» и с этой целью объявляя борьбу как против «идуших по капиталистическому пути» (здесь условно — «европейцев». — Е. К.), так и против следующей за ними Коммунистической партии Китая. На чьей же стороне симпатии С. Шрама? Считая, что концепция «европеизации» чужда Китаю,

⁴⁸ Han Suyin. *The Morning Deluge. Mao Tse-tung and Chinese Revolution*. Boston — Toronto, 1972. См. также восторженную оценку книги в: "China Policy Study Group Broadsheet". Vol. 10, 1973, № 1.

⁴⁹ W. S. Yewell. *Modernization without Modernity. Tai Chi-t'ao, a Conservative Nationalist*. — "Journal of Asian and African Studies". Vol. 5, 1970, № 4, p. 264—265.

⁵⁰ Подробно см.: Е. Ф. Ковалев, «Китайская проблема» в извращенном толковании Роже Гароди. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, стр. 64—76.

С. Шрам склоняется к тому, что «идеи Мао Цзэ-дуна» будто бы лучше прокладывают путь к «справедливому» обществу в Китае⁵¹.

Стремясь расширять идеологическую брешь между КНР и мировой системой социализма, буржуазные идеологи и ревизионисты формируют отвечающую интересам маоистов концепцию «своего» пути развития нового Китая, подчеркнуто отличающегося от пути Советского Союза и других стран социализма, благожелательно констатируют «моделирование китайского опыта» в Азии. «...Коммунистические партии Азии, — утверждает, например, Р. Скалапино, — усилили моделирование своей тактики по ключевым аспектам китайского опыта»⁵². В таком «моделировании» Р. Скалапино видит прочный барьер идеологическому единству коммунистического движения в Азии.

Буржуазная и ревизионистская мысль поддерживает националистическую интерпретацию опыта китайской революции, потому что она, разрывая диалектическое единство общего и особенного, оборачивается порочной практикой раскола мировой системы социализма, единства и сплоченности мирового коммунистического движения и подмены интернационального по своему характеру марксистско-ленинского учения мелкобуржуазными, националистическими «идеями Мао Цзэ-дуна».

Буржуазному обществу маоизм не страшен. Поэтому, рассчитывая на него как на союзника в борьбе с научным коммунизмом, оно не скупится на комплименты «идеям Мао Цзэ-дуна». Более того, в целях поощрения националистической амбиции китайских руководителей буржуазные идеологи даже призывают «учиться у Китая». Д. Симмондс, сотрудник министерства обороны Австралии, считает, что «китайский эксперимент» является «уникальным», «должен рассматриваться как весьма ценный и целиком успешный», «особо существенный для многих развивающихся стран»⁵³. Р. Пфедфер заявляет, что «маоистская форма социализма эффективна... приемлема для дальнейшей модернизации Китая, повышения уровня жизни его народа... подходит для народов других развивающихся стран и, возможно, даже для американского народа»⁵⁴.

В конце 1972 г. американская Академия политических наук и Комитет американо-китайских отношений провели конференцию американских и западноевропейских китаеведов. Пятнадцать докладов, прочитанных на конференции, были опубликованы в выпуске «Трудов Академии политических наук» под названием «Опыт развития Китая». Введение к этому выпуску написал сотрудник Института Восточной Азии Колумбийского университета М. Оксенберг. Он считает, что в Китае созданы «новые идеи и ценности», которые могут быть полезны для «Соединенных Штатов, а также для других развитых и развивающихся стран»⁵⁵.

Если дело дошло до того, что буржуазные идеологи и ревизионисты, расточая похвалы Мао Цзэ-дуну и его «идеям», договариваются до призывов «учиться у Китая», то, естественно, напрашивается вопрос.

⁵¹ S. Schram. *Social Revolution and Cultural Revolution in China*. — "China and the West: Mankind Evolving". New York, 1970, p. 69, 76.

⁵² R. A. Scalapino. *Communism in Asia. Toward a Comparative Analysis*. — "The Communist Revolution in Asia. Tactics, Goals and Achievements". New Jersey, 1965, p. 27.

⁵³ J. Simmonds. *Mass Modernization — Aspects of the Chinese Experience*. — "Asia Quarterly", 1972, № 1, p. 72, 77.

⁵⁴ R. M. Pfeffer. *Understanding China*. — "Eastern Horizon". Vol. 11, 1972, № 4, p. 50.

⁵⁵ M. Oksenberg. *On Learning from China*. — "Proceedings of The Academy of Political Science". Vol. 31, 1973, № 1, p. 2.

какие «идеи» и «ценности» маоистов ныне особенно привлекают Запад? В первую очередь те, которые свидетельствуют об отходе китайских руководителей от общих принципов научного коммунизма, подтвержденных опытом Советского Союза и других стран мирового социалистического содружества.

Так буржуазные идеологи и ревизионисты раздувают и поощряют национализм руководителей КНР, а также их разрыв с социалистическим интернационализмом.

* * *

Не следует полагать, будто все представители буржуазной мысли поддерживают «идеи Мао Цзэ-дуна». Кое-кого из них отталкивает авантюристическая политика маоистов, препятствующая процессу разрядки международной напряженности, налаживанию нормальных отношений между государствами и направленная в конечном счете к тому, чтобы привести мир на грань войны. Не порывая с буржуазным мировоззрением, они не обольщаются «идеями» пекинских лидеров, характеризуют Мао Цзэ-дуна как «гипертрофированного националиста»⁵⁶ и допускают даже возможность в будущем «освобождения» Китая от маоистских «предрассудков»⁵⁷. Давая маоизму верные негативные оценки, отдельные буржуазные исследователи, однако, в силу антинаучности своей методологии не в состоянии подняться выше голой констатации порочности той или иной маоистской концепции и быть последовательными в своем критическом отношении к ней.

В объемистой книге преподавателя Института политических исследований Гренобльского университета Ф. Ришера «Китай и третий мир» верно утверждается, что Мао Цзэ-дун всегда стремился абсолютизировать опыт китайской революции и навязать его, например, странам Юго-Восточной Азии. Но наряду с этим Ф. Ришер недооценивает масштабы подрывной деятельности маоистов в Бирме и Малайзии, затушевывает подстрекательскую роль Пекина в сентябрьских событиях 1965 г. в Индонезии⁵⁸.

Обозревая статью Мао Цзэ-дуна «Великий союз народных масс» (лето 1919 г.), С. Шрам справедливо подметил, что ее автор «не усвоил марксистской точки зрения» и в ней «нет каких-либо марксистских идей»⁵⁹ и что ее главной чертой является национализм, но дальше констатации этих наблюдений он не идет. Б. Шварц считает, что в условиях научно-технической революции маоистская концепция науки и управления практически неприменима. Но, противореча самому себе, он утверждает, что в условиях отсталой и голодной страны, нуждающейся прежде всего в практической работе, а не в теоретических исследованиях, маоистская концепция науки и управления, основным элементом которой является «универсальная истина», то есть «идеи Мао Цзэ-дуна», «остается убедительной»⁶⁰.

Подводя итог, надо иметь в виду, что маоисты по-своему критикуют капиталистическую систему. Но эта критика — критика представи-

⁵⁶ С. Arnould et J. Chardonnet. *La Chine ou le suicide des blancs*. Paris, 1972, p. 19.

⁵⁷ P. Moody. *The Helmsman and the Swindlers: Notes of the Passing of the "Era of Mao Tse-tung"*. — "Review of Politics". Vol. 35, 1973, № 2, p. 241.

⁵⁸ См.: Ph. Richer. *La Chine et le tiers monde (1949—1969)*. Paris, 1971, p. 15, 87—91.

⁵⁹ S. Schram. *From the "Great Union of the Popular Masses" to the "Great Alliance"*. — "The China Quarterly", 1972, № 1, p. 90, 93.

⁶⁰ B. Schwartz. *Thoughts of Mao Tse-tung*. — "New York Review of Books". Vol. 20, 1973, № 1, p. 27.

телей мелкобуржуазной среды, которые, как говорил В. И. Ленин, вносят в борьбу «свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки»⁶¹. Это не проходит мимо внимания буржуазных идеологов и ревизионистов. Отметая антикапиталистический налет маонистских концепций, буржуазные идеологи и ревизионисты тщательно выискивают в них «реакционные фантазии», «слабости и ошибки» и пускают их в оборот против марксизма-ленинизма. Как бы ни были разноречивы буржуазные и ревизионистские оценки, в одном случае приписывающие маонизму «идейную связь с марксизмом-ленинизмом» и приравнивающие его последнему, а в другом — настаивающие на его чисто «национальном» характере, — все они преследуют одну цель: дискредитировать и подрывать единую и интернациональную сущность научного коммунизма.

Признанием «китайского марксизма» «разновидностью» марксизма-ленинизма буржуазные идеологи и ревизионисты подогревают отвечающую их идейно-политическим интересам маонистскую националистическую концепцию «особого» пути развития Китая, якобы выпадающего из общих закономерностей исторического процесса и поэтому будто бы требующего антидогматического (читай — антимарксистского. — Е. К.) теоретического осмысления. Они считают «идеи Мао Цзэ-дуна» наиболее приемлемыми для такого «осмысления», поскольку специфика страны, по их мнению, необъяснима, если руководствоваться только марксистско-ленинской теорией. Поэтому, с их точки зрения, закономерным «дополнением» к этой теории являются «идеи Мао Цзэ-дуна». В этих суждениях не трудно обнаружить как стремление буржуазных идеологов и ревизионистов поддержать маонистскую идею о том, что марксизм-ленинизм якобы не может рассчитывать на успех в Китае без «соединения» с маоизмом, так и националистический тезис о том, что главными факторами победы китайской революции будто бы были в материальном плане «опора на собственные силы» (то есть игнорируется помощь Советского Союза и мирового коммунистического движения), а в идейно-политическом — «идеи Мао Цзэ-дуна». Нетрудно обнаружить также и то, что, поднимая маонизм на щит, буржуазные идеологи и ревизионисты рассчитывают ускорить процесс размывания и деформации социалистических завоеваний китайского народа и этим усилить политический кризис в КНР.

Все это свидетельствует, что в буржуазной и ревизионистской интерпретации маоизма преобладает прагматический взгляд на «идеи Мао Цзэ-дуна» как средство идеологической борьбы с научным коммунизмом. В этой связи кое-где маоизм зачисляется в арсенал государственной политики. В опубликованном цейлонском еженедельнике «Трибюн» секретном меморандуме Информационного агентства США (ЮСИА) от февраля 1967 г. работникам заграничных отделений агентства предписывалось «использовать все возможности для укрепления позиций сторонников Мао», так как США хотят, чтобы «Мао и его группа оставались пока у власти».

Так, антинаучное мировоззрение, ревизия марксизма-ленинизма, справа и «слева», антисоциалистические внешнеполитические и внутренние доктрины и другие черты маоизма ставятся на службу буржуазной идеологии и включаются ею в общий грязный поток антикоммунизма, антисоветизма и национализма.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30, стр. 54—55.

Идеология левого радикализма

в Японии

(некоторые аспекты)

Б. В. Поспелов,

кандидат филологических наук

Как и в других современных буржуазных странах, в Японии существуют значительные прослойки мелкобуржуазного населения — интеллигенции, студенчества, служащих. Обострение классовых противоречий по мере углубления кризисных явлений в японском капиталистическом обществе способствует вовлечению этих слоев в антимонополистическое движение. Будучи непролетарскими по своему характеру, эти слои не имеют осознанной, четкой программы антимонополистических преобразований. Но при всех недостатках студенческое движение в Японии, выступления радикально настроенных представителей интеллигенции стали заметными факторами политической жизни страны, усилив ряды участников широкого антимонополистического фронта.

В условиях роста политической активности непролетарских слоев населения перед монополистическими кругами встала необходимость не допустить соединения этого потока антиимпериалистической борьбы с рабочим движением, поставить преграду на пути проникновения в среду его участников научной, марксистско-ленинской идеологии. Задачу выполнения подобных целей монополистической реакции взяли на себя различные ультралевые «теоретики» и функционеры троцкистского, анархистского толка, которым в ряде случаев удалось пробраться к руководству в некоторых студенческих и молодежных организациях. Развив бурную деятельность, эти теоретики начали насаждать среди их участников псевдореволюционную идеологию, принципиально враждебную марксизму-ленинизму.

Следует, однако, отметить, что организации ультралевого толка в Японии крайне малочисленны и не пользуются заметным влиянием в массе студенчества, среди интеллигенции и тем более в рабочей среде. Шумиху, которая нередко поднимается вокруг них, следует отнести главным образом за счет рекламы, которую создает им буржуазная пресса. Преследуя далекие идущие цели, буржуазные идеологи, рекламируя выступления левозэкстремистских групп, пытаются запугать население угрозой «коммунистической» опасности, дискредитировать марксистско-ленинское учение с тем, чтобы заставить его сторонников отказаться от основополагающих принципов теории.

Как и в большинстве высокоразвитых капиталистических стран, часть ультралевых ренегатов марксизма в Японии открыто примыкает к троцкизму. Однако большинство из них на словах старается отмежеваться от Троцкого, имя которого скомпрометировано в кругах демократической общественности. Это обстоятельство дает отдельным япон-

ским исследователям основание говорить об особой «японской форме троцкизма»¹. Для идеологов японского троцкизма характерны безудержный антисоветизм, клевета на международное коммунистическое движение, стремление «подправить» обанкротившиеся идеи Троцкого, приспособив их к современному этапу исторического развития и к условиям Японии.

За последние годы одним из главных объектов подражания для ультралевых «теоретиков» в Японии стали теория и практика маоизма. Это объясняется не только благосклонностью, которую проявляли и проявляют по отношению к маоизму международные «лево»-ревизионистские круги и идеологи буржуазии, старающиеся использовать маоизм в своих целях, но и относительно большим местом, которое занимает сейчас проблема Китая в полемике, ведущейся в японских идеологических и научных кругах, тем вниманием, с которым японское общественное мнение всегда относилось к развитию событий на Азиатском континенте.

Отношение ультралевых идеологов и различных функционеров ультралевого толка к маоизму является сложным и противоречивым. Это объясняется серьезными разногласиями, существующими в ультралевых группировках по вопросу о тактической линии осуществления, провозглашенного в их программах курса. Не проходит бесследно для ультралевых теоретиков и трансформация самого маоизма как идейно-политического течения. Установление в ходе «культурной революции» в стране военно-бюрократического режима, политика смыкания с империалистическими кругами и международной реакцией, все более усиливающиеся великодержавно-националистические тенденции во внешнеполитическом курсе Пекина внесли растерянность в ряды некоторых ультралевых организаций, выступавших в поддержку маоизма, заставили отдельных левацких идеологов изменить высказывавшуюся ранее оценку маоистских концепций.

Исходная теоретическая установка ультралевых идеологов — субъективный идеализм

При всем различии взглядов левацких «теоретиков» и программных установок ультралевых организаций в Японии их теоретическим концепциям присущи общие черты, вытекающие либо из догматического, извращенного толкования ключевых положений марксистско-ленинской теории, либо из нигилистического отрицания марксистского учения как «устаревшего», «не отражающего современного этапа революционного процесса». Это объясняется в конечном счете субъективно-идеалистическими воззрениями «теоретиков» ультралевых организаций в Японии.

Теория научного коммунизма оказывается для них непримлемой именно в силу своей строго научной объективности, вытекающей из последовательно материалистического подхода к толкованию общественных явлений. Стоя на позициях философского ревизионизма, известный ультралевый «теоретик» Курода Канити, руководитель крупнейшей в Японии организации левацкого толка — Союза революционных марксистов, упрекает последовательных материалистов в «объективизации» материализма. Подлинный марксистский материализм он называет «объективным уклоном», «потерявшим субъективность», и настаивает

¹ См.: Симоцукаса Дзюнкити. Сущность и тактика японской формы троцкизма. — «Дзэнэй», 1968, № 4, стр. 15.

на его «реорганизации», ратуя за «субъективное постижение марксизма и развитие его в соответствии с современностью»². Этот теоретик протаскивает идеализм, маскируемый рассуждениями о материализме.

Сходные позиции занимает Умэмото Кацуми. Известный в Японии как сторонник «субъективного материализма», этой японской разновидности философского ревизионизма, Умэмото пересматривает основные положения философского учения Маркса, неправильно трактует решение проблемы человека марксизмом, дает идеалистическое толкование практики, настаивая на беспредельной «субъективной активности». Признавая на словах тезис, гласящий, что сущность человека составляет совокупность общественных отношений, К. Умэмото на деле исходит из концепции первенствующей роли обособленного, изолированного от общества субъекта. Поэтому его философия, хотя и рекламирует свое материалистическое содержание, на деле открывает дорогу для идеалистического постижения действительности³.

Воннствующим антимарксизмом характеризуются воззрения Ота Рю — руководителя японского отделения «4-го Интернационала» (троцкистского). Субъективный идеализм, волюнтаризм, составляющие существенные элементы ультралевой идеологии, которые Курода пытается скрыть рассуждениями о необходимости «развития» марксизма, во взглядах Ота открыто переросли в иррационализм, выразившийся в отрицании науки и отказе от всякой революционной теории вообще.

Провозглашая бунт в сфере гносеологии, Ота призывает к критике марксизма на том основании, что он зародился в недрах «гражданского», то есть буржуазного, а не «колоннального» общества. Эта критика означает, по существу, нигилистическое отрицание всей системы категорий и понятий, которыми оперировала наука, в том числе марксистская, в прошлом.

«Революционеры не могут разговаривать на основе логики гражданского общества и с использованием системы его категорий, — разглагольствует этот «теоретик». — Не могут разговаривать о коммунизме с позиций науки»⁴. Подобные установки Оты венчаются призывом к «революционерам» отбросить марксистско-ленинскую литературу как содержащую «научные рассуждения, опирающиеся на систему категорий гражданского общества».

Субъективно-идеалистические установки, пронизывающие всю идеологию японского «левого» радикализма, проявляются и в экономических концепциях «лево-ревизионистских» теоретиков, для которых характерно игнорирование экономических законов и непризнание детерминирующего значения экономических факторов. В области политической субъективный идеализм ультралевых вылился в проповедь ими «ультрареволюционного» анархического бунта, пренебрежение к реальным запросам масс и задачам общественного развития.

Псевдотеоретические рассуждения японских ультралевых идеологов о сущности и путях построения коммунистического общества, которыми они пытаются подменить марксистско-ленинскую теорию научного коммунизма, представляют собой реакционную утопию, лишенную какой-либо научной основы. Из волюнтаристских, субъективно-идеалисти-

² Курода Канити. Что такое революционный марксизм. Токио, 1970, стр. 75.

³ Японские философы-материалисты, прогрессивные ученые ведут борьбу против идеологии «левого» радикализма. Критическому анализу философских воззрений Куроды и Умэмото посвящена, например, книга «Радикализм в современной Японии. Критика мелкобуржуазного радикализма». Токио, 1970.

⁴ Ота Рю. Отступим в глубины окраинных районов. Токио, 1973, стр. 12—13.

ческих установок вытекают и присущие ультралевым идеологам в Японии принципиальные ошибки в оценке характера современного этапа революционной борьбы и текущего момента в мировой политике. Многие из них настаивают на непосредственном переходе от капитализма к коммунизму, минуя необходимые этапы развития, путем немедленной полной отмены товарно-денежных отношений и уничтожения государства.

Об этом, например, говорится в одном из программных документов «революционных марксистов» — фракции так называемого «Союза революционных коммунистов», который является наиболее крупной из псевдореволюционных групп в Японии. При оценке социально-экономической структуры СССР его авторы исходят из тезиса о необходимости немедленной отмены закона стоимости и, не понимая сущности социализма, клеветают на характер советского государства⁵.

Развернутое «обоснование» необходимости немедленной отмены закона стоимости как условия построения социализма и как его сущности содержится в многочисленных работах Курода Канити. Отстаивая эту ошибочную концепцию, Курода и другие ультралевые идеологи обычно ссылаются на Маркса, который, по их мнению, усматривал существенную черту капитализма именно в наличии закона стоимости. Это искажение марксистско-ленинской теории капитализма — свидетельство того, что Курода и его сторонники не понимают не только сущности социализма, но и сущности капитализма. Заслуга Маркса состоит в открытии закона прибавочной стоимости. Его действие является следствием основного противоречия капиталистического общества — противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения. Как показал Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке», уничтожение этого противоречия возможно лишь с уничтожением частной собственности на средства производства и их национализацией, проводимой государством диктатуры пролетариата.

Некоторые японские ультралевые «теоретики» признают несколько этапов коммунистического строительства при сохранении товарно-денежных отношений. Однако, не настаивая на отмене закона стоимости, провозглашая осуществление принципа «совместного труда», такие группировки, как японский «Союз марксистов-ленинцев», «Авангард» и другие, распространяют закон классово-борьбы на весь этап социалистического строительства, вплоть до построения коммунистического общества, искажая тем самым марксистско-ленинскую концепцию преобразования общества после установления диктатуры пролетариата.

Прямым следствием извращенного толкования сущности социализма, характерного для японских ультралевых идеологов, и левацкой концепции необходимости прямого перехода от капитализма к коммунизму на основе упразднения товарно-денежных отношений является установка на «одновременную мировую революцию». Вместо трезвого анализа объективных условий политической борьбы и учета уровня социально-экономического развития, достигнутого различными странами, вместо реалистического подхода к провозглашаемой задаче немедленного введения коммунистических принципов труда и распределения они предлагают такой курс, который вносит авантюризм в тактическую линию революционного движения, подрывает самое дело борьбы за коммунизм.

«Сейчас мировая история свидетельствует о возникновении глубоких, всесторонних структурных изменений в капитализме, социализме,

⁵ «Декларации японских боевых левых». Приводится по кн.: Кояма Хиротакэ, Асада Мицутэру. Кто такие боевые левые. Токио, 1969, стр. 175.

а также в третьем мире... В процессе этих изменений история вплотную приблизилась к мировой революции, задача которой — построение социалистического мира... Эта мировая революция возникает и осуществляется одновременно как сумма революций в различных странах»⁶, — декларируется в заявлении Единого социалистического союза. Ему вторит автор документа «История и требования Союза революционных коммунистов», провозглашающий, что переход капитализма в стадию империализма особенно ясно показал, что проблему империалистических войн, национально-колониальную проблему можно решить только свержением империализма в мировом масштабе путем «мировой социалистической революции»⁷.

Особенно усердствует в пропаганде «мировой революции» Ота Рю, доказывающий необходимость немедленного создания «мировой советской социалистической республики» путем осуществления «мировой революции»⁸.

Подобно многим ультралевым, анархистствующим организациям других капиталистических стран, японские ультралевые теоретики основное условие осуществления «мировой революции» связывают с «мировой революционной войной». Крайне экстремистская группа «Сэкигунха», входящая в так называемый «Союз революционных коммунистов», недавно даже приняла «декларацию войны». Подписанная «военно-революционным комитетом», она в истеричных тонах провозглашает наступление эпохи «всеобщего военного взрыва», расценивая факт углубления классовых противоречий в капиталистическом мире как свидетельство его немедленного краха. Услышав «новые голоса в прелюдии мировой революционной войны», авторы декларации объявляют об «открытии военных действий», против «мировой буржуазии»⁹.

В унисон с функционерами из фракции «Сэкигунха» действует Ота Рю. Циннизм Оты, воспевающего «мировую революционную войну», не знает границ; на страницах недавно вышедшей книги «Отступим в глубины окранных районов» он изложил «стратегический план» военных действий на различных оперативных направлениях войны, определив даже местопребывания штабов войны «мировой революционной армии». Готовясь к войне, ультралевые анархисты типа Оты, функционеры из «Сэкигунха» и другие намереваются не только уничтожить капиталистические страны, но и Советский Союз и страны социалистического содружества — настолько велика у них ненависть к государствам, добившимся построения реального социализма.

Как известно, ультралевая концепция «мировой революции» исходит из отрицания возможности построения социализма в одной стране, из неверия в творческие возможности масс и игнорирования их реальных интересов. Ультрареволюционные фразы о «мировой революции», «освобождении» и т. д. призваны лишь скрыть снобистское пренебрежение ультралевых «теоретиков» к нуждам народа. Эти черты присущи и идеологам «левого» радикализма в Японии, отказывающимся признать достижения реального социализма и клеветующим на социалистические страны, взявшие курс на построение коммунистического общества.

⁶ «Мир и социализм». Цит. по: Кояма Хиротакэ, Асада Мицутэру. Кто такие боевые левые. Токно, стр. 210.

⁷ Кисимото Кэнъити. История и требования Союза революционных коммунистов. Цит. по: Кояма Хиротакэ, Асада Мицутэру. Кто такие боевые левые. Токно, стр. 184.

⁸ Ота Рю. Отступим в глубины окранных районов. Токно, 1973, стр. 5.

⁹ «Скачок к мировой революционной войне». Декларация фракции «Сэкигунха» «Союза коммунистов». Токно, 1972, стр. 267.

Не менее резким нападкам они подвергают и мировое коммунистическое движение и коммунистические партии, обвиняя их в «перерождении», «смыкании» с буржуазией и т. д.

Таковы некоторые существенные черты идеологии левого радикализма в Японии. «Ультралевые» ренегаты марксизма-ленинизма в этой стране сделали все, чтобы исказить марксистско-ленинское учение и выхолостить из него реальное содержание, опорочить самую идею коммунизма.

Смыкание японских ультралевых идеологов с маоизмом

Охарактеризованные выше теоретические установки ультралевых идеологов в Японии легли в основу их отношения к маоизму. Как только по Китаю разлилась мутная волна инспирированной маоистами «культурной революции», многие ультралевые организации заявили о своей солидарности с действиями пекинских лидеров. Захлебываясь от восторга, восхваляя действия хунвэйбинов, функционеры так называемого «Союза марксистов-ленинцев» в антинародной практике маоистов по раздуванию пресловутой «классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата» усмотрели осуществление курса на борьбу с «обюрокративанием» социалистического государства. Такую же позицию по отношению к маоизму заняли группировки «Авангард», «Сэкигунха», «Сэнки» и др.

Многие ультралевые «теоретики» узрели в «культурной революции» в Китае проявление троцкистской практики. Особенно усердствовал в восхвалении маоизма как течения, связанного с троцкизмом. Ота Рю. «Нынешний этап китайской революции... в идеологическом отношении... должен быть понят как процесс трансформации от маоцзедунизма к троцкизму», — провозглашал он в одной из своих работ¹⁰.

С Ота солидаризировался Аранами Кёдзи, руководитель еще одной небольшой «марксистской группы Социалистического союза молодежи», подхвативший анархистский лозунг маоистов «бунт — правое дело».

Особенно импонировал японским ультралевым маоистский лозунг «мировой революционной войны». Провозглашенный в демагогических целях пекинскими лидерами, он, как известно, был призван закамуфлировать их великодержавно-шовинистические цели, доказать их «ультра-революционность» и таким образом привлечь на сторону Пекина участников леворадикалистских движений в различных странах. В поддержку маоистского курса на «мировую революцию» выступили группы «Сэкигунха», «Сэнки» и др. Не жалея слов для прославления «культурной революции» как «начала вечной революции», Ота Рю расценил ее как «скачок от революции в одной стране к вечной мировой революции».

Такое отношение японских ультралевых теоретиков к маоизму вытекает из общности их идейно-политических установок, оно отражает сходство социально-классовой базы, на которой выросли анархистствующий нигилизм левацких «теоретиков» и ультрареволюционная фразеология маоистов.

Не ограничиваясь словесными заявлениями в поддержку маоизма, отдельные японские ультралевые идеологи постарались заимствовать

¹⁰ Цит. по: «Дзэнэй», 1968, № 4, стр. 51.

из маоистских концепций ряд теоретических положений, применив их в своей практике. В этом отношении особую активность проявляет группа «Сэкигунха». Из «идей Мао Цзэ-дуна» ее «теоретики» заимствуют положения для теоретического обоснования своей подрывной деятельности в японском рабочем движении и курса на «мировую революционную войну». Возьмем ли мы вопрос о характере и методах создания революционной пролетарской партии, коснемся ли проблемы соотношения партии с армией и массами и выбора тактической линии подготовки революции, затронем ли проблему противоречия в ее философско-теоретическом значении — везде лидеры «Сэкигунха» так или иначе стараются исходить из «учения» Мао Цзэ-дуна.

Так, авторы одной из «теоретических» работ этой фракции, касаясь организационных основ «единой мировой партии», необходимой, по их убеждению, для осуществления «мировой революции», затрагивают принципы организации большевистской партии в годы гражданской войны. Заявляя, что тогда «не удалось объединить воедино партию (политику), армию (войну) и администрацию (производство)» и что в этой неудаче «проявилась историческая ограниченность ленинской теории организации партии», они пытаются доказать, будто эту выдуманную ими «ограниченность» преодолела «теория стратегии и организации народной войны у Мао Цзэ-дуна».

«Осуществив в 1927—1936 гг. восстание — поход — войну, Мао Цзэ-дун, — утверждают они, — преуспел в деле организационного объединения партии, армии и народа, используя для этого опорные базы, и передал в руки пролетариата дело ведения политики, войны, производства. Подобная организационная структура была создана в ходе революционной войны и достигла завершения в форме объединения партии — через центральную Красную армию, ее местные соединения и партизанские отряды — с народом, конкретно — с политическими комитетами»¹¹.

Таким образом, специфические черты тактической линии Мао Цзэ-дуна в годы гражданской войны в Китае, его курс на создание опорных баз возводятся до уровня образца, по которому «теоретики» «Сэкигунха», развив «идеи Мао Цзэ-дуна» применительно к высокоразвитым в промышленном отношении странам, намерены создавать «единую мировую партию».

Не обходится в данном случае дело и без «международных опорных баз» (понятых в чисто маоистском духе), опираясь на которые деятели «Сэкигунха» намерены вести «мировую революционную войну». На совести функционеров этой группы — неоднократные угоны самолетов, поджоги предприятий, линчевание неугодных им лиц из числа членов собственной организации. Экстремистские выступления, бандитские налеты, совершаемые членами «Сэкигунха», рассматриваются ее функционерами как подготовка к «мировой революции», ее лидеры рассчитывают на то, что их подрывные действия спровоцируют международные конфликты, вызовут пожар мировой войны, которой ими отводится роль катализатора «мировой революции».

Отдельные идеологи «левого» радикализма в Японии используют теорию и практику маоизма для подтверждения своих ревизионистских концепций и борьбы против ключевых положений марксистско-ленинской философии.

В этом направлении развивается, например, «теоретическая» дея-

¹¹ «Скачок к мировой революционной войне». Декларация фракции «Сэкигунха». Токио, 1972, стр. 252.

тельность Умэмото Кацуми. В прошлом Умэмото выступал с критикой отдельных сторон маоизма, осуждал антигуманизм, культ личности, захватившие Китай начала 60-х годов. Подвергал он сомнению и авторитет Мао Цзэ-дуна в ряде вопросов теории, оставаясь, однако, сторонником его концепций¹².

В настоящее время этот «теоретик» окончательно перешел на промаоистские позиции. В выпущенной в 1972 г. книге «Идеи Мао Цзэ-дуна и задачи современности» он утверждает: «Великая пролетарская культурная революция в Китае внесла большой практический вклад в обогащение теории материалистического взгляда на историю, и одним из его составных элементов является то, что она признала место, занимаемое в историческом созидании человеком... Эта революция постигла подлинный смысл человека, полностью раскрыла его способности, а также добилась успехов в создании условий, в которых проявляются эти способности»¹³. Такая оценка «культурной революции» со стороны Умэмото не случайна: она следствие его исходных философско-теоретических убеждений, означающих ревизию марксизма под предлогом развития концепции личности. Особое внимание в рассуждениях Умэмото в связи с маоизмом уделяется проблеме соотношения сознания и материи. Настаивая на безграничных возможностях духовных факторов, абсолютизируя их, он пересматривает положение материалистической философии о вторичном характере сознания, пытается теоретически обосновать путь для субъективизма и волюнтаризма в области политики.

Когда говорят: «То, что проявилось в духе Дацина и Дачжая¹⁴, нельзя понять, исходя из распространенной идеи о том, что «жизнь определяет сознание», возражений против этого нет. В определенных условиях сознание определяет жизнь, — рассуждает этот «теоретик»... — В человеческие производительные силы я также включаю духовные производительные силы. Первобытная вера, объединявшая первобытное общество, была большой движущей силой и в области материального производства... Подобное выдвигание на первый план элемента сознания как важного фактора в общественной жизни человека можно наблюдать где угодно»¹⁵.

В результате рассуждений Умэмото о «духовных силах», «элементе сознания» роль духовных и психических потенций людей, то есть субъективного фактора истории, настолько преувеличивается, что оказываются упущенными материальные условия и материальные цели исторического процесса.

В апологетических тонах изложены оценки, которые Умэмото дает политическим концепциям Мао Цзэ-дуна, его «вкладу» в разработку теории о роли крестьянства в революции. Не ограничиваясь этим, он, по существу, выступает защитником культа личности в Китае. Больше того, Умэмото пытается найти «объективные» причины такого культа, не считаясь с тем, что это всего лишь неотъемлемая часть режима, созданного Мао Цзэ-дуном и его группой. Оправдывая в конечном итоге маоистский режим, он обеляет Мао Цзэ-дуна, фактически отрицая его

¹² См., например: Умэмото Кацуми. Идеи и опыт революции. Токио, 1973. В этот сборник вошли статьи Умэмото первой половины 60-х годов.

¹³ Умэмото Кацуми, Тосака Рёити. Идеи Мао Цзэ-дуна и задачи современности. Токио, 1972, стр. 225.

¹⁴ Дацин — нефтяные промыслы, Дачжай — название большой сельскохозяйственной бригады. В Дацине и Дачжае маоисты осуществили ряд экспериментов в области оплаты и организации труда.

¹⁵ Умэмото Кацуми, Тосака Рёити. Цит. соч., стр. 221—222, 225.

роль в создании той гнетущей атмосферы подозрительности и междоусобных распрей, которая царит сейчас в стране.

От смыкания с маоизмом в вопросах «теории» до поддержки ультралевой практики экстремистских групп, прибегающих к насилиям и террору, один шаг. Его-то и делает Умэмото, когда он, говоря о распространении «идей Мао Цзэ-дуна» и деятельности промаоистских организаций в Японии, фактически оправдывает и заговорщическую организацию «Сэкигунха». Он пытается найти какие-то «объективные» причины поступков ее членов, стараясь уйти от рассмотрения вопроса по существу. Так, беспринципность в теоретических вопросах вольно или невольно привела Умэмото в лагерь сторонников тех, кто сделал насилие главным оружием политической деятельности, несмотря на его попытки внешне отмежеваться от них.

Неприемлемость позиций, с которых Ота Рю и Курода Канити критикуют маоизм

Было бы, конечно, ошибочным упрощать проблему и считать, что все идеологи «левого» радикализма в Японии поддерживают маоизм и полностью разделяют его концепции. Некоторое различие исходных теоретических установок маонистов и ультралевых идеологов Японии, а также трансформация самого маоизма вносят известные коррективы в общую картину идеологической борьбы, ведущейся в японских левоэкстремистских кругах в связи с событиями в Китае. Изменения во внешнеполитической ориентации пекинского руководства стали причиной отхода некоторых ультралевых идеологов от маоизма либо появления в их среде тенденции к пересмотру отдельных положений маоистских концепций, которые ранее разделялись ими. Но ошибочные исходные установки мешают японским ультралевым идеологам дать действительно объективную оценку маоизму, распознать его подлинную сущность. Подмечая некоторые отрицательные черты маоизма, объективно характеризующие его как мелкобуржуазное националистическое течение, они не в состоянии противопоставить ему подлинно научную теорию революционного процесса.

Семена сомнения в истинности «идей Мао Цзэ-дуна» уже посеяны, например, внутри фракции «Сэкигунха», отличавшейся до последнего времени особой приверженностью к этим «идеям». Так, рассуждая о тактических вопросах подготовки «мировой революционной войны», один из «теоретиков» фракции — Такахаси Кацуми, заявляет, что в Китае появилась теория мировой революции, «опрокидывающая формулу буржуазной мировой революции»; рассматривая всю зону отсталых стран как «деревню в рамках одного государства, она предусматривает окружение города деревней». Но одновременно этот «теоретик» констатирует, что «в различных районах, начиная с Индонезии, эта теория потерпела крах, не получила она поддержки и в Африке, где, как одно время казалось, некоторые ее разделяли, и только формула партизанской войны как будто проявила себя в сопредельных с Китаем странах»¹⁶.

Содержащаяся в этом отрывке констатация краха маоистской «теории народной войны», несомненно, правильна. Что же касается «партизанской войны», то она также успеха не имела: просто маонисты инспи-

¹⁶ «Скачок к мировой революционной войне». Токно, 1972, стр. 39.

рировали ее с территории Китая, засылая в «сопредельные страны» Южной и Юго-Восточной Азии вооруженные отряды террористов. Само собой разумеется, что от начала до конца лишены научной основы предпринимаемые этим левым «теоретиком» поиски новой, отличной от маоистской, линии на «мировую революцию», которую он пытается выдвигать в качестве альтернативы теории «народной войны».

«Разочаровался» в маоизме Ота Рю, выступающий ныне с резкой критикой Пекина за сближение с империализмом и отказ начать «мировую революционную войну». Если ранее он рассматривал Китай как «центр мировой революции» и расточал дифирамбы Мао Цзэ-дуну, то теперь Ота обвиняет «великого кормчего» в предательстве этой революции. По убеждению Оты, «КНР под руководством Мао Цзэ-дуна, начавшая с 70-х годов, выдвинулась на последующие 50 лет как величайшая контрреволюционная сила, поддерживающая существующий порядок»¹⁷. Ультралевый функционер Ота Рю, взгляды которого смыкаются с троцкизмом, в чисто анархистском духе толкует «мировую революцию», его убеждения проникнуты антисоветизмом, поэтому критика, высказываемая им в адрес маоизма, не имеет никакого позитивного содержания и конструктивной цели.

Еще более резкой критике подвергает маоизм Курода Канити. Однако лишённая подлинно научной, марксистско-ленинской основы, эта критика ведется с ультралевых методологических позиций, не отражает глубинных процессов, протекающих в КНР, и ограничивается констатацией внешних изменений, происшедших в стране после временной победы линии Мао Цзэ-дуна.

Исходя из своей концепции социалистической революции как «мировой революции», сопровождающейся немедленной «отменой закона стоимости», Курода отрицает социалистический характер современного Китая, распространяя эту оценку как на период до VIII съезда КПК, так и на последующий период, включая «культурную революцию». Поэтому хотя исключительно резкая по своей форме критика теории и практики маоизма Куродой и раскрывает ряд черт этого идейно-политического течения, общая исходная установка левацкого «теоретика», направленная на дискредитацию стран реального социализма, сводит на нет позитивное содержание этой критики.

Отмечая военно-бюрократический характер режима личной власти Мао Цзэ-дуна, указывая на то, что источник его «идей» — мелкобуржуазная идеология, акцентируя национализм нынешнего пекинского руководства, Курода вместе с тем относит эти черты не столько к маоизму, как таковому, сколько к особенностям социализма вообще, усматривая в них самую его сущность.

Неприемлемой с позиций научного социализма оказывается и содержащаяся в работах Куроды критика маоизма за курс на «строительство социализма собственными силами». Будучи достаточно резкой и иллюстрированной многочисленными примерами, она, однако, не способствует полному раскрытию националистической направленности этого курса, ибо Курода, по существу, отождествляет его с курсом на строительство социализма в одной стране.

Таковыми же чертами характеризуется и предпринимаемый Куродой критический анализ различных теоретических работ Мао Цзэ-дуна и апологии маоизма, содержащейся в трудах японских социологов промаоистского направления. Курода отвергает миф пекинской пропаганды и японских сторонников маоизма о вкладе Мао Цзэ-дуна в развитие

¹⁷ Ота Рю. Цит. соч., стр. 88.

марксизма-ленинизма. Но это опровержение он делает не на базе творческого марксизма и теории социалистического строительства, разработанной КПСС и другими братскими партиями, а с позиций догматического толкования учения Маркса, «лево»-ревизионистской концепции «мировой коммунистической революции» и немедленной отмены товарно-денежных отношений как условия построения социализма.

Так же, как у Оты Рю, критика маоизма Куродой сопровождается клеветой в адрес СССР, КПСС и других братских партий¹⁸.

Но при всем внешне критическом отношении Оты и Куроды к маонизму, при всех их попытках противопоставить свои собственные концепции маонизму, по целому ряду вопросов взгляды японских левых «теоретиков» и маонистов обнаруживают большое сходство. Подобно маонистам, Ота, например, главную революционную силу современности видит в населении слаборазвитых стран, в люмпен-пролетарских, анархистствующих элементах развитых капиталистических стран. На языке «лево»-ревизионистских теоретиков — это так называемые «окраинные районы», которые как «опорные базы» окружают империализм с «внешней стороны»¹⁹.

Главным условием возникновения таких «опорных баз» Ота считает «возвращение к системе первоначального коммунизма». Этот курс означает безудержную проповедь нищеты и моральной деградации. Ота призывает резко снизить жизненный уровень, начать бродячую жизнь. Верный своей концепции, гласящей, что нищета является главным источником революционной энергии «окраинных районов», Ота приходит к парадоксальному выводу, что «для начала мировой социалистической революции нужно и жизненный уровень японских трудящихся снизить до $\frac{1}{3}$ настоящего»²⁰.

Солидаризируется Ота с Мао Цзэ-дуном в оценке ядерной войны: подобно Мао, он прославляет войну как метод осуществления «мировой коммунистической революции» и доказывает «благость» многомиллионных жертв, которые вызовет эта война. Стоит послушать рассуждения Оты на этот счет, как станет особенно ясна близость его ультралевых концепций человеконенавистническим «идеям Мао Цзэ-дуна». «В мировой революционной войне с целью уничтожения империализма враг применит ядерное оружие. Для ведения этой войны и мы используем ядерное оружие, отобранное у врага, — разглагольствует японский ультралевый идеолог. — ... Возможно, что 50% населения земного шара погибнут в ходе достижения победы в мировой революционной войне. Мы должны психологически и идейно подготовиться к таким жертвам. В позднем средневековье были случаи, когда в результате эпидемии оспы, захватывавшей многие города Европы, умирало $\frac{2}{3}$ или даже $\frac{9}{10}$ населения».

Сходство прослеживается и во взглядах Куроды Канити и маонистов. Резко критикуя так называемую «теорию всемогущества производительных сил», под которой имеется в виду курс КПСС на создание материально-технической базы коммунизма, и доказывая, что коммунизм должен быть введен немедленно путем отмены товарно-денежных отношений на любой материально-технической базе, Курода смыкается с маонистами, игнорирующими задачу построения материальной основы социализма. Существуют и другие вопросы, по которым у маонистов и японских ультралевых теоретиков обнаруживается сходство, несмотря

¹⁸ Критике маоизма посвящены следующие работы Куроды Канити: «Крушение мифа о Мао Цзэ-дуне». Токио, 1970; «Миф о современном Китае». Токио, 1970, и др.

¹⁹ Ота Рю. Цит. соч., стр. 5.

²⁰ Ота Рю. Цит. соч., стр. 26.

на критику некоторыми из последних теории и практики маонизма. Это сходство определяется глубинными причинами и является следствием сходной социальной базы, на которой произрастают как ультралевые теории в Японии, так и реакционно-шовинистические, антимарксистские концепции маонизма в Китае.

В мировой марксистской литературе уже не раз отмечалось идейное родство, существующее между ультралевыми концепциями неотроцкистского толка и маонизмом. На связь маонизма с троцкизмом указывалось и в выступлениях участников международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году. Такая связь обнаруживается также во взглядах большинства ультралевых организаций и их идеологов в Японии.

Маоистские концепции, распространяемые в капиталистических странах благодаря деятельности промаоистской агентуры, питают троцкизм и анархизм, становятся идейным стержнем, вокруг которого группируются антисоветские, антикоммунистические силы.

Антимарксистские установки маонизма в вопросах стратегии и тактики революционной борьбы, оценки современной эпохи, в вопросах войны, мира и освободительного движения постоянно гальванизируют идеи «левого» экстремизма, оказывая крайне отрицательное влияние на развитие прогрессивной общественно-политической мысли. В союзе с троцкизмом и анархизмом маоизм борется с марксистско-ленинским учением, пытаясь подменить научный коммунизм реакционными мелкобуржуазными концепциями. Это определяет особую актуальность теоретической борьбы с маонизмом и связанными с ним левозэкстремистскими концепциями, распространяемыми в капиталистических странах.

ИСТОРИЯ

К вопросу о китайской революции 1925—1927 гг.

В. И. Глунин,
кандидат исторических наук

М. Ф. Юрьев,
доктор исторических наук

50 лет прошло с начала китайской революции 1925—1927 гг. — одного из крупнейших событий новейшей истории Китая. Революция эта, развернувшаяся в огромной полуколониальной стране, имела не только внутрикитайское, но и международное значение, подрывая временную стабилизацию капитализма. Будучи по своему характеру главным образом национальной, антиимпериалистической, революция 1925—1927 гг. в то же время решала общедемократические задачи, прежде всего ликвидацию господства империалистических ставленников — полуфеодалных милитаристов и объединение Китая. В революцию были вовлечены широкие массы рабочих и крестьян, добивавшиеся в отдельных провинциях, особенно в последний период, улучшения своего положения, уничтожения власти помещиков в деревне, ограничения полуфеодалной эксплуатации крестьянства, улучшения положения рабочих.

Революция 1925—1927 гг. не смогла ликвидировать империалистическое господство и полуфеодалный строй. В результате компромисса национальной буржуазии с силами реакции демократические силы Китая потерпели в 1927 г. поражение. Однако революция не прошла бесследно для развития Китая. Расстановка классовых сил в стране сохранилась. В блоке эксплуататорских классов укрепились позиции крупной буржуазии. На смену старым, полуфеодалным милитаристским кланам пришли новые, гоминьдановские милитаристы, теснее связанные с буржуазией.

Гоминьдановское правительство, жестоко подавляя борьбу рабочих и крестьян за свои интересы, в то же время стремилось добиться объединения страны, добиться некоторых уступок от империалистических держав, хотя в целом ориентировалось на их поддержку и являлось их союзником.

Тот факт, что империализму и китайской полуфеодалной реакции не удалось вернуть Китай к дореволюционному положению, объясняется прежде всего мощным размахом и глубиной революции 1925—1927 гг. Этому способствовал ряд характерных черт революции, а именно:

1. Выдающуюся роль в революции 1925—1927 гг. играл китайский пролетариат. Ей непосредственно предшествовали забастовки рабочих Циндао и Шанхая. Она началась политическими стачками рабочих Шанхая и Гонконга, которые, как указал в марте 1926 г. VI расширенный пленум Исполкома Коминтерна, «создали переломный момент в освободительной борьбе китайского народа против иностранных империали-

стов»¹. Эти забастовки знаменовали расширение единого национально-революционного фронта, превращение его из союза главным образом двух партий — гоминьдана и КПК — в союз различных классов (в основном это были городские классы и слои: рабочий класс, городская мелкая буржуазия, национальная буржуазия, мелкобуржуазная интеллигенция, тогда как крестьянство почти не участвовало в движении 30 мая 1925 г., положившем начало революции).

И в дальнейшем рабочие Шанхая, Гуанчжоу, Уханя играли роль авангардного борца за победу революции. Конечно, китайский пролетариат был молод, относительно малочислен, ему были свойственны и другие слабости, его партия — Коммунистическая партия Китая — в процессе революции быстро росла, но еще не имела необходимого политического опыта, крепкой организации, охватывающей всю страну. Союз рабочих и крестьян как основа единого фронта еще не был укреплен, значительные отряды китайского пролетариата не были вовлечены в активную борьбу, в еще большей степени это относится к крестьянству. Китайская буржуазия в этих условиях сумела удержать за собой руководство единым национально-революционным фронтом, национально-революционной в то время партией гоминьдан, национальным правительством, национально-революционной армией. И все же именно китайский пролетариат явился застрельщиком революции и наиболее последовательным борцом за ее национальные и общедемократические цели.

Этот факт показывает, что маоистское пренебрежение ролью пролетариата в китайской революции противоречит опыту истории.

2. Одним из важнейших вопросов марксистско-ленинской теории, стратегии и тактики является вопрос о различных формах революционной борьбы, их соотношении и сочетании. В период русской революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин писал в статье «Партизанская война»: «...марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы»². В 1920 г., опираясь на победоносный опыт Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин развивает эту мысль в «Детской болезни «левизны» в коммунизме»: «...революционный класс для осуществления своей задачи должен уметь овладеть *всеми*, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности», «всеми средствами и приемами борьбы»³.

В революции 1925—1927 гг. применялись различные формы борьбы: политические забастовки, в которых вместе с пролетариатом участвовали студенчество, городская мелкая буржуазия, причем национальная буржуазия и руководимое ею Национальное правительство до известных пределов поддерживали их, массовые демонстрации и митинги; движение за созыв Национального собрания и отмену неравноправных договоров; бойкот английской колонии Гонконг и английских концессий в Ханькоу и Цзюцзяни; вооруженные восстания рабочих Шанхая. Этим в значительной мере объясняется столь большой масштаб борьбы, вовлечение в нее многомиллионных масс. При этом существовала взаимозависимость между различными формами и методами борьбы: массовое движение подготовило походы революционных войск против гуандунского милитариста Чэнь Цзюнь-мина (Восточные походы) и против северных милитаристов (Северный поход) и способствовало их успеху.

¹ «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая». М., 1934, стр. 122.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 14, стр. 1.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41, стр. 81.

Среди различных форм борьбы и организаций, применявшихся в период революции 1925—1927 гг., важное место принадлежит революционной войне и революционной армии. Тот факт, что у китайской революции были вооруженные силы, созданные, обученные, вооруженные при помощи Советского Союза, имел громадное положительное значение. Вместе с тем всякий раз, когда недооценивались другие формы борьбы и организации, это всегда имело отрицательные последствия. Инициатива масс сковывалась, к их самостоятельному участию в революции лидеры гоминьдана и гоминьдановской армии относились враждебно — все это подрывало возможности углубления революции, ее перехода в фазу глубоких социальных преобразований.

Таким образом, абсолютизация Мао Цзэ-дуном роли армии и войны в китайской революции (и тем более попытка навязать эти, по существу, милитаристские взгляды революционным силам в других странах), пренебрежение другими формами борьбы и организации противоречат историческому опыту революции 1925—1927 гг., как и последующих этапов китайской революции.

3. Важным фактором развития освободительной борьбы китайского народа в новейшее время вообще и в период революции 1925—1927 гг. в частности были опыт и помощь Советского Союза, мирового коммунистического движения. Значение этого фактора поняли не только китайские коммунисты, но и деятели революционной демократии во главе с Сунь Ят-сеном. Уже первые их отклики на победу Великой Октябрьской социалистической революции — приветствие Сунь Ят-сена Рабоче-крестьянскому правительству Советской России, направленное летом 1918 г., статьи Ли Да-чжао 1918 г. о мировом значении Октября — свидетельствовали о том, что лучшие люди Китая связывали свои надежды на освобождение от гнета иностранного империализма и внутренней реакции с коренными изменениями международной обстановки и в связи с победой социалистической революции в России.

Факты морально-политической поддержки КПСС и международного коммунистического движения, разносторонней и бескорыстной материальной и военной помощи китайской революции со стороны Советского Союза широко известны. Здесь кажется уместным лишь напомнить, что созданный под руководством В. И. Ленина Коммунистический Интернационал и в первую очередь Российская коммунистическая партия (большевиков) во многом способствовали сплочению рядов первых китайских коммунистов, образованию Коммунистической партии Китая, выработке ее стратегии и тактики, созданию единого национально-революционного фронта на основе сотрудничества суньятсеновцев и коммунистов. При помощи советских советников, возглавлявшихся М. М. Бородиным, П. А. Павловым, В. И. Блюхером, было образовано ядро революционной армии, а советское оружие, переданное Гуанчжоускому правительству Сунь Ят-сена, помогло подавить контрреволюционные силы в Гуандуне и превратить эту провинцию в революционную базу.

Солидарность советского народа с революционным Гуанчжоу, с забастовщиками Шанхая и Гонконга, помощь в осуществлении Северного похода Национально-революционной армии сыграли важную роль в успехах китайской революции 1925—1927 гг.

Отношение к Советскому Союзу было в то же время важным показателем отношения тех или иных социально-политических сил, партий, групп, деятелей Китая к китайской революции. Те, кто хотел успеха революции, выступали вместе с коммунистами, вместе с Сунь Ят-сеном и Ляо Чжун-каем за укрепление дружбы и сотрудничества с СССР. Вскоре после Октябрьской революции, летом 1918 г., Сунь Ят-сен в телеграм-

ме В. И. Ленину выражал надежду, что «революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы»⁴. В предсмертном обращении к Центральному Исполнительному Комитету СССР Сунь Ят-сен развил эту мысль: «Прощаясь с вами, дорогие товарищи, я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем, свободном Китае друга и союзника и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку»⁵.

Вопрос об отношении к Советскому Союзу (как и об отношениях с КПК) был предметом острых разногласий в гоминьдане, причем Сунь Ят-сен решительно выступал против антисоветских вылазок правых гоминьдановцев. После его смерти борьба по этому вопросу усилилась. Не случайно одной из первых акций Чан Кай-ши во время первого переворота в Гуанчжоу 20 марта 1926 г. было окружение верными ему частями резиденции советских советников. Также не случайно, что контрреволюционные перевороты гоминьдана в 1927 г. сопровождалась крикливой антисоветской кампанией, а при подавлении героического восстания рабочих и солдат Гуанчжоу в декабре 1927 г. (Кантонская коммуна) гоминьдановцы напали на Генконсульство СССР, схватили советских работников и пять из них расстреляли.

Для китайских коммунистов всегда был предельно ясен вопрос о значении дружбы с СССР для развития китайской революции. Интернационалисты-коммунисты всегда были в первых рядах патриотических сил, тогда как националисты, пытавшиеся совмещать выступления за независимость Китая с антисоветизмом, оказывались в реакционном лагере, становились союзниками империалистов. Таков третий важнейший урок китайской революции 1925—1927 гг.

* * *

Началом национально-демократической революции 1925—1927 гг. явилось «движение 30 мая» — массовые антиимпериалистические выступления китайского народа, вспыхнувшие в Шанхае и охватившие в разной степени почти всю страну. Самыми крупными событиями «движения 30 мая» стали всеобщая антиимпериалистическая стачка в Шанхае и 16-месячная гонконг-кантонская забастовка. Основными силами движения были рабочий класс, студенчество, мелкая и средняя городская буржуазия; крестьяне за редким исключением в период «движения 30 мая» были пассивными. Движение, таким образом, оставалось чисто городским. В основе своей «движение 30 мая» было выражением стихийного взрыва возмущения широких слоев китайского народа колониальной политикой империалистических держав, обострившегося конфликта национальной буржуазии с империалистами. В такой обстановке даже отдельные милитаристы в период наивысшего подъема движения (июнь 1925 г.) демонстрировали ему показное сочувствие и поддержку, но после отхода буржуазии (с июля 1925 г.) те же самые милитаристы обрушились с репрессиями на оставшихся в одиночестве рабочих.

Авангардом и главной силой движения в Шанхае, Гонконге, Кантоне и ряде других городов был рабочий класс. Весьма активную, часто авангардную (особенно в провинции) роль играло студенчество. Политическое и организационное руководство (через профсоюзы, студенческие и другие организации) вначале оказалось в руках коммунистиче-

⁴ Цит. по кн.: Пы и Мин. История советско-китайской дружбы. М., 1959, стр. 68.

⁵ «Советско-китайские отношения. Сборник документов». М., 1959, стр. 101.

ской партии. Произошло это не только из-за возросшего политического влияния КПК, но и вследствие стремления буржуазии воспользоваться выступлениями рабочих в целях давления на империалистов.

Буржуазия, особенно в Шанхае, занимавшая антиимпериалистическую, но явно соглашательскую позицию, пыталась держать движение под своим главенством и ограничить его размах, не допустить его перерастания в народную антиимпериалистическую революцию. Когда же ей это не удалось, буржуазия отошла от движения, уведя за собой мелкобуржуазные слои населения и студенчество и оставив рабочий класс в одиночестве, обрекая его на произвол милитаристов. Одновременно крупная буржуазия включилась в широкую антикоммунистическую кампанию, развернутую китайской и империалистической реакцией. Таким образом, «движение 30 мая», носившее ярко выраженный антиимпериалистический, национально-освободительный характер, выявило вместе с тем глубокие классовые противоречия внутри единого национального фронта, неуклонно обострявшиеся по мере нарастания революционного подъема. Движение впервые с такой остротой и в подобных масштабах поставило важнейший вопрос о сочетании и соотношении национальных и классовых аспектов китайской революции⁶.

Маоистская историография, по существу, уклоняется от детального анализа тактики КПК во время шанхайских событий летом 1925 г., ограничиваясь краткими упоминаниями о решениях совещаний ЦК КПК 28 и 30 мая, воззвании ЦК КПК от 5 июня и августовском постановлении о прекращении всеобщей забастовки. Значительно больше внимания уделяется гонконг-кантонской забастовке и мероприятиям кантонского правительства по укреплению революционной базы в Гуандуне. Общий тон высказываний о тактике партии одобрительный, хотя точные конкретные оценки, как правило, отсутствуют⁷. Нет также никаких сведений о внутрипартийной борьбе в этот период. Исключением является «Общая история Китая в период новодемократической революции» под редакцией Ли Синя, Пэн Мина и др., в которой без ссылки на источник сообщается, что на заседании ЦК КПК 28 мая инициатором превращения экономической борьбы рабочих в широкое антиимпериалистическое движение был Цай Хэ-сэнь, против чего якобы выступал Чэнь Ду-сю, изображаемый в традиционной роли правого оппортуниста⁸. Но эта версия не подтверждается документальными свидетельствами. Анализ официальных документов ЦК КПК и партийной прессы этого периода позволяет сделать вывод, что современная китайская историко-партийная литература умышленно избегает детального рассмотрения политики партийного руководства во время «движения 30 мая», поскольку она не впи-

⁶ Подробности «движения 30 мая» см.: Дэн Чжун-ся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952, стр. 211—261; «Рабочее движение в Китае. Революция 1924—1927 гг.». М., 1966, стр. 51—72; 106—116; М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, стр. 159—237; П. Ми-ф. Китайская революция. М., 1932, стр. 28—61; Жан Шэ-но. Китайское рабочее движение в 1919—1927 гг. М., 1969, стр. 334—362.

⁷ См.: Ху Цяо-му. Тридцать лет Коммунистической партии Китая. Пекин, 1952, стр. 13—14; Мяо Чу-хуан. Краткая история Коммунистической партии Китая. М., 1958, стр. 38—39; Хэ Гань-чжи. История современной китайской революции. М., 1959, стр. 124—133; Ван Ши, Ван Цяо, Ма Цин-бин. Краткая история Коммунистической партии Китая. Шанхай, 1959, стр. 50—53 (на кит. яз.); Ху Хуа. Курс истории китайской революции. Пекин, 1959, стр. 112—118 (на кит. яз.); Ли Синь, Пэн Мин и др. Общая история Китая в период новодемократической революции. Т. 1. Пекин, 1962, стр. 218—228 (на кит. яз.).

⁸ Ли Синь, Пэн Мин и др. Указ. соч., стр. 219, 221. Такой же версии придерживается М. Ф. Юрьев, опираясь на позднейшие воспоминания Ли Ли-сяня о Цай Хэ-сэне (М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, стр. 165).

сывается в официальную маоистскую схему. Тайваньская историография также весьма скупо освещает события «30 мая», так как правые гоминьдановцы сыграли во время этих событий весьма непримечательную роль.

Наиболее полно деятельность КПК в период «движения 30 мая» освещена в советской историографии, в частности в работах Т. Н. Акатовой, А. И. Картуновой, М. Ф. Юрьева (особенно в последней)⁹. Из произведений современников — очевидцев и участников событий — особую ценность представляют работы Г. Войтинского, Л. Геллера, П. Мифа, С. Наумова (С. Калачева)¹⁰.

К началу летних событий 1925 г. в партии состояло 1500 человек, в том числе в Шанхае было около 100 коммунистов, работавших преимущественно в профсоюзах, и примерно столько же комсомольцев. Здесь же находились ЦК КПК (Чэнь Ду-сю, Цюй Цю-бо, Цай Хэ-сэнь, Чжан Го-тао, Пэн Шу-чжи и др.), непосредственно руководивший партийной работой в этом крупнейшем пролетарском центре страны, видные руководители рабочего движения Ли Ли-сань, Лю Шао-ци, Ли Ци-хань. Лю Хуа и др., а также представитель Профинтерна Л. Н. Геллер.

Расстрел студенческой демонстрации 30 мая английской полицией международного селтльмента, вызвавший стихийный взрыв возмущения всего китайского населения Шанхая, включая буржуазию, существенно изменил ситуацию в городе и не мог не вызвать широкой волны протестов в остальном Китае. Это открывало новые тактические возможности для рабочего класса и его партии, которые были учтены на заседании ЦК КПК вечером 30 мая, принявшем решение о всеобщей антиимпериалистической забастовке и о создании Комитета действия для проведения этого решения в жизнь¹¹.

31 мая был создан Генсовет профсоюзов Шанхая во главе с коммунистами Ли Ли-санем (председатель), Лю Шао-ци, Лю Хуа и др., который, по свидетельству представителя Профинтерна Л. Н. Геллера, «очень скоро стал общепризнанным центром рабочего движения»¹². 1—2 июня в Шанхае вспыхнула всеобщая антиимпериалистическая политическая забастовка, в которой приняли участие 200 тыс. рабочих, 50 тыс. студентов и учащихся средних школ, подавляющее большинство торговцев и т. д. — в общей сложности около полумиллиона человек. Забастовка сопровождалась бойкотом иностранных товаров, массовыми митингами и демонстрациями. 7 июня по инициативе КПК возник Объединенный комитет рабочих, торговцев и студентов Шанхая, выполнявший функции руководящего органа единого антиимпериалистического фронта. В Объединенном комитете «самой влиятельной организацией, ведущей за собой остальных», был Генсовет профсоюзов¹³. Газета Объединенного комитета «Жэсюэ жибао» («Горячая кровь») редактировалась членом ЦК КПК Цюй Цю-бо (вышло 24 номера). Так на практике

⁹ Т. Н. Акатова. Сянган-гуанчжоуская забастовка. М., 1959; А. И. Картунова. Деятельность шанхайского Совета профсоюзов в июне — августе 1925 года. — «Проблемы востоковедения». 1960, № 2; М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, стр. 159—237.

¹⁰ Г. Войтинский. Национально-революционное движение в Китае и тактика Китайской компартии. — «Коммунистический Интернационал», 1925, № 11, стр. 87—94; П. Миф. Китайская революция. М., 1932, стр. 28—61; С. Калачев. Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии. — «Кантон», № 10, стр. 13—77.

¹¹ М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, стр. 168. Состав комитета неизвестен.

¹² Л. Геллер. Национальное движение и рабочий класс. — «Рабочий Китай». М., 1926, стр. 81.

¹³ Там же.

реализовалось политическое и отчасти организационное руководство КПК единым фронтом в Шанхае.

Энтузиазм, героизм и самопожертвование коммунистов во время «движения 30 мая», колоссальный объем проделанной ими работы и ее внушительные результаты бесспорны. Однако при тогдашнем состоянии КПК и ее массовой базы партия просто была не в состоянии охватить своим влиянием все движение в целом, тем более что у нее был такой сильный и изворотливый противник в борьбе за руководство, как крупная шанхайская буржуазия. В первом официальном документе партии этого периода — обращении ЦК КПК от 5 июня намечена в общем виде новая политическая ориентация соответственно изменившейся обстановке¹⁴.

Обращение ЦК КПК от 5 июня от начала до конца выдержано в самом решительном и последовательном антиимпериалистическом, патриотическом духе. Ничуть не скрывая своего классового пролетарского характера, партия открыто выступала от лица нации как непримиримый и бескомпромиссный противник всех без исключения империалистических поработителей Китая. «У китайского народа, — говорилось в обращении, — не может быть мира с наглыми и жестокими империалистами»¹⁵. Ни одна другая политическая партия или группа, включая гоминьдан, не осмелилась выступить в те дни с подобным заявлением.

«Главной целью борьбы» в документе провозглашалась «ликвидация всех неравноправных договоров, отмена всех привилегий империалистов в Китае»¹⁶. Партия призывала народ идти в этой борьбе до конца, «не останавливаясь на полпути», не идя ни на какие компромиссы и частичные соглашения. «Вызванное расправой 30 мая движение сопротивления, развернувшееся в Шанхае и во всем Китае, должно перерасти в длительную национально-освободительную борьбу»¹⁷. Этот тезис повторялся в обращении неоднократно. В статье Чэнь Ду-сю, опубликованной одновременно с обращением в том же номере «Сяндао», также подчеркивался длительный характер борьбы, причем не исключалось «полное поражение в данном выступлении»¹⁸. Но каковы должны быть начальные и последующие шаги и этапы движения, его конкретные политические и экономические требования, способные организовать и направить движение в определенное русло, — в документе не говорилось. С точки зрения содержания, формы и тактики движения обращение ограничивалось фактически лишь призывом к пропаганде и организации масс¹⁹. В то же время в обращении бичевались «высшие слои общества» (крупная буржуазия) за их «тенденцию к примиренчеству, соглашательству» и «скорейшему завершению событий».

Выступая в обращении с исключительными антиимпериалистическими лозунгами, ЦК КПК не выдвигал никаких отдельных классовых требований китайского пролетариата. Не было их и в упомянутой статье Чэнь Ду-сю. В то же время в обращении выражалась надежда, что в ходе длительной антиимпериалистической борьбы народ «не забудет интересы рабочих», «не поставит под угрозу рабочий класс, который больше

¹⁴ «Обращение Коммунистической партии Китая к народу всей страны об отпоре варварским действиям империалистов». — «Сяндао», № 117, 6.VI.1925, стр. 1075—1077. Перевод документа см. в кн.: «Рабочее движение в Китае. Революция 1924—1927 гг.». М., 1966, стр. 52—57.

¹⁵ «Рабочее движение в Китае. Революция 1924—1927 гг.». М., 1966, стр. 55.

¹⁶ Там же, стр. 54.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ду-сю. Шанхайское побонше и движение за свободу китайской нации. — «Сяндао», № 117, стр. 1079.

¹⁹ «Рабочее движение в Китае. Революция 1924—1927 гг.». М., 1966, стр. 54—56.

всего предан интересам народа, и не нанесет тем самым непоправимый удар национально-освободительному движению»²⁰. Рабочий класс в соответствии с линией IV съезда КПК характеризовался вместе с крестьянством как «главная сила китайского национального движения», «главная ударная сила в борьбе против империализма», «самый стойкий и смертельный враг империализма»²¹.

Общенациональный революционный подъем, вызванный событиями 30 мая в Шанхае, потребовал уточнения тактики партии. Но проследить в деталях изменения тактической линии партии не представляется возможным. Весьма показательно, что в период наибольшего размаха всеобщей антиимпериалистической забастовки в Шанхае (июнь 1925 г.) ЦК КПК воздерживался от открытого выступления с развернутой официальной политической платформой партии, соответствующей новой обстановке в Китае. После опубликования Обращения ЦК КПК от 5 июня следующий номер журнала «Сяндао» вышел только через две недели (20 июня), а новое обращение КПК к народу было опубликовано лишь 40 дней спустя — 16 июля 1925 г., когда движение пошло на убыль. ЦК партии, видимо, не сумел сразу оценить смысл происходивших событий и не решался связывать себя определенной политической линией, ограничиваясь частными тактическими решениями.

Это вовсе не означает, что ЦК КПК занимал позицию стороннего наблюдателя. Наоборот, руководство КПК, как и вся партия в целом, находилось в самой гуще событий, принимая активнейшее участие в практическом руководстве движением. Особое внимание уделялось сплочению, организации и политическому просвещению пролетарских масс, в чем партия добилась заметных успехов. Это относится в первую очередь к Шанхаю и Кантону. Шанхайский Генсовет профсоюзов, работавший под непосредственным руководством ЦК, и гонконг-кантонский стачком, руководимый партийной организацией Кантона, сумели завоевать авторитет и доверие широких рабочих масс. По свидетельству тогдашнего представителя Профинтерна Л. Н. Геллера, находившегося в июне — июле 1925 г. в Шанхае, Генсовет профсоюзов «очень скоро стал общепризнанным центром рабочего движения. Популярность его не только в самом Шанхае, но и во всей стране огромна. К нему идут со всеми своими делами не только рабочие организации и отдельные группы рабочих, с ним сносятся все учреждения, с ним ведут переговоры гражданские и военные власти, на нем, естественно, сосредоточена вся ненависть империалистов, неустанно и всеми средствами ведущих под него подкоп. В Шанхае его авторитет среди рабочих непререкаем». В Объединенном комитете рабочих, торговцев и студентов Шанхая, который был создан по инициативе коммунистов 7 июня в качестве руководящего центра антиимпериалистического движения, Генсовет профсоюзов, по словам Геллера, «несомненно, является самой влиятельной организацией, ведущей за собой остальные»²². И это отнюдь не преувеличение. То же самое можно сказать и о гонконг-кантонском стачкоме. Именно Генсовет профсоюзов и стачком стали теми основными организациями, через которые осуществлялось политическое влияние партии на рабочие массы и примыкавшие к ним слои населения (студенчество, ремесленники, мелкие торговцы).

Тактическая линия КПК в начале «движения 30 мая», насколько ее удается проследить по имеющимся источникам, учитывала опыт пред-

²⁰ «Рабочее движение в Китае. Революция 1924—1927 гг.». М., 1966, стр. 57.

²¹ Там же, стр. 54, 56.

²² Л. Геллер. Национальное движение и рабочий класс. — «Рабочий Китай». М., 1926, стр. 81.

шествовавших пролетарских выступлений, продемонстрировавших относительную слабость рабочего движения и самой партии. Партии пришлось считаться с объективной необходимостью сотрудничества с буржуазно-демократическими слоями в антиимпериалистической борьбе, чтобы избежать изоляции пролетариата и не поставить его под удар реакции. Поэтому лозунг национального единого фронта оставался одной из главных тактических установок партии в этот период. Тактике единого фронта отвечали как лозунг всеобщей антиимпериалистической забастовки рабочих, студентов, торговцев и сформулированные коммунистами требования, так и стремление ограничить рабочие стачки только рамками иностранных предприятий; рабочие китайских фабрик, не участвуя непосредственно во всеобщей забастовке, должны были добиваться только признания профсоюзов, а также оказывать забастовщикам моральную и материальную поддержку. Но основные средства для забастовки давала буржуазия. Жизнь вносила существенные коррективы в политическую линию, принятую IV съездом партии, но она в целом оставалась неизменной и в этот период, чему немало способствовало соглашательское поведение буржуазии.

При изучении партийных документов, относящихся к лету 1925 г., складывается впечатление, что руководство КПК уже не удовлетворяли ни прежняя организационная форма единого фронта в виде вхождения коммунистов в гоминьдан, ни положение КПК в едином фронте. В Обращении ЦК КПК от 5 июня и в других примыкающих к нему материалах из политических партий, которые могут принять участие в едином фронте, конкретно называется только КПК; гоминьдан в этих документах нигде не фигурирует, его как бы вообще не существует²³. Негативному отношению ЦК КПК к гоминьдану содействовали, конечно, антикоммунистические моменты в решениях III пленума ЦИК ГМД, состоявшегося 18—25 мая в Кантоне, особенно в позиции Ху Хань-миня и Дай Цзи-тао²⁴. В разгар шанхайских событий «Сяндао» опубликовал резко критическую корреспонденцию Ло И-нуна из Кантона, бичевавшую «соглашательство» и «примиренчество» центристских вождей гоминьдана (Ху Хань-минь, Ван Цзин-вэй, Тань Янь-кай и др.) в связи с заговором реакционных генералов Ян Си-миня и Лю Чжэнь-хуаня²⁵.

Практические потребности антиимпериалистического движения в Шанхае вызвали к жизни новые формы единого фронта. ЦК КПК считал, что единый фронт в организационном отношении должен сформироваться не как объединение политических партий, а как союз «отдельных массовых организаций различных классов»²⁶ — профсоюзов, студенческих союзов, торговых союзов и т. д. Конкретным воплощением этой идеи было создание в Шанхае 7 июня по инициативе КПК Объединенного комитета рабочих, торговцев и студентов, ведущую роль в котором играл Генсовет профсоюзов, руководимый в свою очередь компартией²⁷. В Обращении ЦК КПК от 5 июня предлагалось сделать подобные объединения повсеместными. Дальнейшее развитие эта идея

²³ Примечательно, что при публикации воззвания ИККИ о расстрелах в Циндао и Шанхае от 7 июня 1925 г. редакция «Сяндао» опустила все упоминания о гоминьдане («Сяндао», № 120, 2.VII. 1925, стр. 1103—1104).

²⁴ См.: Ли Юнь-хань. От допуска коммунистов до чистки партии. Гонконг, 1966, стр. 363—367.

²⁵ И-нун. Серьезное положение кантонского правительства. — «Сяндао», № 118, 20.VI. 1925, стр. 1094. Эта корреспонденция была опубликована через неделю после того, как мятеж Яна и Лю был решительно подавлен.

²⁶ «Сяндао», № 117, стр. 1076.

²⁷ М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, стр. 181—182.

получила в статьях Чэнь Ду-сю, опубликованных 20 июня и 2 июля, особенно в последней²⁸.

7 июня Объединенный комитет опубликовал декларацию, в которой содержалось 17 требований, ставших политической платформой «движения 30 мая»²⁹. Этот документ, несомненно, отражал не только точку зрения КПК и профсоюзов, но и торговых и студенческих союзов, входивших в Объединенный комитет. Из 5 «минимальных» требований, выставленных Чэнь Ду-сю 6 июня, 2-е и 4-е были отвергнуты, а 5-е несколько смягчено. Однако в дальнейшем КПК открыто защищала эту программу как свою собственную, противопоставляя ее «соглашательским» и «предательским» 13 требованиям Главной торговой палаты, отказавшейся войти в Объединенный комитет. Поэтому 17 требований Объединенного комитета можно с достаточным основанием считать выражением конкретной политической платформы КПК, хотя в них и не содержалось главного программно-требования партии — аннулирования всех неравноправных договоров. Таким образом, на наш взгляд, совершенно справедливо считать, что 17 требований Объединенного комитета были задуманы именно как общенациональная антиимпериалистическая платформа единого фронта. В ней явно преобладали общедемократические национальные требования, в том числе и отвечавшие в первую очередь интересам буржуазии. Собственно, классовые интересы пролетариата выражал лишь 6 пункт программы, настаивавший на свободе профсоюзов и забастовок и введении рабочего законодательства; экономические требования рабочих в программе вообще не фигурировали³⁰. В этом отношении 17 требований вполне отвечали позиции КПК, изложенной в Обращении от 5 июня.

В отношении буржуазии ЦК КПК занял противоречивую позицию. С одной стороны, он стремился привлечь ее к поддержке антиимпериалистического движения, а с другой — заострял против нее пропаганду и конкретные тактические решения, буржуазия рассматривалась не столько как союзник, сколько как противник пролетариата в антиимпериалистической борьбе.

Острая критика соглашательства крупной буржуазии с самого начала событий стала одной из ведущих тем партийной печати; в этом отношении среди руководящих деятелей КПК, регулярно выступавших в печати (Чэнь Ду-сю, Цюй Цю-бо и др.), существовало полное единомыслие. В борьбе против соглашательства крупной буржуазии, объединившейся в Главной торговой палате Шанхая, компартия вначале заняла непримиримую позицию, выставив лозунги борьбы «до победного конца», «либо-либо», «лучше умереть в бою со славой, чем остановиться на полпути» и т. д. Тактика единого фронта, таким образом, в понимании ЦК КПК, летом 1925 г. фактически сводилась лишь к политическому союзу рабочего класса и мелкой буржуазии. Стремлением оторвать от буржуазии и привлечь на сторону пролетариата мелкую буржуазию, не «отпугнуть» ее, пронизаны все тактические решения ЦК КПК в этот период. Партия тем самым фактически ориентировалась на борьбу на два фронта — против империализма и отечественной буржуазии. Практически во время «движения 30 мая» между КПК и буржуазией про-

²⁸ Ду-сю. Характер нынешней борьбы и методы, которые мы должны применять. — «Сяндао», № 118, 20.VI.1925, стр. 1087—1088; Ду-сю. Как нам реагировать на новую обстановку движения. — «Сяндао», № 119, 2.VII.1925, стр. 1104—1105.

²⁹ Полный текст требований см.: Дэн Чжун-ся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952, стр. 231—234. О процессе выработки этих требований см.: М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, стр. 184—186.

³⁰ М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, стр. 184—185.

изошло первое крупное столкновение в борьбе за гегемонию. На короткое время (примерно 2 месяца) партия сумела частично возглавить движение, но в целом сражение за гегемонию она проиграла.

Партия делала все возможное, чтобы в условиях массового революционного подъема преодолеть свою слабость прежде всего путем максимального увеличения численности партийных организаций, расширения и укрепления профсоюзов. Шанхайская организация КПК за несколько месяцев выросла в 10 раз, Шанхайский Генсовет профсоюзов к концу июля объединял уже более 200 тыс. рабочих. Это был несомненный успех партии. Но одновременно с этим желание чем-то компенсировать слабость партии, а также давление революционных масс приводило нередко к выставлению радикальных, но неосуществимых в данных условиях лозунгов и требований. Отчетливее всего это проявилось в требовании немедленной отмены всех неравноправных договоров и ликвидации всех империалистических привилегий в Китае в качестве главного лозунга КПК на первом этапе «движения 30 мая». Как лозунг пропаганды это требование было вполне оправданным и целесообразным, но как лозунг действия оно было тогда неосуществимым и заводило партию в тупик. Компартии не удалось добиться поддержки этого основного требования со стороны других участников движения. Оно не фигурировало в политических документах организаций, участвовавших в движении, в том числе и среди наиболее радикальных 17 требований Объединенного комитета, в котором влияние КПК (через Генсовет профсоюзов) было особенно сильным.

Следует, однако, иметь в виду, что максимальное требование КПК — аннулирование всех неравноправных договоров — отнюдь не означало полного ниспровержения всей системы империалистического господства в Китае. КПК добивалась в этот период лишь политической самостоятельности страны, полного восстановления ее политического суверенитета. Ликвидации экономических позиций империализма в Китае партия в этот период не предусматривала, добиваясь, по существу, лишь ограничения колониальной эксплуатации страны иностранным капиталом.

Реальное соотношение сил в Китае тогда не давало надежд на реализацию основных национальных целей, поставленных КПК. Как отмечал Л. Н. Геллер, «чем дальше шла забастовка, тем становилось, однако, яснее, что основные национальные цели, поставленные в начале забастовки и нашедшие выражение в 17 требованиях, по самой природе этих требований никакой забастовкой — самой длительной и дружной — достигнуты быть не могут». Этого можно было добиться «только в результате вооруженной борьбы всего Китая, в результате победоносной войны»³¹. К такому же выводу пришел и П. Миф, считавший, что даже более скромные первоначальные требования «имели больше декларативное, чем практическое значение», отражая «общее возбуждение», а не действительное положение вещей³².

³¹ Л. Геллер. Национальное движение и рабочий класс. — «Рабочий Китай». М., 1926, стр. 77.

³² П. Миф. Китайская революция. М., 1932, стр. 40. М. Ф. Юрьев, соглашаясь с мнением Мифа, тем не менее характеризует программу из 17 требований как «отнюдь не чрезмерную» (М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, стр. 186). Это противоречие объясняется, на наш взгляд, тем, что в дальнейшем изложении событий М. Ф. Юрьев придерживается версии Дэн Чжун-ся о «предательской» роли буржуазии, для чего необходимо противопоставить 17 требований Объединенного комитета 13 требованиям Главной торговой палаты. Такова же была и позиция ЦК КПК летом 1925 г. и впоследствии.

Понимание подобного несоответствия имело, видимо, место и среди членов ЦК КПК даже в начале движения. Как уже отмечалось, в Обращении ЦК КПК от 5 июня и в статье Чэнь Ду-сю от 6 июня отнюдь не исключалась возможность поражения движения. В середине июня делается уже попытка поставить вопрос о прекращении всеобщей забастовки, для чего из общенациональной антиимпериалистической платформы единого фронта исключаются менее радикальные требования, на основе которых изъясняется готовность вести переговоры с империалистами. Это видно из передовой статьи газеты «Жэсюэ жибао» от 16 июня 1925 г., в которой были сформулированы «максимальные уступки» рабочих³³. Но поскольку даже эти «максимальные уступки» не создавали достаточной почвы для маневра, КПК начала терять политическую инициативу. Уже 19 или 20 июня Объединенному комитету пришлось согласиться на прекращение забастовки торговцев на условии материальной поддержки продолжавших бастовать рабочих со стороны буржуазии, что было в интересах последней. 25 июня торговля в Шанхае возобновилась.

Прекращение забастовки торговцев не означало, однако, окончательного отказа буржуазии от участия в антиимпериалистической борьбе. Буржуазия продолжала финансировать забастовку рабочих иностранных предприятий, используя ее как средство давления на империалистические державы с целью добиться определенных уступок в духе требований Главной торговой палаты. Однако возобновление торговли и попытки буржуазии вырвать у империалистов хотя бы частичные уступки были расценены руководством КПК как национальное предательство и удар в спину пролетариату. Со второй половины июня пропаганда КПК все больше заостряется против крупной (а фактически всей) буржуазии, которую считают лакеем империализма и врагов нации. Основным удар наносится по Главной торговой палате Шанхая во главе с Юй Ця-цином, но под огонь критики КПК попадают и все другие политические группировки буржуазии — националистическая группировка «Пробуждающийся лев» во главе с Цзэн Цзи («эстаты»), либеральная профессура типа Лян Ци-чао и Ху Ши, правые гоминьдановцы Ма Су, Дай Цзи-тао и другие³⁴. Основным направлением разгромных критических выступлений КПК против буржуазии стало противопоставление 17 требований Объединенного комитета 13 условиям Главной торговой палаты. В большой статье Цюй Цю-бо, опубликованной 22 июня, первые были названы «революционными», вторые — «соглашательскими», что, по мнению автора, было закономерным следствием неизбежной «внутренней дифференциации» в рядах национально-революционного движения³⁵. В статье прямо говорилось, что крупная буржуазия предала революцию в самом ее начале. Тот же тезис развивался и в последующих выступлениях Цюй Цю-бо, а также в статьях Чэнь Ду-сю, Чжэн Чао-линя и др. Затем он был включен в официальные партийные документы, откуда перешел в дальнейшем во всю историко-партийную китайскую литературу. Эта точка зрения стала преобладающей и в советской историографии революции 1925—1927 гг.

«Предательской», «соглашательской» позиции буржуазии ЦК КПК противопоставил лозунг «Никаких компромиссов!». Это звучало весьма

³³ «Справочные материалы к критике промежуточной линии китайской буржуазии». Т. 1. Пекин, 1958, стр. 12 (на кит. яз.).

³⁴ М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, стр. 188—189; «Сяндао», 1925, № 118—123.

³⁵ Цюй-бо. Империалистическое побойще 30 мая и национальная революция в Китае. — «Сяндао», 1925, № 119, стр. 1097.

«революционно», но на практике при тогдашней расстановке сил заранее обрекало все движение на неудачу, что в конце концов, хотя и с большим запозданием, вынуждено было признать и само руководство партии. Этот лозунг пропагандировали с различными нюансами руководители партии, выступавшие тогда в журнале «Сяндао» (Чэнь Ду-сю, Цюй Цю-бо и др.). При этом нетрудно обнаружить одну характерную тенденцию: чем хуже становилось положение в Шанхае, тем непримиримее звучали выступления партийной печати, все больше заострявшиеся против буржуазии, тем больше забирало «влево» руководство КПК. Такое положение продолжалось до начала августа 1925 г., когда последние надежды на возможность продолжать борьбу собственными силами рабочего класса окончательно исчезли. И еще неизвестно, к чему бы привела эта тенденция, если бы не была получена рекомендация Коминтерна о прекращении забастовки.

Представитель Профинтерна Л. Н. Геллер следующим образом трактовал тактику «спуска» забастовки «на тормозах». Шанхай и Гонконг, писал он, «были все же предоставлены самим себе; забастовочное движение как будто зашло в тупик. Нужен был какой-то поворот, перевод на другие рельсы, приведение в соответствие поставленных целей с изолированным характером забастовки. И тут-то, в этой второй фазе движения, выступает наружу второе — рабочее лицо забастовки. Оставляя в силе общенациональные лозунги как боевой клич национальной борьбы, призывая на защиту этих требований все силы нации и возлагая ответственность за дальнейшую национальную борьбу на пекинское и кантонское правительства, шанхайский совет профессиональных союзов выдвигает теперь на первое место уже не общенациональные, а рабочие требования: признание профсоюзов, увеличение зарплаты, обратный прием всех бастующих и некоторые другие. Национальные требования сводятся к вопросам местного значения, как смешанный суд, уравнивание в правах китайцев, живущих в иностранном квартале, с иностранцами. Этим самым открывается возможность маневрирования переговоров, компромисса»³⁶.

Основная цель новой тактики состояла в том, чтобы отступить по возможности в порядке, избежать новых репрессий и сохранить существовавшие в Шанхае и других городах профсоюзы. Одновременно с этим делалась попытка сохранить политический авторитет партии, призывавшей ранее рабочих бороться до победного конца, но вынужденной теперь санкционировать прекращение забастовки.

Материалы журнала «Сяндао» показывают, что план «спуска на тормозах» был одобрен и принят к исполнению ЦК КПК. Однако произошло это не без колебаний и внутренней борьбы в руководстве партии, шанхайской парторганизации и профсоюзах.

Это было трудное решение для молодой китайской компартии. К началу ликвидации всеобщей забастовки в Шанхае, осуществленной по плану, рекомендованному Коминтерном, произошло, с одной стороны, «охлаждение некоторых буржуазных слоев населения к борьбе рабочих», а с другой — возникли «наиболее резкие колебания в отдельных частях рабочего класса»³⁷. В этой, казалось бы, безвыходной обстановке у части рабочих и руководящих деятелей КПК возникли «настроения отчаяния», толкавшие их на поиски «благородного», «революционного» выхода из тяжелого и сложного положения вплоть до вооруженного

³⁶ Л. Геллер. Национальное движение и рабочий класс. М., 1932, стр. 78.

³⁷ «Национально-революционное движение в Китае и тактика Китайской компартии». — «Коммунистический Интернационал», М., 1925, № 11, стр. 87.

восстания, заведомо обреченного на жестокий разгром в условиях полной изоляции рабочих. Именно на этот бессмысленный «жест отчаяния» толкал партию и рабочих тогдашний председатель шанхайского Генсовета профсоюзов Ли Ли-сань, к этому склонялся и Генсек ЦК КПК Чэнь Ду-сю. ЦК КПК вместе с уполномоченным Коминтерна Г. Н. Войтинским отверг этот путь, как губительный для рабочего класса: «Допустив изоляцию рабочих от буржуазно-демократических слоев населения, партия дала бы милитаристам возможность переломить хребет забастовочного движения и совершенно уничтожить завоевания рабочих, полученные во время стихийного подъема движения сразу же после 30 мая»³⁸. Вместо этого ЦК КПК избрал наиболее правильный в тогдашних условиях путь организованного общего отступления, «путь большего сближения с буржуазной демократией и улучшения профессиональных организаций бастующих»³⁹. Обосновывая решение ЦК КПК, Чэнь Ду-сю писал 23 августа 1925 г. в журнале «Сяндао»: «В Шанхае часть передовых рабочих, видя, что отсталые участники забастовки под влиянием политического и экономического гнета стали поддаваться панике, надеялась выйти из этого кризиса путем вооруженного восстания. Этот взгляд неправилен. Вооруженное восстание является высшей формой борьбы масс, и оно должно быть всесторонне и серьезно подготовлено. В момент, когда в массах чувствуется растерянность, нельзя прибегать к вооруженному восстанию. Нынешний период — это период массовой политической агитации и организации, период подготовки к вооруженной борьбе, а не период непосредственного вооруженного восстания». Тактика «спуска на тормозах», писал Чэнь Ду-сю, преследовала цель «предотвратить возможность изоляции рабочего класса от других слоев населения, сохранить его организации и уже завоеванные успехи»⁴⁰. С помощью Коминтерна КПК справилась с этой задачей.

Из «движения 30 мая» вытекал «огромный практический урок», отмеченный представителем Коминтерна Г. Н. Войтинским, — важность тесной связи борьбы рабочего класса с борьбой национальной буржуазии, заинтересованной как в независимости страны, так и в ее демократизации⁴¹. Блок пролетариата с буржуазией в общей антиимпериалистической борьбе глубоко отразился не только на содержании, но и на формах политических выступлений рабочего класса. «Здесь, — писал Г. Н. Войтинский, — конечно, можно говорить в такой же мере об относительной слабости рабочих во время их первого крупного выступления на арене политической борьбы, как и о том, что буржуазия, вынужденная находиться в блоке с пролетариатом в национально-освободительном движении, заинтересована также в том, чтобы рабочие получили некоторые экономические выгоды, ибо это ослабляет экономическую мощь иностранных предпринимателей»⁴².

Для КПК «движение 30 мая» было первым крупным испытанием ее боевых качеств в роли политического вождя и организатора общенационального выступления китайского пролетариата. Партия, несмотря на все ее тогдашние слабости, с честью выдержала это испытание. Хотя «движение 30 мая» окончилось поражением, партия вышла из него значительно окрепшей.

³⁸ Там же, стр. 88.

³⁹ Там же, стр. 89.

⁴⁰ Ду-сю. Как нам вести дальше антиимпериалистическую борьбу? — «Сяндао», № 126, стр. 1154. Дэн Чжун-ся цитирует эту статью без упоминания имени Чэнь Ду-сю, называя ее «решением ЦК» (Дэн Чжун-ся. Указ. соч., стр. 247—248).

⁴¹ «Коммунистический Интернационал», М., 1925, № 11, стр. 88.

⁴² Там же.

Дуньхуанские

рукописи

к вопросу о взаимосвязях литературы]

Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР

Облик Китая, как он предстает перед нами в творениях словесного искусства, отнюдь не напоминает собой безжизненный этюд, некую мертвенную копию с существовавшей реальности. Именно благодаря художественному творчеству безвестных авторов, собранному в «Шицзин» или «Юэфу», умирающей поэзии Цюй Юаня, Тао Юань-мяна, Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и, Су Ши, Ю и бесконечного множества других поэтов, в творчестве которых отображены наиболее важные явления жизни человека, общества и окружающей природы, облик Китая сохранил и донес до нас краски времени, дыхание и запахи земли. В своих лучах: образцах словесное искусство китайского народа, как и любого другого народа, изнывшим своим исканием правды и красоты развращено не к разъединению, а к сближению и лучшему постижению народов разных земель.

Бяньвэнь проблема наследия

В великом литературном наследии китайского народа Дуньхуанским рукописям — жанру бяньвэнь принадлежит одно из видных мест, хотя до недавнего времени он оставался в литературоведении почти неизведанным. Лишь последнее пятидесятилетие, когда бяньвэнь были вновь открыты, ознаменовалось заметным вниманием и изучением бяньвэнь как жанра словесного искусства важного художественного явления. Проблема эта представляет значительный интерес во многих отношениях — историческом, литературном, философском и эстетическом. В бяньвэнь отражен далекий и самодостаточный мир, неповторимый образ времени. Вместе с тем бяньвэнь — конкретное свидетельство существования глубоких связей

между древними культурами Индии и Китая.

Сам круг идей, представлений, мыслей и чувств, создающий окружающую нас живую атмосферу: образ мышления, наше видение мира и человека, обретаемые нами благодаря усвоению интеллектуальных ценностей, — все это становилось нашим достоянием под воздействием художественных творений прошлого, эстетического наследия человечества, в том числе наследия китайского народа, как составной части общемировой культуры. Иными словами, речь идет о синтезе художественных культур человечества, основанном на неотвратимом взаимообогащении идей и творческих достижений различных народов и стран.

Наряду с изучением литературного процесса современности советские востоковеды, синнологи в частности, не прекращают исследование литературы прошлых эпох, в том числе древнего периода и средневековья. Одна из главнейших здесь задач — закономерности литературного процесса в странах Азии, выявление в национальных литературах различных народов соотносимости противоборствующих факторов — прогрессивных, демократических и феодально-аристократических. Усилия ученых направлены на то, чтобы обнаружить в словесном творчестве народные его истоки, взаимосвязь мироощущения автора с окружающей его жизнью, отношение к борьбе антагонистических начал и т. д. И здесь на помощь приходит время. Время едва ли не самый суровый судья, который беспристрастно отвергает все посредственное и неполноценное, отбирает и хранит наиболее совершенное, самое существенное.

С жанром бяньвэнь взаимосвязано движение китайского романа, сюжетной новеллы, драмы и песенно-повествовательного творчества. Характерно при этом то, что бяньвэнь, восходящие в своем зарождении к переводам на китайский язык индийско-буддийских сутр, переводили на разговорный язык с тем, чтобы их можно было читать вслух и чтобы их слушали и понимали. Они явились первыми (середина VIII в.) произведениями, в которых обнаруживается органическое сочетание прозы и поэзии и в которых получили развитие многочисленные сюжеты, ставшие популярными в народе.

Едва ли не важнейшее значение бяньвэнь в истории китайской литературы состоит именно в том, что произведение этого жанра взаимосвязывают китайскую и индийскую литературы, являясь продуктом обрусения китайской и индийской литератур. Важность этого явления становится тем более очевидной при соотнесении связей китайской литературы с литературами других стран. Хорошо известны, например, хотя и не совсем разработаны, взаимосвязи литератур Ки-

тая и других стран, особенно проникновенное и сильнейшее воздействие китайской литературы на литературу Японии, Кореи, Вьетнама. Это было явление широкоохватное, но, по сути, одностороннее: влияние в определенную эпоху распространялось, скорее, со стороны Китая, фактически без соответствующего ответного воздействия японской, корейской и вьетнамской литературы на китайскую. Это не был взаимный обмен ценностями словесного искусства, достижениями художественного творчества. Здесь мы встречаемся с явлением преимущественного для Китая характера, хотя и оказавшего положительное воздействие на развитие литератур соседних стран. Следовательно, задача в том, чтобы изучить хотя бы контуры индийской буддийской литературы, получившей широкое распространение и оказавшей весьма ощутимое воздействие на всю духовную жизнь китайского средневековья. Вместе с тем бьются как бы сопрягают сюжетную прозу, главным образом короткий рассказ (сяшо) периода III—VI вв., с позднейшим развитием китайской повествовательной прозы. Все это трудно переоценить с точки зрения объективного анализа литературного процесса в Китае и его взаимосвязей с развитием словесного искусства внешнего мира, в данном случае с литературой Индии.

Процесс взаимосвязей, взаимного влияния и обогащения литератур возник в самые отдаленные времена. Это общая закономерность развития регионального и общемирового словесного искусства. Исключительно важна здесь роль переводов. Известно, что еще древние римляне переводили и распространяли произведения древних греков. Примечательно также, что в армянской рукописи 1240 г. упоминается об одном переводчике, что «он обладал переводческим даром и постоянно изучал творения всех народов, и полезное, отсутствующее в нашей литературе, он старательно сам переводил, а также привлекал к этой работе других переводчиков»¹.

Уже на самых ранних стадиях развития каждой национальной литературы играет свою роль и взаимодействие с литературой других народов. У создателей произведений словесно-речевого искусства — безвестных народных певцов или авторов письменной литературы — при соприкосновении с иноземными культурами возникает естественный интерес к творчеству других народов, стремление узнать и воспринять все наиболее ценное в их материальной и духовной жизни.

Так было всегда, с самых древних времен, начиная с периода мифотворчества и изустной поэтической традиции. Характерно это для исторического и культурного развития любого народа. Герметичной замкнутости национального мира в действительности не бывает, как не бывает так на-

зываемой исключительности. Не составляя здесь исключения и развитие китайской литературы, одной из древнейших литератур мира, обладающей устойчивой преемственностью, длительной традицией непрерывного развития.

Мы исходим из того понимания, что в научные исследования филологов, историков, социологов и эстетиков, в которых проявляется новый свет на различные стороны человеческого бытия, содержатся оригинальные наблюдения и творческие суждения, могут играть существенную роль в интеллектуальном развитии современного человека, обогащении его эстетического мира.

Общезвестно убеждение К. Маркса и В. И. Ленина в том, что все культуры богатства, созданные человечеством, являются достоянием народа и без овладения ими невозможно развитие подлинно социалистической идеологии и культуры. Глубокое это убеждение основоположников научного коммунизма сохраняет свое значение и в наше время. Оно оставалось постоянным и не подвергалось изменениям в зависимости от каких-либо конъюнктурных обстоятельств или от веяний политической погоды, как это наблюдается, в частности, в нынешнем Китае. Более того, этот марксистско-ленинский взгляд приобретает особую актуальность теперь в борьбе с разного рода проявлениями нигилистических отношений к культурному наследию прошлого со стороны анархических и ревизионистских течений, стремящихся подменить истинное противоборство тезисами «революционного» и «старого» и «феодалного» искусства и эстетики.

Сохранение и овладение накопленным человечеством культурным достоянием, сокровищами художественной мысли представляет собой неотъемлемое условие духовного и нравственного формирования человека нашего времени. Существенно при этом замечание В. И. Ленина, что «хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством»².

Что же уносят люди из прошлого, стряхивая с ног своих его прах и устремляясь в неизведанное будущее? Перед исследователем неизбежно возникает вопрос о том, входят ли эти ценности в современность, которая пролегает между хранилищем прошлого и тем будущим, которое складывается в минувшем и создается человеком в настоящем. Проблемы слова и его выразительности занимали человечество с незапамятных времен. То, что говорилось во времена античности, в Греции и Риме, в Древнем Китае или Индии, во многом сохраняет свое значение и поныне. Писатели и поэты, филологи и эстетики в потоке современной мысли не устают спорить, высказывать свои суждения по различным сторонам содержания и формы данной проблемы.

¹ «Памятники армянской агнографии». Ереван, 1973, стр. 81.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 2, стр. 542.

Литературные произведения бьяньвэнь, создание которых восходит к VIII—XI вв., относятся к ценнейшему культурному наследию китайского народа, к неповторимому его духовному достоянию. Всестороннее изучение словесного творчества китайской старины представляет, с нашей точки зрения, несомненный научный интерес, имеет свое общественное значение. События последних лет в Китае достаточно убедительно обнаруживают важность и актуальность марксистского исследования литературного и философского наследия прошлого, всего того, что на протяжении веков создавалось мыслью и творческими усилиями китайского народа и что входит ценным его вкладом в сокровищницу мирового речевого искусства. Именно из-за китайской стены все еще доносится весьма странное суждение о ненужности культуры прошлого, о предании анафеме литературного наследия китайского народа, не прекращаются призывы к уничтожению прежних ценностей без видоизменения «феодалской отравы», к тому, чтобы навсегда убить традицию, бережно сохраняемую народом с незапамятных времен. Уничтожая источники прекрасного, маонизм уничтожает общечеловеческое словесное творчество. Но испепеляя и вычеркивая из памяти прошлое китайского народа, великие его традиции и культурное наследие, что же в ней они оставляют? Убить традицию — значит уничтожить наследие прошлого, вековые сокровища культуры. Значит посягнуть и на самого человека — творца материальных и духовных ценностей. Убивать традицию — значит уничтожать не только прошлое и настоящее. Это значит уничтожить перспективу будущего. Разве труды поколений, творения ума и сердца неисчислимы мастеров слова — мертвый труп веков? Нет, это неотторжимая часть великой культуры, живая реальность словесного искусства китайского народа.

Лишение культурного наследия китайского народа означало бы лишение его духовного потенциала, жизненной перспективы. Это — путь самоуничтожения, гибели, грозивший тем, что с лица земли были бы стертые бесценные творения искусства и культуры, создававшиеся неисчислимыми поколениями китайского народа. Это привело бы к опасному подрыву моральных сил, опасности и для самого человека.

Перед исследователем китайской литературы возникают все новые проблемы, но многие из них и не заметишь, как они уже углубились, отодвинулись в прошлое, уступили место другим, иногда чему-то ясному, а порой и ожиданию, ожиданию чего-то значимого, необычайного. Но впечатление, будто все уходит в минувшее, в невозвратное прошлое, едва ли не заблуждение. Ничто же проходит бесследно. В новых явлениях живет и нечто старое. В художественном слове и сознании что-то откладывается, неустранимо вливается в них, обращаясь то

почти в невидимую, а то и в очень осязаемую силу в литературном процессе.

Всеневестно, что многие вещи — произведения литературы и искусства прошлого — не отвечают нынешнему времени, но мы их оберегаем, продолжаем ценить. И в этом мы видим свидетельство непреходящего значения подлинного творчества, великих ценностей человеческого созидания. Не переставая восхищаться неумирающими памятниками материальной и духовной культуры, творениями архитектуры и ваяния, живописи и, скажем, керамики различных народов и цивилизаций, мы стараемся осмыслить особенности и своеобразие этих великих ценностей. Памятники египетской скульптуры, конечно же, доносят до нас эпоху древности с ее высоким мастерством ваятелей и архитекторов, но памятники эти, при всей их неповторимой самобытности, не обладают той лиричностью, которую, к примеру, таит в себе великая поэзия античного мира или китайской древности. С уверенностью можно сказать, что никто еще до конца не исчерпал Гомера, Цюй Юаня, Шекспира, Данте, Пушкина, Ли Бо, Толстого, Достоевского, Лу Синя — им нет границ, нет полной им меры. В их словесном искусстве заключены извечные человеческие ценности.

Можно сказать, что благодаря памятникам прошлого, истории и литературы, в частности Дунхуанским бьяньвэнь, минувшие эпохи постоянно обращены к последующим поколениям. Они предстают перед нашими глазами и мыслью, напоминая нам о глубине времени, о корнях человеческой родословной. В этом нельзя не замечать связь времен, неотвратимость исторического процесса, как и нескончаемость художественного творчества, словесно-речевого искусства.

Современный человек обращается к помощи всей культуры, стремясь раздвинуть границы духовного мира, вместить в своем сознании небывалый поток сведений, новейшей информации, но вместе с тем пытаясь устоять перед нарастающим шквалом идей, граничащих с безумием, перед захватывающим дух ощущением нескончаемости мироздания. Неостановим поток времен. В наше нынешнее входит непременно часть от прошлого и какая-то часть от будущего. И разве взаимодействие и противоборство этих составляющих частей не является тем, что мы называем современностью? Но что представляет собой понятие времени для литературы? Время — это прежде всего человек, типы и образы людей. Человек в самой своей сущности и есть живое воплощение времени, истории. Многого, бездна самих посылок идет от прошлого. И потому невозможно осмыслить настоящего без знания минувшего, наследия прошлого. Нельзя увидеть и будущее. Здесь должна быть усвоена живая связь времен. Примечательны в этой связи слова Николая Рериха: «Странны такие противоположения. Кто обернул лишь

к прошлому, а кто смотрит на будущее. Почему же не мыслится синтез, связывающий одну вечную нить знания? Ведь и прошлое и будущее не только не исключают друг друга, но, наоборот, лишь взаимокрепляют... Конечно, будущее в своей беспредельности окрыляет и вдохновляет. И вообще, разве можно не любить будущее? Разве прошлое не является чудесными вратами к тому будущему достижению?»

У каждой исторической эпохи свой взгляд на минувшее, на творцов духовных ценностей прошлого. По слову Гейне, позднейшие поколения откроют в Гёте, помимо способности пластически созерцать, чувствовать и мыслить, многое другое, о чем мы не имеем теперь никакого представления. При этом Гейне отмечал также, что каждая эпоха, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза и видит в старинных созданиях человеческого духа много нового. Движение времени, то есть жизни, в литературе определяется тем, что в ней возникают характеры, типы, образы, которые, в сущности, воплощают в себе, помимо прочего, приметы времени, черты эпохи. И нередко на типичных этих персонажах как бы лежит ответ будущего.

Поколения людей, как и мы, воспитывались классической литературой, огромным тем наследием, которое создавалось светлыми гениями человечества. Воспитывались, но и продолжаем жить в сфере действия ее гуманизма. И мы не видим причин без срока от нее отказываться. Священный долг новых поколений — бережно сохранять наследие, ценить высшие творения человеческого духа, национальной культуры, общемировые художественные ценности. Это и есть путь познания человека, человека в мире и мира в человеке.

Судьба Дуньхуанских свитков

Едва ли людей перестанут когда-либо волновать судьбы книг, письменные памятники, древние свитки. Всю свою историю человечество ведет накопление духовных ценностей, моральных сокровищ, судьба которых нередко бывает самой неожиданной и трагичной. И потому разве это не творческая удача, когда исследователь может взглянуть на мир древних, как бы заново прочтя чудом обнаруженный литературный первоисточник? Разве не является открытием то, что мы узнали, какие ценности словесного искусства веками скрывались в заброшенных пещерах Дуньхуана?

Открыть глаза и взглянуть на мир далекой старины: увидеть человека и его жизнь такими, как они были в действительности, — необыкновенно трудно. Бяньвэнь относится к литературным явлениям, отделенным от нас тысячелетней дистанцией. Однако, оказавшись погребенными в Дуньхуанских пе-

щерах, бяньвэнь отнюдь не были замурованы в рамках своего времени или замурованы от дальнейшего развития литературного процесса в Китае.

Многочисленность судьба рукописей произведений бяньвэнь. Она, несомненно, заслуживает внимания. По многим причинам. История рукописных свитков связана с Дуньхуаном, где в X—XII вв. влияние буддийской литературы достигло чрезвычайно высокого уровня.

Касаясь некоторых проблем изучения бяньвэнь, известный их исследователь Л. Н. Меньшиков отмечает, что, несмотря на многочисленность в последние десятилетия публикаций бяньвэнь из Дуньхуанской библиотеки, обнаруженной в 1900 г. в пещерах Могао, провинции Ганьсу, все же нельзя считать вполне законченными их публикации бяньвэнь, ни тем более познание бяньвэнь, их истории, их значения для развития китайской литературы. Автор при этом указывает в качестве первой причины такого положения на «рассеянность Дуньхуанского собрания по разным хранилищам мира»³, отмечая, что из общего количества зарегистрированных в каталогах примерно 36 000 китайских рукописей в Пекинской библиотеке насчитывается около 10 000, а остальные — во Франции, Англии, Японии и т. д. Кроме того, в «Сводный указатель» не вошли 12 000 номеров коллекции Института востоковедения АН СССР в Ленинграде. Напомним, кстати, что существованием рукописей Института востоковедения мы обязаны академику С. Ф. Ольденбургу, который с помощью современных научных методов обнаружил их при раскопках пещер Могао, в хранилище, считавшемся в 1914 г. пустым, и легально привез их в Русской Туркестанской экспедиции 1914—1915 годов⁴.

Что же касается, по очень деликатному выражению Л. Н. Меньшикова, «рассеянности» рукописей Дуньхуана по хранилищам Парижа, Лондона, Токио, то это весьма красноречиво описывается известным китайским ученым Чжэн Чжэнь-до в его «Иллюстрированной истории китайской литературы»⁵, в главе «Появление бяньвэнь». Прибывший в 1907 г. в Китай А. Стейн, ра-

³ Л. Н. Меньшиков. Бяньвэнь о «Воздаянии за милости». М., 1972, стр. 19.

⁴ См.: К. К. Флуг. Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения АН СССР. — «Библиография Востока». Вып. 8—9, 1935, стр. 96—115; М. И. Воробьева-Десятовская, П. С. Гуревич, Л. Н. Меньшиков, В. С. Спириин, С. Л. Школяр. Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии АН СССР. Вып. 1. М., 1963; то же. Вып. 2. М., 1967.

⁵ Чжэн Чжэнь-до. Иллюстрированная история китайской литературы. Т. 2. Бэйпин, 1932, гл. XXIII, стр. 583—584.

бегавший в Индии, отмечает профессор Чжэн Чжэнь-до, прослышал, что в Дуньхуанской пещере «Тысяча будд» обнаружены различные древние рукописи, и тотчас востерился туда вместе со своим китайским сотрудником неким Цзяном и обманшим другом склонил хранителя пещеры по фамилии Ван Юань-лу к продаже ему сокровищ хранилища. В результате Стейну удалось вывезти из Дуньхуана в Англию двадцать четыре ящика древних рукописей и пять ящиков картин, вышивок ручной работы и т. п. Все эти бесценные произведения Дуньхуана, подчеркивает далее Чжэн Чжэнь-до, имеют огромное значение для понимания искусства, культуры и истории китайского средневековья. Особенно же существенными оказались различные рукописные материалы. Это было самое крупное в последнюю эпоху обнаружение перографических рукописей, которые имели несравненную важность для понимания классической литературы, истории, простонародной литературы и т. д.

Расхищение Дуньхуанских рукописей на этом, однако, не окончилось. Вслед за Стейном в пещеру «Тысяча будд» прибыл французский синолог Поль Пеллино, который в свою очередь беспрепятственно вывез изрядное количество Дуньхуанских рукописей и различных предметов искусств. Когда же Пекинскому правительству стало обзо всем этом известно, то местным властям в Ганьсу было предписано принять меры к сохранению Дуньхуанских рукописей. Но было слишком поздно. Оставшиеся свитки оказались в основном лишь буддийскими сутрами, все же ценнейшие рукописные произведения Дуньхуана уже успели стать собственностью музеев и библиотек Англии и Франции, а также некоторых казенных лиц и вельмож, воспользовавшихся своим положением и незаконно присвоивших национальное достояние.

Такова одна из бесславных страниц «эры» открытия культуры Востока западноевропейскими эмиссарами⁶.

Хорошо известно, что многочисленные произведения искусства азиатских стран — керамика, бронза, фарфор, лак, скульптура, живопись — разными путями и методами добывались европейцами, которые буквально со сказочной щедростью набивали ими все музеи, галереи и выставочные павильоны на Западе. Поистине чудовищными представлялись мне в Европе и Америке коллекции частных лиц, которые укрывают, словно в подземном захоронении, в стальных сейфах и контейнерах с электронным устройством редчайшие образцы китайской

бронзы чжоуского периода, сунского фарфора, старинной живописи и каллиграфии, причем не столько как бесценные творения искусства, сколько в качестве самого надежного капиталовложения, нередко исчисляемого многомиллионными суммами долларов и фунтов стерлингов. И они, конечно, стоят дорого. При этом художественные произведения Востока, особенно древние, неперестанно повышаются и в рыночной стоимости, и в их эстетической значимости.

Не секрет, что процесс «приобретения» художественных сокровищ, созданных на Востоке, и «рассеивания» их на Западе весьма интенсивно продолжается уже на протяжении многих десятилетий, если не сказать — веков. При этом европейские и американские «коллекционеры» никогда не стеснялись в выборе средств и не останавливались ни перед чем, шли на применение железа и огня, любого насилия и обмана, чтобы завладеть уникальными творениями восточных мастеров. Кому приходилось бывать на Западе и соприкасаться с произведениями искусства, тот знает, что там действуют целые легионы контрабандистов, профессиональные гильдии антикваров и гангстерские кланы, которые торговлю произведениями восточного искусства сделали предметом наживы и обогащения. Сверх того, возник чудовищный мир «авторитетов» и «экспертов», занимающихся фальсификацией и подделкой предметов восточного искусства.

Все это — элементарные факты, из которых, впрочем, никто на Западе никогда не делал особой тайны. Напротив, в буржуазной прессе чуть ли не каждодневно публикуются сенсации и уголовная хроника об ограблении музеев и частных коллекций, а также о спекулятивных операциях фальшивыми предметами восточного антикварната.

Самоочевидно, однако, что, пока китайская бронза или стела средней величины будет стоить на нью-йоркских аукционах сто или двести тысяч долларов, едва ли будет существовать надежда положить конец торгашеству и достойным образом оценить культурные эти сокровища. Тайные троны контрабандистов, которые использовались в Китае, протянулись теперь от Африки и латиноамериканских джунглей до Мэдисон-авеню в Нью-Йорке. В США и Европе, пожалуй, нет такого миллионера, который не мог бы похвастать собственной коллекцией произведений древнего искусства Азии и Африки.

В течение последних лет в западном мире значительно выросла стоимость произведений африканского искусства. Астрономические цены, легкая возможность быстро нажиться привели к тому, что спекуляции масками, ритуальными статуями и другими предметами приобретает невиданный размах. Кроме перепродажи уже ранее вывезенных из Африки тысяч произведений самобытного искусства, продолжают скупка

⁶ История возникновения рукописной библиотеки в Дуньхуане описана китайскими авторами в ряде книг. См., в частности: Цзян Лян-фу. Дуньхуан — великая сокровищница культуры. Шанхай, 1956; Пань Се-цзы. Искусство пещер Могао в Дуньхуане. Шанхай, 1957.

и контрабандный вывоз сохранившихся в Африке художественных ценностей. Нередко исчезают уникальные экспонаты из местных музеев. Грабят могилы, алтари и жертвенники. В кенийской прессе, например, неоднократно сообщалось, что с могил и из домов старинного города Ламу были варварски выломаны и увезены каменные резные барельефы. Председатель комиссии древностей Нигерии профессор Биобаку заявил в сентябре 1974 г., что в стране действует хорошо организованная сеть спекулянтов, скупающих и вывозящих произведения искусства из Нигерии. По подсчетам нигерийского ученого, стоимость украденных художественных и ритуальных вещей составляет более 30 млн. долл.

Тысячи произведений африканского искусства появляются регулярно на аукционах Парижа, Лондона, Брюсселя, Нью-Йорка, обогащая горстку спекулянтов, скупщиков краденых сокровищ. В Африке нарастает волна возмущения этим открытым грабежом культурных ценностей континента, приведшим к тому, что лучшие образцы творчества африканских народов можно увидеть, как правило, не на родине, а в западноевропейских и американских коллекциях.

Нужно ли доказывать, что художественные произведения Востока, экспонируемые в музеях и выставочных залах на Западе, сами по себе красноречиво свидетельствуют о глубоко самобытной и оригинальной культуре Востока, неизменно вызывая естественный эстетический восторг у европейских народов, чрезвычайно высоко ими оцениваются. Парадоксально, однако, что, игнорируя все это, приверженцы дискриминационных и нигилистических догм, проповедуемых на Западе, позволяют себе отрицать тот огромный вклад в сокровищницу общемирового искусства, который принадлежит народам Востока. При этом разыскания последних десятилетий, ознаменовавшиеся новыми археологическими находками и научными открытиями, свидетельствуют о том, что древние творения восточных культур обладали удивительной глубиной и художественным совершенством, порой не постижимым мастерством, своими тайнами искусства. И далеко не все познано, не все еще извлечено из недр земли, таящей в себе духовное наследие средневековья, огромный мир цивилизации восточных народов с их эстетико-литературными богатствами и сокровищами искусства. Что же касается Китая, то для него настоящие открытия археологии еще впереди.

Возвращение к истокам

Весьма существенно для нас установление времени и путей проникновения буддизма и его литературы в Китай. Знание эпохи возникновения связей и взаимовлия-

ния (нас в первую очередь интересует вопрос воздействия индийской литературы на китайскую, а не наоборот, хотя это также важно учитывать при исследовании проблемы) индийской и китайской литератур, несомненно, помогло бы объективнее проанализировать историю дальнейшего развития словесного искусства китайцев.

Проникновение буддизма в Китай, согласно письменным источникам, относится к I—II вв., хотя некоторые исследователи называют более раннюю эпоху⁷. Точную дату начала этого процесса, однако, определить теперь довольно сложно. Это, видимо, область потерянных следов.

Начало переводов иноязычных литературных произведений на китайский уходит в глубину старину. И установить точное время появления первых переводов в Китае теперь весьма затруднительно. Существующие версии по этому поводу в китайских источниках довольно противоречивы и недостаточно убедительны. Согласно традициям, появление первых переводов буддийских сутр связано с упоминанием в текстах императорских вердиктов первого столетия иноязычных слов — буддийской терминологии. Чжэн Чжэнь-до в работе «Проникновение буддийской литературы» упоминает, в частности, ответное послание императора Мин-ди от 65 г. Чускомо вану Лю Ину, где встречаются три иноземных слова (футу, ипусай, санмэнь), которые свидетельствуют о знакомстве уже в то время с некоторыми терминами буддийского канона.

Более надежными, пожалуй, являются сведения о наиболее ранних переводчиках буддийских сутр, деятельность которых относится к концу династии Хань (после 147 г.): Ань Ши-гао (китайская транскрипция), Чжи Чань, Ань Сюань, Кан Цзюй, Янь Фу-дяо и др.⁸ Они прибыли в столицу Китая того времени — город Лоян, расположенный вблизи Великого шелкового пути и ставший во II в. крупным очагом буддизма в Китае. Именно сюда устремлялись буддийские монахи и проповедники из Индии, Центральной и Средней Азии, где буддизм получил широкое распространение. Здесь же, близ Лояна, был возведен едва ли не самый первый (более ранними сведениями наука не располагает) буддийский храм Байма сы — Храм белой лошади, получивший это название, по преданию, в

⁷ См.: Тан Юн-тун, История буддизма во время Хань, Вэй, обеих Цзинь, Северных и Южных династий, Шанхай, 1938; В. М. Алексеев. Главы из истории китайизации буддизма. Изв. АН СССР, ОЛЯ. Т. 6. Вып. 5, 1947; Пэй Цу-сянь. Исследования по литературным связям Китая и Индии. Тайбэй, 1959.

⁸ См.: В. Хрдличкова. Первые переводы буддийских сутр в китайской литературе и их место в развитии рассказывания историй. Архив ориенталики. Прага, 1958.

сть первых сутр, доставленных буддийскими монахами на лошади белой масти. В храме Байма сы традицией связывается судьба двух буддийских монахов из Индии — Кашьяпы Матагни и Дхармараты, которые доставили в Лоян сутры, икографические изображения Будды и после этого провели в Байма сы всю свою жизнь, всецело посвятив себя переводам буддийского канона на китайский язык. Именно трудам этих монахов приписывается перевод наиболее ранних произведений буддийской литературы, в частности произведенной «Сутры из 42 статей» — «Фошо шишиэрчжан цзин». По замечанию Чжэн Цзэнь-до, это был отнюдь не перевод в строгом смысле слова, а всего лишь компиляция или изложение основных положений буддийского канона либо различных санскритских сочинений. Что же касается жанра и стиля оригинала, то от них мало что сохранилось. Все литературное своеобразие памятника иноземной словесности интерпретаторы приносили в жертву, заботясь лишь о прилаживании его к местным, чисто китайским понятиям и представлениям и полагая, что лучше и совершеннее своего не существует ничего.

Осуществление перевода само по себе представляло значительные трудности уже в силу того, что Древний Китай долгое время находился в изоляции или самонизоляции. Хорошо известно неприязненное, если не сказать презрительное, отношение, существовавшее в Китае с незапамятных времен, к чужеземным наукам, ко всему иноземному только потому, что оно не китайское, не признанное мудрецами китайской старины. Рассматривая Китай как центр вселенной, китайцы искони считали остальных варварами и дикарями, у которых нечему учиться. Отсутствие связей с культурами других стран, кроме разве эпизодических контактов, своего рода отчужденность от внешнего мира привели к тому, помимо прочего, что в Китае не было людей, сколько-нибудь знакомых с иноземными языками. О знатоках иностранной письменности и литературы говорить не приходится.

Вследствие этого первое же соприкосновение китайцев с санскритом и буддийской литературой обнаружило полную их беспомощность: они оказались неспособны своими силами справиться с прочтением и тем более переводом буддийских сочинений. Преодоление языкового барьера потребовало у китайцев усилий на протяжении не одного столетия. Задача перевода буддийской литературы всецело выполнялась иноземными переводчиками — буддийскими проповедниками и монахами. Однако овладение китайским языком, особенно нероглифической письменностью, в свою очередь потребовало от них усердного труда в течение многих десятилетий.

Именно этим объясняется то, что первые переводы на китайский язык буддийских сутр лишь очень отдаленно напоминали оригиналы: это была столь же примитивная,

сколь и произвольная передача приблизительного их смысла. Словом, перевод в действительности подменялся свободной импровизацией, которая усугублялась убожеством словарных средств, к тому же не литературного языка оригинала, а более доступной иноземцам бытовой разговорной речи.

Языковой барьер, однако, был не единственным и не самым главным препятствием. Сами представления, философские категории, этические взгляды и нормы буддизма оказались совершенно новыми, а во многом чуждыми китайцам, их мировосприятию, всему образу их мышления, традициям и жизненному укладу.

Буддизм и его каноническая литература начали проникать в Китай в то время, когда там уже существовала сложившаяся система философских взглядов и литературных традиций, возникших в целом на основе конфуцианства и даосизма. Разные, а часто диаметрально противоположные взгляды и принципы иноземной и китайской культур вступили — не могли не вступить — в противоречия. Глубокими и непримиримыми противоречиями между, с одной стороны, идеалистическим религиозно-философским миропониманием буддизма с его учением о сансаре, карме, аде и рае, пантеоне богов, а с другой — конфуцианским мировоззрением, морально-этическим учением, культурами неба, природы, предков, героев. Воспитанным в конфуцианских традициях, согласно которым «смерть и рождение определяются небесным повелением, богатство и достаток зависят от неба», китайцам, впервые соприкоснувшимся с иноземной религией, проповедующей отрешение от всего земного в целях постижения истины и процветания, уход от самой жизни и отказ от потомства (а значит, от сыновнего почитания и культа предков) во имя перерождения и нирваны — все это не могло не представиться, по крайней мере правоверным конфуцианцам, чем-то странным и чудовищным.

И в области литературы и искусства обнаруживались различные взгляды буддизма и конфуцианства с его рационалистическими принципами в подходе к словесности. Многие обращались против тенденции конфуцианства низводить литературу, в частности поэтическое творчество, до прагматической и утилитарной роли в распространении своих догм, против использования художественного творчества в зарифмованные поучения и проповеди прописных истин.

Однако едва ли не самое главное состояло в том, что конфуцианство усматривало в проникновении буддизма в Китай серьезную потенциальную угрозу своему идеологическому и духовному господству, а фактически — и политическому режиму, не одно столетие им утверждавшемуся в китайском обществе. Дальнейший ход исторических событий показал, что предвидения и

опасения этих конфуцианских идеологов не были лишены оснований.

Пути распространения буддизма в Китае были, однако, весьма многосложны и противоречивы. В отличие и, более того, в противоположность конфуцианству уже с самого начала проникновения буддизма в Китай религиозный даосизм оказался той благодатной почвой, на которой получило свое развитие его сближение с буддийским мировоззрением. Причем процесс этот носил обоюдный взаимопроникающий характер. Согласно литературным источникам, буддийское вероучение истолковывалось поначалу как своего рода разновидность религиозного даосизма, что, несомненно, способствовало его утверждению в духовной жизни китайцев и вместе с тем совпадало с устремлениями даосских проповедников⁹. Совпадало, поскольку именно в этот период в свою очередь идеи даосизма приобретали популярность в китайской духовной жизни, противоборствуя с конфуцианским мировоззрением.

Сама природа даосизма с его мистикой и интуитивизмом, требованием подавления в человеке всякой мысли и воли, чувств и желаний, дабы тело превратилось в подобие сухого пня, а сердце — в остывший пепел, явилась для буддийских идей наиболее плодотворной средой, в которой они могли развиваться и обретать новых сторонников. Даосы, со своей стороны, увидели в буддизме заманчивые горизонты, начав широко использовать из его духовного арсенала все, что только было способно обогатить даосское вероучение. В результате такого синтеза идей Будда оказался включенным в даосский пантеон наравне с обожествленными полумифическими Хуан-ди и Лао-цзы. Согласно «Истории поздней Хань», ханьский император Хуань (Хуань-ди) в 166 г. н. э. совершил обряд вознесения жертв одновременно духам Будды и Лао-цзы¹⁰. Именно под влиянием буддизма один из главнейших принципов даосизма, «недеяние» — «увэй», то есть «неотклонение» от естественного хода вещей и событий, стал истолковываться как отказ от активной деятельности, как пассивность.

Значение буддизма для оформления даосизма как религии (а не философского учения) выразилось также в том, что даосизм создал обширную литературу по типу буддийских сутр (их часто называют «даосскими сутрами»), а его пантеон в значительной степени возводился по образу и подобию с буддийским: в него вошел и Будда, и многие другие — Гуаньинь, Милэ, Пусянь, Вэньшу, то есть Авалокитешвара, Майтрея, Самантабhadра, Манджушры и др. Многие

также было заимствовано от буддийской сурядности и т. д. Все это способствовало образованию в период Сун и Мин смешанных буддийско-даосских вероучений (сект).

Примечательно, что при переводе буддийских сутр в значительной мере использовалась лексика и терминология даосского учения, в основном из трактата «Даодэ цзы», авторство которого связывается с именем Лао-цзы. Даосская терминология в силу своего вероучения даосизма, в отличие, например, от конфуцианства, в наибольшей степени отвечала сути и лексике буддийского канона, особенно на раннем этапе проникновения буддизма в Китай и в первоначальной его китайской интерпретации. В дальнейшем терминология постепенно изменялась по мере разработки методики перевода буддийского канона и его приспособления к китайским условиям деятельности. Так, например, понятие «увэй» было избрано буддийскими проповедниками в качестве термина «нирвана»¹¹. Между тем «увэй» — «недеяние» в даосском вероучении представляет собой сущность социально-этнической концепции, теоретическим источником которой была доктрина о бесконечном потоке естественного развития вещей. Причем основой существования мира, неисчерпаемым источником всех окружающих явлений и вещей выступает некое Дао (путь, мировой путь, мировая первопричина, трансцендентное бытие); единое, всеобщее, беспредельное, всеохватное, вечное, незримое, неслышимое, неназываемое Дао, воплощающее непрерывный процесс рождения, нескончаемое изменение неба и земли. Иными словами, речь идет о естественном законе, о всеобщем законе возникновения и развития вещей в мире. И здесь самоочевидно различие между в целом материалистическим содержанием Дао и конфуцианским понятием «небесное повеление» — «тяньмин», категорией явно идеалистической. Иным по своей сути представляется и буддийское понятие «нирвана», первоначально означавшее на санскрите «успокоение», «угасание», «пассивность», то есть полную отрешенность от всего земного, отказ от самой жизни. Как видим, это отнюдь не то же, что даосское «увэй», то есть «недеяние», в том смысле, что не следует ничего делать такого, что нарушает природные закономерности, следование естественному ходу вещей, неотклонение от естественного развития, следование процессу самой жизни.

Изложенное помогает понять, что контрасты здесь так велики, а своеобразие и специфика понятий «увэй», «нирвана» и «тяньмин» столь очевидны, что вряд ли уместны тут старания к какой-либо схематизации или типологизации. Думается, что именно в силу различной внутренней природы буддизма, даосизма и конфуцианства

⁹ См.: Л. С. Васильев. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970, стр. 306—309.

¹⁰ «История поздней Хань». — «Эршиси ши соинь бонабэнь». Т. 3, Пекин, 1958, стр. 138.

¹¹ См.: Л. С. Васильев. Культы, религии, традиции в Китае, М., 1970, стр. 307.

безуспешными оказались всякие попытки их синкретизирования, попытки механического соединения или синкретизации чуждых друг другу в идейном, религиозном и философском отношениях доктрин. В конечном счете неотвратно наступало своеобразное взаимное отторжение, обусловленное «внутриклеточной несовместимостью» сущностной их природы. Это не противоречит, однако, тому, что три указанных учения, хотя религии — саянцзяо, не находили путей сожительства. Известно, что еще в конце VI в. Ван Туном был представлен трону долао «трех религий», в котором как бы очерчивались сферы их действия в жизни Китая. Своеобразное это определение роли и места «саянцзяо», в общем, сохраняло свое значение на протяжении многих веков: государство и семья — область конфуцианства; изучение природы, медицина, магия — сфера даосизма; отношения человек — человек отводились буддизму. «Конфликты» возникали при нарушении «сфер влияния», когда та или иная религия вторгалась в чуждые пределы».

Вместе с тем история проникновения и развития буддизма в Китае свидетельствует о том, что шел необратимый процесс кинетизации буддийского вероучения, происходившей под воздействием как даосизма, так и конфуцианства. И здесь, пожалуй, можно обнаружить некоторые хронологические контуры: если на раннем этапе проникновения буддизма в Китае, как нами было отмечено, на первый план выступал даосизм, то для последующего периода характерна заметная активизация конфуцианства. И как ни парадоксально, буддизм, который почти в течение двух тысячелетий не просто утвердился, но долгое время был господствующей религией в Китае, оказал глубокое влияние на развитие китайской культуры, сам оказался объектом сильнейшего воздействия главным образом со стороны даосизма и конфуцианства, претерпел радикальное изменение, испытав на себе мощную фазу китанизации.

Важно отметить и другое явление: буддийские проповедники проявили удивительную изощренность в приспособлении своего вероучения к самым различным условиям материального и духовного характера, используя при этом национальные возможности, в том числе местные самобытные учения, их понятия, терминологию и фразеологию, в целях самоутверждения и собственного господства. Древний этот опыт ис-

пользования и манипулирования терминологией, взятой из других учений в целях подмены одних понятий другими, политически или идеологически выгодными определенным социальным сферам, как видно, до сих пор не остался забытым в Китае.

Первые проповедники буддизма в Китае были пришельцами из разных земель: Ань Ши-гао из Парфии, Кан Цзюй из Хорезма, Чжи Чань из Кушанского царства и т. д. Главная их цель пребывания в Лояне состояла в распространении буддизма, в переводе на китайский язык канонических текстов. Наибольшие успехи в области перевода буддийских сочинений, согласно литературным источникам, приписываются Ань Ши-гао, который снискал славу основоположника интерпретации буддизма в Китае.

Известно, что самым первым переводчиком из числа китайцев (ханьцев) был Янь Фо-дяо, который вместе с Ань Сюанем (парфиец) переложил на китайский язык знаменитую сутру «Вэймоцзе» и другие буддийские тексты. Характерно, что иноземцы с самого начала II в. играли ведущую роль в переводах буддийского канона и толковании его содержания. Аналогичная картина наблюдалась и в период Троецарствия (III в.), когда переводы осуществлялись все теми же иностранными проповедниками буддизма (Кан Сэн-хой, Вэй Чжи-нань, Чжу Цзян-янь и др.).

Величайшая эпоха переводов, по мнению Чжэн Чжэнь-до, наступила после 317 г., когда Китай был охвачен борьбой инородческих кочевых племен за власть, когда страна, подвергшаяся варварскому «варваров», раскололась на «варварские» династии — северные и южные, а народ оказался ввергнутым в крайне бедственное положение. Именно в это время жестоких испытаний проповедники буддизма с невероятной одержимостью активизировали свою религиозную деятельность. Только в Лояне, тогдашней столице Китая, насчитывалось огромное множество буддийских монастырей, которые продолжали развивать бурную активность, хотя и неоднократно подвергались нападениям и погромам. Среди приверженцев буддизма в ту эпоху были многие выдающиеся китайские литераторы, в том числе Се Лин-юнь, Шэнь Юэ, Ле Се и др. Однако в связи с тем, что буддизм приобрел громадное влияние в общественной жизни, в стране начались антибуддийские выступления. Наибольшее внимание вызвало обнаружение трактата «Об уничтожении духа» Фань Чжэня (V—VI вв.), выдающегося мыслителя, представителя материалистического миропонимания. Подвергая обличительной критике буддийских проповедников, высмеивая паразитический образ их жизни, Фань Чжэнь утверждал, в частности: «Если тело существует, то существует также и дух: если же тело разрушается, то погибает и дух. Тело есть субстанция духа, а дух — функция тела». Фань Чжэнь, таким образом, опровергал буддийское представ-

121 В связи с проблемой китанизации буддизма и религиозно-этической синкретизации внимания заслуживают ценные наблюдения акад. В. М. Алексеева в статье «Главнейшие истории китанизации буддизма», Изв. ИИ АН СССР, ОЛЯ, Т. 6, Вып. 5, 1947, а также в его кн.: «В старом Китае», М., 1958. См. также интересные соображения Л. С. Алексеева в его работе «Культы, религии, традиции в Китае», М., 1970.

ление о бессмертии и доказывал, что душа человека смертна, как смертно его тело.

Атеистические выступления Фань Чжэня вызвали ожесточенные нападки на него со стороны приверженцев буддизма. Особенно непримиримо вели себя сторонники идеалистической школы «Чистой земли», возглавлявшейся Хой-юанем, автором трактата «Белое и черное» Хой-линем, а также проповедником буддизма Цзун-бином, Хэ-шаном и др.

Господство буддизма в Китае в эту эпоху, отмечает Чжэн Чжэнь-до, имело свои корни и причинность. Оно явилось результатом долголетнего скрытого процесса развития, которое достигло своего апогея в период подъема восстаний кочевников, среди которых многие исповедовали буддизм. Определенную роль сыграло и то, что во время внутривосточной смуты в Китае некоторые слои населения легко подвергались религиозному воздействию и склонялись к вере в будущую жизнь. В условиях слабых и маловлиятельных исконно китайских религий буддизм сумел завоевать доминирующие позиции в духовной жизни страны и превратиться в господствующую религию. Одной из причин этого положения явилось также то, что многочисленные последователи буддизма, движимые духом мученичества и самопожертвования, верой, будто страдание просветляет темные души, активно и самозабвенно распространяли буддизм, посвящая себя проповедничеству и переводам буддийских канонических сочинений на китайский язык.

Исследование жанра бяньвэнь

Начало собиранию и освещению бяньвэнь было положено известным китайским ученым Ло Чжэнь-юем, опубликовавшим в 1924 г. из собственной коллекции сборник первых текстов «Дуньхуанские находки». Благодаря этой публикации широкую известность получили такие произведения бяньвэнь, как «Песнь о Цзи Бу», «О наваждениях», «Сутра о Вималакирти», «История царя государства Радостного». Вслед за сборником Ло Чжэнь-юя в свет вышло еще несколько произведений бяньвэнь, но публикации эти (если не считать публикаций бяньвэнь Чжэн Чжэнь-до, выполненных квалифицированно), носившие случайный и разрозненный характер, большой научной ценности не представляли. В 1955 г. был опубликован сборник текстов бяньвэнь «Свод дуньхуанских бяньвэнь», подготовленный китайским литературоведом Чжоу Шао-ляном. Достоинство этой книги в том, что она, в сущности, была первой попыткой создать своеобразную антологию бяньвэнь, хотя решение задачи, на наш взгляд, оказалось недостаточно полным (издание не воспроизводило оригинальных иероглифических текстов, не содержало текстологиче-

ских сравнений списков и т. п.). Судя во всему, наиболее удачным изданием явился двухтомник текстов бяньвэнь, составленный коллективом китайских авторов (Ван Чжун-минь, Ван Цин-шу, Сян Да, Чжоу И-лян, Ци Гун, Цзэн И-гун) и выпущенный в свет в 1957 г. под названием «Собрание дуньхуанских бяньвэнь».

Однако научное исследование бяньвэнь как определенного жанра словесного искусства в истории китайской литературы обозначилось лишь выходом в свет ряда работ китайских ученых — Ло Чжэнь-юя, Ван Го-вэя, Сян Да, Сюй Цзянь-жуя, Чжэнь Чжэнь-до, Цзэн И-гуна, Сунь Кай-ди и др., хотя исследования эти не были равноценны. Ранние статьи Ло Чжэнь-юя в его книге «Дуньхуанские находки» и Ван Го-вэй «Простонародные стихи и сяошо Танского периода, обнаруженные в Дуньхуане» (1920), «Послесловие к фрагменту рукописи сяошо Танского периода» (См. «Гуаньтао цзинь», 1959) носили довольно конкретный характер. Авторы ограничивались в них, как правило, изложением главных сюжетных линий, основного содержания произведений бяньвэнь, приведением некоторых исторических и общих сведений. Строго говоря, в работах этих произведения бяньвэнь не были еще точно определены как жанр словесно-речевого искусства, не были раскрыты их природа и своеобразие. Не была выработана и литературоведческая терминология, соответствующая новому этому жанровому явлению.

В известных нам работах, например «О буддийских песнопениях Танского периода» Сян Да («Сяошо юэбао», Т. 20, 1929, № 10), «О времени создания буддийских песнопений и простонародных рассказов, обнаруженных в Дуньхуане» Сюй Цзя-жуя («Вэньсюэ чжоубао», 1929, № 199), применяются такие понятия и термины, как «суэ-ян» — простонародные рассказы, «чай-вэнь» — напевные сочинения, «фэишюй» — буддийские песнопения, «суэвэнь» — простонародная литература или простонародные сочинения, а иногда и «янь» — повествовательные рассказы. Нельзя, однако, сказать, что авторы указанных работ были далеки от истины. Подобный вывод был бы слишком поспешным и поверхностным. Напротив, их исследования шли в правильном направлении и, несомненно, сыграли существенную роль в разработке проблемы бяньвэнь. В сущности, и Чжэн Чжэнь-до в своей статье «Простонародная литература из Дуньхуана» (Шанхай, 1930) пользовался теми же понятиями, как и Сян Да, Сюй Цзя-жуй, Ло Чжэнь-юя, Ван Го-вэй.

Лишь в дальнейших своих разысканиях Чжэн Чжэнь-до, которому, на наш взгляд, принадлежит наибольшая заслуга в углубленном изучении Дуньхуанских рукописей, окончательно утверждается в определении бяньвэнь как песенно-повествовательного жанра в словесно-речевом искусстве, получившего развитие в истории китайской литературы, и твердо останавливает свой вы-

беру на термине бьяньвэнь. Справедливо в этой связи замечание Л. Н. Меньшикова в работе «О жанре бьяньвэнь и его истоках»¹³, что после установления Чжэн Чжэнь-до общепринятого названия для жанра — бьяньвэнь, этот термин прочно входит в научный обиход как в Китае, так и в других странах, вытеснив все остальные термины, употреблявшиеся ранее для обозначения этого жанра. В этом отношении одной из ценных работ Чжэн Чжэнь-до является его исследование «Буддийские песнопения, простонародные рассказы и бьяньвэнь», в котором автор стремится дать объяснение феномену Дуньхуанских свитков.

Здесь необходимо пояснение термина бьяньвэнь, в основе которого лежит два иероглифических знака — бьянь и вэнь. Слова имеют значения: бьянь — изменять, превращать, видоизменять, метаморфоза, встречающиеся в сочетаниях — гайбянь, бьяньгэн, бьяньбянь, бьянь и т. д. В значении превращаться, становиться, делаться — в сочетаниях: бьяньвэй, бьяньчэн, бьяньхуа и т. д. Иероглиф вэнь, согласно лексическим словарям, выступает в значениях: узоры, письменность, словесность, литература, проза и т. п. Само понятие вэнь, как и всякое понятие, было историческим. Оно эволюционировало вместе с движением времени, в органической связи с развитием литературного процесса в Китае. Вэнь меняло свое значение, приобретая новые черты и оттенки.

Такое толкование подкрепляется рядом аналогичных терминообразований в китайском языке. Так, например, сочетание знака бьянь с иероглифом ти (форма, стиль, жанр) дает понятие бьяньти — измененная форма или стиль, а сочетание знаков чжэн (исправлять, выправлять, корректировать) с иероглифом вэнь образует понятие чжэньвэнь — исправленные письмена, исправленный текст. Помимо того, существует также термин бьяньсян, состоящий из знаков бьянь и сян — соответствовать, походить, быть похожим, прилагать, очертания, вид, образ, символ) и выступающий в значении — измененные изображения, измененные картины, видоизмененные образы, обычно связанные с буддийской иконописью.

Существует древнее восточное речение — «Если хочешь избежать ненужных споров, используй термины. Это, конечно, так. В отношении же литературоведения еще более справедливо уяснять существо, содержание концепций. Уяснение терминологии должно быть подчинено задаче мышления концепциями. Труд исследователя словесного искусства связан с различными сферами человеческого сознания и духа, однако главная его цель не самовыражение, но стремление к раскрытию истины, всестороннему ее познанию, служению ей, наконец.

Разработке различных проблем бьяньвэнь Чжэн Чжэнь-до посвятил несколько своих исследований, которые вошли впоследствии в его многотомные сочинения. Это прежде всего упоминавшаяся нами «Иллюстрированная история китайской литературы», содержащая специальную главу «Появление бьяньвэнь». Именно здесь всесторонне исследуются проблемы рукописных свитков бьяньвэнь в Дуньхуане, эпоха их возникновения, взаимосвязь бьяньвэнь с народной литературой, влияние индийской литературы, развитие жанра, а также анализируются важнейшие произведения бьяньвэнь — «О Вэймоцзе», «О наваждениях», «У Цзы-суй», «О Шунь-цзы», «О Муляне» и другие, созданные на сюжеты буддийского вероучения и китайских легенд, преданий, историй.

Весьма оригинальные разработки жанра бьяньвэнь также содержатся в таких трудах Чжэн Чжэнь-до, как «История простонародной литературы»¹⁴, «О китайской литературе»¹⁵ и др. Важно отметить, что в этих работах ученый выявляет и прослеживает развитие бьяньвэнь во взаимосвязи с сюжетами из индийской литературы, пришедшей в Китай вместе с буддизмом, а также из китайской традиционной литературы и фольклора.

В своих трудах Чжэн Чжэнь-до, исследуя проблему жанров в истории китайской литературы, пришел к выводу, что характерной особенностью искусства слова в период до эпохи Тан (VII—X вв.) являлось четкое разграничение видов литературы: создавались произведения либо чисто поэтические, либо чисто прозаические. Произведений смешанных форм в указанный период, насколько это представляется возможным судить, обнаружено не было. Это, конечно, не означает, что элементы поэтического характера нельзя встретить в прозаических произведениях, в том числе в памятниках древнего Китая. Взаимосвязь народной песенной поэзии с повествовательным творчеством обнаруживается уже на ранней стадии искусства слова. Однако стихотворные строки в сюжетной прозе существенной роли не играли: они или уточняли, разъясняли и завершали какую-либо мысль, образ, ситуацию, или представляли собой отдельные вкрапления. Рассматривать это как органическое взаимодействие поэтической и прозаической форм, как явление жанровое, по-видимому, было бы неправомерно.

В свете этого явления Чжэн Чжэнь-до выдвинул свою концепцию о новом жанре, бьяньвэнь, где сочетается проза и поэзия, возникшем в период происхождения и попу-

¹⁴ Чжэн Чжэнь-до. История простонародной литературы. Т. 1—2. Пекин, 1954.

¹⁵ Чжэн Чжэнь-до. О китайской литературе. Т. 1—2. Пекин, 1939.

¹⁶ Чжэн Чжэнь-до. Исследование китайской литературы. Т. 1—3. Пекин, 1957.

¹³ См.: Л. Н. Меньшиков. Бьяньвэнь и Вэймоцзе. Неизвестные рукописи бьяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народного Востока в М., 1963.

ляризации буддийской литературы в Китае. При этом ученый показал, что именно произведениям буддийского канона свойственно довольно частое применение метода сочетания и чередования поэзии и прозы (например, «Лотосовая сутра»). По мере распространения переводов на китайский язык буддийских сутр произведения поэтико-прозаического жанра приобретали все большую популярность, они осваивались и китайскими авторами, которые со временем стали подражать этому жанру в своем творчестве.

Таким образом, происхождение бьяньвэнь как жанра смешанных форм поэзии и прозы не только связано с индийской литературой, но фактически вызвано к жизни буддийскими каноническими сочинениями, получившими широкое хождение в эпоху Тан. Именно бьяньвэнь на китайском языке были первыми, наиболее ранними произведениями этого жанра.

Едва ли можно переоценить творческие поиски и находки Чжэн Чжэнь-до, сумевшего взглянуть на древние рукописи как бы заново, с позиций современной филологической науки — искусства понимать написанное и сказанное людьми далекого прошлого по всей строгости законов объективности. В этом гантса притягательность трудов исследователя для всех стремящихся к точности и убедительности. И в этом же — свидетельство того, что творчество ученого — это раньше всего результат длительных и упорных исканий, не прекращающихся в течение десятилетий.

Речь, следовательно, идет уже не просто о корректном описании древнего текста бьяньвэнь, но о достоверном раскрытии источника, его истории и развития, истолковании смысла и природы текста этого литературного источника. Исследованию, таким образом, подверглись представления, сложенные столетиями, отшлифованные опытом и силой буддийских проповедников в специфических условиях китайского средневековья. Ясно, что понимание бьяньвэнь уже по причине временного барьера значительно затрудняется. Многие с тех пор претерпело изменения: в материальной и духовной

жизни Китая шел необратимый процесс развития, в котором одно отрицалось, другое утверждалось. Однако минувшее время, эпоха бьяньвэнь есть часть исторического движения жизни китайского народа — и не только китайского, — от которой — отчуждены позднейшие поколения, в том числе и современное.

В этом свете обнаружение рукописных свитков бьяньвэнь в начале нашего века означало как бы новое открытие особого жанра, который родился и существовал свыше тысячи лет назад, но был почти забыт из-за погребения рукописей в недрах Дуньхуанских пещер. После открытия бьяньвэнь стало известно, что жанр бьяньвэнь с временем перевоплощался в такие песенно-повествовательные разновидности народного искусства слова, как чжугундяо, баоцзюань, пинхуа, таньцы, гуцы и другие, а таким образом отнюдь не исчезал, не прекращал своей продленной жизни. В своей очереди между жанром чжугундяо, который получил свое развитие в XII—XIII вв. и юаньской драмой цзацзюй также существовала непосредственная взаимосвязь именно на основе бьяньвэнь. К этому следует добавить, что в известном смысле жанр бьяньвэнь был близок жанру яньи, произведения которого строились на обновленном пересказе старинных историй и предназначались для доступного и легкого восприятия слушателями. В какой-то мере это можно отнести и к жанру бьяньсян, который, как было отмечено, требовал еще изобразительной формы, картинного выражения для большей доходчивости и зрительного восприятия. Разумеется, каждый из этих жанров или жанровых разновидностей обладает какой общностью тематических, функциональных и формообразующих признаков. И потому в сюжетах бьяньвэнь узнается многое из истории китайского народа, его мышления, духовного и культурного его наследия. Узнается не только из минувшего прошлого Китая, но из постоянного, извечно ценного для народной жизни, творческих достижений, вдохновенных устремлений многих поколений китайцев.

(Окончание в следующем номере)

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

Русский писатель В. Ерошенко — друг Лу Синя

Р. С. Белоусов

Среди имен русских путешественников и исследователей, изучавших страны Востока и много сделавших для развития дружеских отношений с их народами, нельзя не назвать и имя писателя Василия Яковлевича Ерошенко (1890—1952) — фигуры примечательной и своеобразной.

Этого слепого человека до сих пор помнят в странах Дальнего Востока, где он прожил несколько лет. И сегодня здесь проявляют интерес к личности и произведениям русского писателя, появляются посвященные ему публикации. Сравнительно недавно в Японии (издательство «Мисудзу сёбо») вышло в свет полное собрание сочинений В. Ерошенко в трех томах. В разное время публиковались воспоминания о нем видных деятелей культуры. В 1972 г. появился биографический очерк о В. Ерошенко, написанный известной писательницей Хирабаяси Тайко¹. О том, что интерес к В. Ерошенко сохраняется в Японии и по сей день, свидетельствуют и работы профессора Кавакामी Кюдзю. Так, его статья «Поздние годы Ерошенко» была опубликована в 1969 г.² И сегодня японская печать продолжает время от времени писать о В. Ерошенко, выходят сборники его произведений, его имя можно встретить в газетах и журналах, в частности на страницах газеты «Акахата»³.

В то же время жизнь и творчество этого русского самобытного писателя еще недавно оставались малоизвестными нашему читателю. Начало знакомству с удивительной судьбой писателя и его творчеством положил сборник «Сердце орла», выпущенный областным белгородским издательством в 1962 г.⁴ Семь лет спустя на украинском языке вышел сборник В. Ерошенко «Цветок Справедливости»⁵, который почти полностью повторил содержание белгородского издания. Имя В. Ерошенко можно встретить сегодня на страницах «Краткой литературной энциклопедии», в библиографическом словаре «Незрячие писатели»⁶.

И все же, несмотря на то что стена забвения вокруг имени В. Ерошенко, можно сказать, разрушена, о нем известно далеко еще не все. Не достаточно освещенными в нашей литературе остаются и творческие связи великого китайского писателя Лу Синя и его русского друга В. Ерошенко — единственного из литераторов нашей страны, с кем он близко был знаком. А между тем изучение отношений этих двух художников слова поможет лучше понять творчество Лу Синя того периода. Ведь встреча их состоялась в ту пору, когда Китай был отгорожен от новой России стеной реакции, когда правда о нашей стране была редким гостем для китайского народа. И как знать, может быть, своей любовью к русской и советской литературе, к Стране Советов Лу Синя в какой-то степени был обязан и этой встрече с В. Ерошенко. Дружба с ним, длившаяся недолго, но отмеченная большой взаимной симпатией двух этих людей, относится как раз к тому времени, когда китайский писатель начал проявлять особый интерес к русской и советской литературе, приступал к осуществлению большой программы по пропаганде книг советских писателей — дела, которое он сравнивал с тайной доставкой оружия восставшим рабам, с добычей людям огня Прометеем.

¹ Хирабаяси Тайко. Миямото Юрико. Токио. «Бунгэй сундзю», 1972.

² См. «Дзи-ммон кэнкю». Отару, 1969, № 38.

³ См., например, ст.: «Невский и Ерошенко». — «Акахата», 24.I.1963; «Воспоминания о Ерошенко». — «Акахата», 5.V.1973; «Смерть Ерошенко». — «Гундзо», 1962, № 3.

⁴ В. Ерошенко. Сердце орла. Составитель и автор вступительной статьи Р. Белоусов. Белгород, 1962.

⁵ «Цветок справедливости». Киев, 1969 (на укр. яз.).

⁶ Список произведений В. Ерошенко, а также литературы о нем см. в библиографическом словаре «Незрячие деятели науки и культуры». Т. I. М., 1971, стр. 113—120.

* * *

На рубеже 20-х годов нашего столетия имя Эрошенко или коротко Эро-сан стало широко известным в Японии. Потом о нем узнали и в Китае, где его называли Айлюсянькэ, или господин Айло. Многие годы он был оторван от родины, скитался по свету, жил в Японии и Китае, Снаме (Таиланде), Бирме, Индии. Здесь он создавал свои произведения на японском языке, который, по отзыву Лу Синя, знал в совершенстве и на котором написано большинство его вещей. Бывал он и в Европе. Учился в лондонском Королевском колледже для слепых, на правах вольнослушателя посещал Сорбонну, Геттингенский университет, читал лекции в Токийском и Пекинском университетах, работал в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Он проходил свои университеты, странствуя по Юго-Восточной Азии, в беседах с такими выдающимися личностями, как П. Кропоткин и Сэн Катаяма, Лу Синь и Рабиндранат Тагор, Альберт Эйнштейн и Бертран Рассел.

В Японию В. Ерошенко приехал в 1914 г. с тем, чтобы ознакомиться с делом обучения слепых в этой стране, для этого еще до отъезда в Москве он начал изучать японский язык. В сентябре В. Ерошенко становится учащимся Токийской школы для слепых.

Вскоре В. Ерошенко сходитя со многими молодыми литераторам, людьми, настроенными революционно. В том числе с Сакаи Тосихико, журналистом и переводчиком, сыгравшим исключительную роль в распространении идей марксизма в Японии.

Дружеские отношения у него складываются с Акита Удзяку — известным уже тогда драматургом, с журналисткой Комитика Итико⁷, с видными художниками Накамура Цунэ, Цурута Горо, Такэхиса Юмэдзи, с Катагами Нобуру — основателем отделения русского языка и литературы при университете Васэда, и многими другими.

Надо отметить, что политические взгляды приехавшего в Японию двадцатипятилетнего В. Ерошенко не отличались определенностью. Скорее про них можно сказать, что они были стихийно-революционными. И прав был, пожалуй, Акита Удзяку, когда назвал своего юного русского друга «революционером по натуре», мечтавшим видеть всех людей свободными и счастливыми.

Некоторые называли его анархистом. Быть может, потому, что В. Ерошенко в Англии в 1912 г. встречался с русским революционером П. А. Кропоткиным, которым многие увлекались в тогдашней Японии, как, впрочем, и в Китае. «Анархизм Кропоткина, — пишет Сигэки Сэнума, — пользовался в Японии такой же популярностью, как и учение Толстого о непротивлении злу»⁸. И далее: «японские литераторы жадно впитывали идеи Кропоткина и Бакунина»⁹. В тот период, когда коммунистическая партия еще не была создана, в значительной мере преобладал «социализм чувства», теоретическая незрелость искупалась высоким энтузиазмом. Не удивительно, что человека, лично видевшего самого Кропоткина — кумира многих, воспринимали не иначе, как его последователя.

Труды П. А. Кропоткина: «Записки революционера», «Обращение к молодежи» и другие — на японский язык перевел Осуги Сакаэ — один из «самоотверженных представителей демократического поколения революционеров», способствовавший развитию социалистической мысли Японии¹⁰. Благодаря ему японцы познакомились и с трудами М. А. Бакунина, максимализм которого был ему особенно по душе.

Нет сомнения, что В. Ерошенко был близок с Осуги. Познакомиться они могли в доме Комитика Итико, где оба часто бывали. Здесь, по ее словам, В. Ерошенко прошел хорошую школу, поскольку к ней часто приходили рабочие для бесед и дискуссий. Одно время, как свидетельствует Хирабаяси Тайко, русский писатель находился под влиянием Такацу Масамити (с которым также был хорошо знаком) — тогда анархистом, позже одним из организаторов общества «Гёминкай». Однако, пишет далее Хирабаяси Тайко, В. Ерошенко был далек от идей анархизма, на него вообще не следует смотреть «как на истинного анархиста, хотя на их митингах он часто подавал реплики, затевал споры об устройстве будущего общества»¹¹.

Когда Осуги собрался в Берлин на всемирный конгресс анархистов, он решил отправиться туда, выдав себя за китайца. Деньги на поездку дал разделявший его взгляды писатель Арисима Такэо. Но, кроме денег, требовались соответствующие документы. Решено было добыть их в Китае. Осуги вспомнил, что там живет его старый знакомый Василий Ерошенко, и рассчитывал на его помощь. В Пекин от Осуги выехал посланец, который встретился с В. Ерошенко¹².

⁷ Комитика Итико — тогда журналистка, впоследствии — депутат Верхней палаты Японского парламента от Социалистической партии.

⁸ Сигэки Сэнума. Влияние русской литературы на японскую. — "Japan Quarterly". Токио, 1960, № 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Г. Д. Иванова. Дело об оскорблении трона. М., 1972, стр. 170.

¹¹ Хирабаяси Тайко. Миямото Юрико. Токио, 1972, стр. 31, 47.

¹² «Ля Мовадо», 1971, № 250 (на японск. яз.).

С Осуги Сакаэ были связаны и многие из окружения В. Ерошенко — в том числе писатель, впоследствии коммунист Эгути Киёси — тогда приятель Осуги, написавший биографию революционера; Комитика Итико, пережившая из-за любви к нему глубокую личную драму; известные литераторы Акита Удзюку, Арисима Такэо, Фудзимори Сэйкити и другие.

Как справедливо заметил еще Эгути Киёси, взгляды В. Ерошенко сформировались под влиянием той обстановки, в которой он оказался в Японии.

В те времена, по словам выдающегося деятеля Коммунистической партии Японии Сэн Катаяма, вследствие того, что социалисты еще не стояли на твердых идеологических позициях, они легко поддавались чуждым влияниям¹³. В плену различных течений и направлений оказались и многие интеллигенты, не способные преодолеть свою классовую ограниченность. Искавшие новые пути обновления общества, они подчас бросались из одной крайности в другую: от идей Французской революции к русскому нигилизму, беханизму у них сливался с толстовством, народничеством с анархизмом, на смену пацифизму приходило увлечение эсперантизмом. Сказывалось преобладание мелкобуржуазной стихии, незрелость рабочего движения, живучесть старых форм национальной идеологии. Все это мешало в тот период японским социалистам, многие из которых принадлежали к интеллигенции, «подняться до применения марксизма к японской действительности»¹⁴.

Оказался в плену этих увлечений и В. Ерошенко. Вместе со своими новыми японскими друзьями русский писатель на время становится приверженцем бабидского движения, а точнее говоря, беханизма — того, во что вылилось это движение в XX в., содержащее вначале революционно-демократические элементы.

В беханизме, однако, В. Ерошенко привлекала не его реакционная, мистическая сторона, а призывы к равенству, к дружбе, требование запретить войны. То, чем поначалу привлекло это учение, скажем, и Л. Толстого: несколько наивной программой социального равенства, проповедью абстрактной любви к ближнему.

Сказывалась на взглядах В. Ерошенко и та антивоенная пропаганда, которую вело революционное крыло социалистов Японии — в начале века Котоку Сюсуй, а позже Сэн Катаяма и другие.

Протест против войны, звучавший в японской публицистике и художественной литературе еще со времен русско-японской войны, нередко раздавался и теперь, на рубеже 20-х годов, со страниц японских газет и журналов. Однако у определенной части интеллигенции пагубность войны для рядового человека, несчастья и лишения, которые она несет людям, порождали абстрактно-пацифистские настроения.

Антивоенные настроения в творчестве В. Ерошенко прослеживаются весьма отчетливо. Его мечта о всеобщем мире находит выражение во многих произведениях, в том числе и в своего рода притче «День всеобщего мира». Но если здесь у В. Ерошенко звучат пацифистские нотки, то в статье «Время сеять, а не пожинать плоды»¹⁵, опубликованной весной 1916 г., он осуждает пацифистов, которые «своими действиями не только не смогли предотвратить кровопролитную войну, но не смогли даже сократить ужасающее число жертв»¹⁶.

В другой своей статье, опубликованной тогда же, «Новое веяние в мире»¹⁷, писатель говорил, что нет ничего лучше, чем «идеи дружбы всего человечества и мира на всей земле».

Дебют В. Ерошенко как литератора состоялся в январе 1916 г.: в журнале «Кибо» был помещен «Рассказ бумажного фонарика», написанный автором по-японски после полутора лет пребывания в стране.

Летом того же года журнал «Васэда бунгаку» помещает его статью «Женские образы в современной русской литературе».

На эту же тему он выступает с лекциями. Читал он их, главным образом, перед молодежной аудиторией. Так было в Японии, а потом и в Китае. Темой для выступлений Ерошенко избирал новейшую русскую литературу или русские народные песни. Выступал в аудиториях Токийского университета, в университете Васэда и других. В сфере его внимания были произведения, близкие его взглядам, в частности творчество Леонида Андреева, в те годы активно переводимого в Японии и в Китае. Переводы эти сопровождалась публикацией работ о жизни и творчестве русского писателя. Внес свою лепту в это ознакомление читателей и В. Ерошенко. Его перу принадлежало несколько опубликованных статей. Точнее говоря, публиковались его устные выступления, записанные во время лекций. Статьи эти позже появились в литературных приложениях к шанхайской газете «Миньго жибао» и к пекинской «Чэнь бао»

¹³ Сэн Катаяма. Воспоминания. М., 1964, стр. 542.

¹⁴ См.: Г. Д. Иванова. Дело об оскорблении трона. М., 1972, стр. 60.

¹⁵ В. Ерошенко. Поли. собр. соч. Т. 1. Токио, 1959, стр. 511.

¹⁶ Там же, стр. 495.

¹⁷ Там же.

под заголовками: «Андреев и его пьесы», «Андреев и его символические драмы» и другие¹⁸.

Часто В. Ерошенко выступал и с лекциями на тему: «Женский вопрос в новейшей русской литературе». Свой анализ он строил главным образом на основе разбора драм Л. Андреева «Анфиса» и «Екатерина Ивановна», а также пьесы М. Арцыбашева «Ревность» — писателей, к которым в Японии в тот период интерес еще не ослаб.

В том, что В. Ерошенко избрал для лекций именно эту тему, сказалось, несомненно, то, что в Японии и Китае в то время активно обсуждалась проблема эмансипации женщины, ее положение в семье и обществе, вопросы нравственной чистоты, свободы брака. Одна из статей, появившаяся тогда на японском языке, так и называлась «О нравственной чистоте». Позже эта статья¹⁹ была переведена на китайский язык Чжоу Цзо-жэнем, братом Лу Синя, и вызвала цепную реакцию откликов среди видных деятелей культуры. Наиболее активную линию в этом смысле проводил журнал «Синь циннянь». На его страницах были опубликованы статьи «Проблема нравственной чистоты» Ху Ши и «Мой взгляд на целомудрие» Лу Синя и другие²⁰. Особое внимание привлекли в этом смысле выступления Ли Да-чжао, профессора Пекинского университета, в будущем одного из организаторов КПК.

В статье «Проблема ликвидации проституции» он заявлял, что единственный способ кардинального решения проблемы — изменение положения женщины — в полной перестройке общественного строя. Не менее острой являлась эта проблема и для Японии, где законом женщина была лишена прав, в том числе и политических.

В этой атмосфере огромного внимания к женскому вопросу в Японии и Китае, имевшего здесь поистине революционное значение, и родились лекции В. Ерошенко. Писатель как бы внес свой вклад в это обсуждение, привлекая для этого материал русской действительности.

Особенно его занимали вопросы нравственности и супружеской верности. Вместе с тем он резко осуждал тех, кто, прикрываясь эмансипацией, провозглашал право новой женщины на «свободную любовь». В равной мере выступал и против брака без любви, против рабского, униженного положения женщины в семье. И в этом смысле ему больше импонируют ибсеновская Нора или, скажем, Сацуки Еко, героиня романа Арисма Такэо «Женщина», написанного в 1919 г., свободно выбирающие жизненный путь, бросая вызов старой морали и условности, чем героиня пьесы Л. Андреева и М. Арцыбашева, формально остающиеся в буржуазной семье, где жена «является простым орудием производства»²¹.

«Сегодня, — писал В. Ерошенко, — перед женщиной открыто много новых дорог. Женщина, так же как и мужчина, может посвятить себя различным идеалам»²².

С этого времени на протяжении ряда лет сказки и рассказы В. Ерошенко, а также его статьи, регулярно появляются в прогрессивных журналах «Танемаку хито», «Кайхо», «Варэра», «Кайдзо», «Васэда бунгаку», в газете «Асахи», позже выйдут отдельные сборники его произведений. Эти издания читала вся тогдашняя передовая Япония. И не удивительно, что имя, как его здесь называли, «поэта Ерошенко» стало столь широко известным. В немалой степени этому также способствовала «его пропаганда великой русской революции», сыгравшая, по словам Акита Удзюку, огромную роль в Японии, где русский писатель «был очень популярным человеком... в эпоху непосредственного влияния Великой Октябрьской революции».

После двух лет пребывания в Японии В. Ерошенко неожиданно покинул гостеприимную Японию ради «неизвестных новых стран». Начались годы странствий по Юго-Восточной Азии: Гонконг, Сингапур, Сиап, Бирма, Индия²³. В июне 1919 г. английские власти, которым в каждом революционно настроенном русском мерещился

¹⁸ См.: М. Е. Шнейдер. В поисках «литературы для жизни». Произведения Леонида Андреева в Китае. — «Изучение китайской литературы в СССР», М., 1973, стр. 215, 231.

¹⁹ См.: «Синь циннянь», 1918, т. 4, № 5, стр. 386—394.

²⁰ См.: М. А. Асланова. Женский вопрос на страницах журнала «Синь циннянь». — В сб.: «Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1974, стр. 292—293.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М., 1966, стр. 94.

²² В. Ерошенко. Поли. собр. соч. Т. 1. Токио, 1959, стр. 500.

²³ Подробнее об этом см. в кн.: В. Ерошенко. Сердце орла. Белгород, 1962, стр. 7—11.

«большевистский агент», высылают с этим ярлыком В. Ерошенко из Индии. Его насильно отправляют туда, откуда он приехал, — в Японию.

За эти годы здесь многое изменилось. Залпы Октября грозным эхом отдавались по всему Востоку, гул орудий «Авроры», сокрушивших русский царизм, докатился и до Страны восходящего солнца.

Япония жила бурной, напряженной политической жизнью. Идеи Октябрьской революции пробудили огромный интерес у интеллигенции и студенческой молодежи к социальным проблемам.

Василий Ерошенко, как и раньше, вновь оказался захваченным водоворотом политической жизни. Тем более, что многие его друзья принимали в ней самое активное участие.

Как писал впоследствии сам В. Ерошенко, он «состоял членом общества по изучению и распространению социализма», был близок с деятелями революционного движения, некоторые из которых стали потом коммунистами, например Такацу Масамити и др. Таким образом, Василий Ерошенко становится участником революционного движения в Японии, его волнуют проблемы, которые были близки тогда японской прогрессивной интеллигенции, он выступает на собраниях социалистов, общества «Геминкай», участвует в работе II съезда Социалистической лиги, сотрудничает в журнале «Танемаку хито» («Сеятель»), принимая, по словам Акита Удзюку, активное участие в его издании. Имя В. Ерошенко упоминается в числе авторов первого номера, среди которых были Анатолий Франс и Анри Барбюс.

В этот период, пишет Хирабаси Тайко, во взглядах В. Ерошенко происходят дальнейшие перемены. Участие Василия Ерошенко в японском революционном и литературном движении начала 20-х годов определило основные темы и особенности его литературного творчества.

В его сказках и рассказах, написанных на японском языке, в своеобразной форме находили горячую поддержку борьба угнетенных народов Востока, сочувствие их тяжелой доле, их страстному желанию обрести свободу и независимость, человеческие условия существования. В. Ерошенко искренне сочувствовал освободительным устремлениям трудящихся масс Японии, Китая и других стран, где он бывал, их революционным выступлениям против господствующих классов, против политики империалистических стран, поработивших эти народы.

В человеке он видел не только жертву общества, но и того, кто преобразует это общество на началах гуманности и справедливости. Он верил в людей, в таких, каким показан его Великий Принц в сказке «Цветок Справедливости», подобно горьковскому Данко, разорвавший свою грудь и алой кровью окропивший чахлый цветок Справедливости, чтобы он расцвел, принеся людям счастье. В рассказе «Страна Радуги» он описал тяжелую долю японского рабочего, в сердце которого зреет бунт против тех, кто заставляет таких, как он, пролетариев и их семьи страдать. В сказке «Сердце орла» в аллегорической форме отражены бунтарские настроения, характерные для того периода и навеянные, в этом нет сомнения, победой его земляков в России.

Более пятидесяти лет назад Этути Кнэси писал, что мир, в котором живет Ерошенко, «не целиком реальный: это страна прекрасного будущего, утопическая свободная земля, это поэтический, почти сказочный мир». Это верно, но лишь отчасти. Мечта Ерошенко, его грезы по прекрасному миру будущего рождались не оттого, что он переносился в страну снов, в царство вымысла, поднимаясь, как говорят в Китае, на крыши пагод, отрываясь от унылой действительности, с тем чтобы предаться забвению. Его сказки не назывешь, пользуясь выражением О. Уайльда, «красивыми небылицами». Конечно, мир сказок В. Ерошенко — это несколько особый мир, мир, рожденный его фантазией, лишенный подчас привычных для нас, зрячих, реалистических деталей, но это мир возвышенных и благородных мыслей, мир человека, хорошо познавшего и несправедливость и социальное зло.

Бегства от реальной жизни в башню из слоновой кости у него не получалось, да он и не стремился к этому. Мечта, вера в торжество человечности, свободы и социального равенства у В. Ерошенко сливается с показом язв эксплуататорского общества, зла, которое оно несет людям. Отсюда иногда тема светлого будущего сплетается с мотивами грусти и тоски, порой доходящей до отчаяния, с трагическим восприятием разлада мечты с жизнью. Лу Синь верно заметил, что «поэт был слеп, но не был глух», можно добавить — сердцем.

И когда писателю становилось тяжело, когда душа разрывалась болью за измученных, голодных, смертельно больных шанхайских рикш и нищих, за бедняков богатого города, тогда он поднимал алые паруса своей фантазии и отправлялся в «Страну Радуги», мечтая о том, чтобы на борту «Корабля счастья» могло поместиться все человечество. И он верил, что скоро на земле «расцветет сад свободы», люди «придут к свободе, равенству, братству, справедливости». Именно поэтому произведения русского писателя Василия Ерошенко были так популярны в странах Востока, в империалистической Японии и полукOLONиальном Китае, где гнет продолжал оставаться особенно жестоким и тяжелым, где миллионы труженников страдали под двойным ярмом — своих и иноземных хозяев.

* * *

Весной 1921 г. В. Ерошенко участвует в первомайской демонстрации, разогнанной полицией. Спустя несколько дней его арестовывают вместе с делегатами II съезда Социалистической лиги. Когда вскоре деятельность лиги была запрещена, В. Ерошенко вновь оказался в тюрьме. Отсюда на судне «Ходзан-мару» его отправят как «большевистского агента» под конвоем во Владивосток. Но случилось так, что Ерошенко из рук одних врагов угодил в лапы других: во Владивостоке к тому времени власть захватили белые.

В конце концов, преодолев немало преград и трудностей, он оказался в начале осени 1921 г. в Харбине, так и не сумев пробраться в рабоче-крестьянскую Россию. О его жизни здесь известно по воспоминаниям музыкального критика Наканэ Хироси, у которого он жил. Воспоминания эти были тогда же опубликованы в «Ёмнури симбу».

Спустя несколько дней они были перепечатаны в литературном приложении к пекинской газете «Чэнь бао» в номере от 22 октября, целиком посвященном русскому писателю — гостю Китая. В этом же номере был помещен в переводе Лу Синя рассказ В. Ерошенко «Сон в весеннюю ночь». Воспоминания Наканэ Хироси были переведены тоже Лу Синем, скрывшимся под псевдонимом Фэн Шэн. Следует также, кстати, отметить, что за два дня до выхода в Пекине этого специального номера в той же газете была напечатана статья Ху Юй-чжи, знакомящая с Василием Ерошенко²⁴ (а еще несколько раньше статья эта появилась на страницах шанхайской газеты «Миньго жибао», вернее, в литературном приложении «Цзюэ»).

Но знакомство Китая с русским писателем Василием Ерошенко началось фактически еще до этого, летом 1921 г. Уже в июне Лу Синю стало известно об истории высылки слепого русского писателя из Японии. Он узнал об этом из японских газет, прочитав статью Эгути Киёси (позже он перевел ее на китайский язык). Как и многих, случай этот его возмутил и взволновал и побудил заинтересоваться творчеством В. Ерошенко. «Мне хотелось, — писал Лу Синь спустя несколько лет, — чтобы был услышан страдальческий крик гонимого, чтобы у моих соотечественников пробудились ярость и гнев против тех, кто попирает человеческое достоинство».

В июле Лу Синь перевел, а в августе опубликовал в журнале «Синь циньянь» (т. 9, № 4) сказку Ерошенко «Тесная клетка».

В послесловии к сказке Лу Синь писал о высылке В. Ерошенко из Индии и Японии: «Англия и Япония — союзники, они нежны, как родные братья, кто не угоден в английских владениях, не придется, конечно, ко двору и в Японии. Но на этот раз все рекорды грубости и издевательства оказались побитыми. Несмотря ни на что, В. Ерошенко оставил японцам свою плоть и кровь — два сборника произведений: первый — «Песни предутренней зари» и второй — «Последний вздох», из которых пока что издан только первый... Его типично русская широкая натура пришлось не ко двору в Японии. Вполне понятно, что его ждали хула и гонения...

Когда я закрыл его книгу, то почувствовал благодарность к человеку, который, живя в нашем мире, не утратил непосредственного, чистого сердца. «Тесная клетка» открывает сборник «Песни предутренней зари». Она написана под впечатлением индийской поездки Ерошенко, навеяна настроениями, владевшими поэтом в Индии».

Лу Синь писал, что он восхищается русским слепым мечтателем Ерошенко, вступающим в этой сказке против «рабской психологии»²⁵.

Позже, в сентябре, на страницах литературного приложения к газете «Чэнь бао» появилась, также в переводе Лу Синя, сказка «На берегу». В своем послесловии к ней Лу Синь писал: «У финского писателя П. Пайваринта есть такое высказывание: жизнь человеческая, как падающая звезда, — сверкнет, привлечет внимание других людей, промчится следом, исчезнет и будет забыта всеми».

Это относится только к тем звездам, которые нами замечены, а как много звезд люди не замечают!

В мае японские власти выслали за пределы страны из соображений безопасности русского слепого и отправили его морем во Владивосток.

Это был поэт Василий Ерошенко.

Высланный из Японии поэт был глубоко оскорблен, газеты помещали возмущенные и тревожные отклики его многочисленных друзей. Но странное дело — несмотря на свою обиду, Ерошенко оставил японцам два замечательных подарка: один — книга «Песни предутренней зари», другой — тоже книга «Последний вздох». Это сборники

²⁴ По поводу того, как в Китае транскрибировали фамилию Ерошенко, Лу Синь писал в октябре 1921 г.: «Сначала я транскрибировал фамилию Ерошенко с помощью фамильного иероглифа «ай», но потом, листая газету «Миньго жибао», заметил, что там начало фамилии Ерошенко протранскрибировано с помощью иероглифа «ай» — «любовь». Мне кажется, это правильно сделано. Я исправил соответственно свои переводы». См.: Лу Синь. Переводы. Т. 2. Пекин, 1958, стр. 531—532.

²⁵ Лу Синь. Переводы. Т. 2. Пекин, 1959, стр. 526—527.

сказок поэта. В них прекрасные чувства благородного сердца...» Лу Синь называет в своем послесловии В. Ерошенко «кристально честным мечтателем с большой душой». Он пишет: «Ерошенко промелькнул, как звезда, и, может быть, я скоро забыл бы о нем, но сегодня мне попалась его книга «Песни предутренней зари», и мне захотелось раскрыть сердце этого человека перед китайскими читателями...»²⁶. Лу Синь подчеркивал, что стремился донести до читателя «содержание и красоту оригинала». Надо отметить, что Лу Синь писал эти слова еще до того, как ему пришлось лично познакомиться с Василием Ерошенко.

Тем временем В. Ерошенко по приглашению молодого литератора и эсперантиста Ху Юй-чжи через Тяньцзинь выехал в Шанхай. Здесь он пишет «Рассказы засохшего листка», «проникнутые, — по словам литературоведа Гэ Бао-цюаня, — безграничной симпатией к китайскому народу»²⁷.

Приблизительно в этих же словах оценивала китайская критика эти рассказы и в те годы. В 1923 г. в статье «Друг угнетенных» Ху Юй-чжи писал, что Василий Ерошенко «является нашим искренним другом, любящим нас, относящимся с большой симпатией к нашему народу».

И действительно, писатель с большой симпатией и грустью рассказал о бедноте огромного китайского города, где «человек более одинок, чем среди пустынных хребтов Гималаев», о шанхайском рикше — человеке-лошади, которого каторжный труд превратил в физического и духовного калеку; о нищенке-горбунье; о девушке-китайке, чьи ноги изуродованы варварским обычаем.

Пока В. Ерошенко жил и работал в Шанхае, у Лу Синя в это время завязалась переписка относительно него с Мао Дунем и Ху Юй-чжи. Письма эти не сохранились, но дневник Лу Синя указывает, что обмен письмами между ними, начиная с ноября, имел место²⁸. Вполне вероятно, что переписка в основном касалась вопросов перевода сказок В. Ерошенко. Это предположение, в частности, высказывает и Гэ Бао-цюань. В декабре Лу Синь и Мао Дунь снова обменялись письмами относительно перевода Лу Синем сказки В. Ерошенко «Мировой пожар», а в начале января следующего года она была опубликована в шанхайском журнале «Сяошо юэбао», который тогда редактировал Мао Дунь.

Вскоре, по рекомендации Лу Синя и его брата Чжоу Цзо-жэня²⁹, В. Ерошенко приглашают преподавать эсперанто в Пекинский университет. 22 февраля 1922 г. он прибывает в Пекин.

Этот период жизни в Китае для него был отмечен большой, теплой и искренней дружбой с Лу Синем, дружбой, которая, по словам Гэ Бао-цюаня, «останется яркой страницей в истории китайско-советских литературных связей»³⁰.

Когда В. Ерошенко приехал в Китай, страна продолжала жить теми проблемами, которые выдвинуло «движение 4 мая» 1919 г. Это антиимпериалистическое и антифеодалное движение, можно сказать, сдвинуло Китай с мертвой точки, пробудило китайское общество, вывело его на новую дорожку развития. В это время усилился интерес к марксистскому учению. Трибуной, где пропагандировались марксистские взгляды, стал журнал «Синь циннянь». На его страницах началась последовательная борьба против феодальной культуры, за новую, демократическую культуру. В то же время заметно возрос интерес к мировой культуре, и прежде всего к литературе других народов, особенно к русской.

Лу Синь писал, что в то время молодежь «нашла русскую литературу» и поняла, что это ее «учитель и друг». «Русская литература, — писал Лу Синь, — раскрыла перед нами прекрасную душу угнетенного, его страдания, его борьбу»³¹.

В глазах китайских писателей В. Ерошенко стал в те годы живым представителем литературы России, где, как тогда многим в Китае казалось, в том числе и Лу Синю, все писатели — революционеры³².

В произведениях В. Ерошенко китайский читатель находил отчасти те же самые идеи и темы, что и у других русских писателей, в частности у Л. Андреева и В. Гар-

²⁶ Лу Синь. Переводы. Т. 2. Пекин, 1959, стр. 529—530.

²⁷ Гэ Бао-цюань. Лу Синь и Ерошенко. — «Гуанмин жибао», 18.X.1961.

²⁸ Лу Синь. Дневник. Т. 1. Пекин, 1959, стр. 425, 426, 433—435, 439, 446, 447.

²⁹ Чжоу Цзо-жэнь — один из участников «движения 4 мая» 1919 г. В 30-е годы, в период японской агрессии в Китае, сотрудничал с оккупантами.

³⁰ «Гуанмин жибао», 18.X.1961.

³¹ Лу Синь. Собр. соч. Т. 2. М., 1955, стр. 99.

³² См.: Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество. М., 1959, стр. 66.

шина³³. Тем более что В. Ерошенко выступал пропагандистом творчества Л. Андреева. В этом усматривали известную солидарность с его взглядами.

В сказках В. Ерошенко Лу Синь видел «прекрасные чувства благородного сердца». И не раз подчеркивал (больше из-за цензурных соображений, чтобы обеспечить публикацию произведений В. Ерошенко), что отнюдь не находит в них каких-либо опасных мыслей. В. Ерошенко — всего лишь мечтатель, убеждал Лу Синь, непосредственный и чистый. Но мечта его вполне реальная, и «если предположить, что осуществились бы идеалы Ерошенко, то люди были бы счастливы»³⁴. Ведь и сам Лу Синь тогда стремился пробудить у молодежи мечту о счастливом будущем³⁵. В этом смысле китайский писатель придавал большое значение вопросам детского и юношеского воспитания в семье и в школе. Лу Синь следил по каталогам за тем, что выходит в области детской и юношеской литературы в Китае и за рубежом, читал и переводил литературу о детях и для детей³⁶. В этом одна из побудительных причин, заставившая его обратить внимание на сказки В. Ерошенко.

В Пекине, воспользовавшись любезным предложением Лу Синя, Василий Ерошенко поселился в доме его семьи, в тихом переулке Бадаовань. Гостя поместили во флигеле, где устраивали обычно приезжих. Здесь же находился и рабочий кабинет Лу Синя. А окна комнаты В. Ерошенко располагались как раз напротив здания, где Лу Синь жил.

В. Ерошенко, с его начитанностью, знанием литературы и языков, жизни народов многих стран, умел расположить к себе, завоевать симпатию. Он быстро сблизился с китайским писателем. Лу Синю в ту пору удавалось писать урывками по вечерам. В это же время любил работать и Ерошенко. Нередко к нему приходил Лу Синь, располагался в кресле, закурил сигарету и часто далеко за полночь велся оживленные беседы. Круг тем был обширен — о Китае и о Японии, о японской и немецкой литературе, о произведениях Ерошенко и о многом другом. И конечно, о русской революции, в которой оба видели начало новой эры, о России, о ее литературе. Записи в дневнике китайского писателя, относящиеся к этому времени, как обычно предельно лаконичные, говорят о том, что и русский гость в свою очередь нередко заходил к Лу Синю. «Утром приходил Ерошенко», или «Вечером был Ерошенко», — записывает он в своем дневнике.

Что же сближало и объединяло реалиста Лу Синя и романтика В. Ерошенко? Чем была вызвана его симпатия к слепому литератору? И почему Лу Синь считал необходимым знакомить читателей своей страны с произведениями своего русского друга, что видел в них великий китайский писатель, к тому времени уже создавший основные свои творения?

В начале 20-х годов у Лу Синя вновь возникает интерес к русской литературе. С одной стороны, интерес этот был пробужден революционными событиями в России, с другой — подъемом демократического движения в самом Китае, наступившего после «движения 4 мая» 1919 г., ростом борьбы за новую культуру. В поисках произведений, правдиво показывающих жизнь и проникнутых пафосом ее отрицания, он обращается к русской литературе.

По словам Лу Синя, он привязался к В. Ерошенко и, как сам говорил, полюбил этого скитальца потому, что увидел, почувствовал в нем талантливую самообытную натуру, человека с большим сердцем, чутко откликнувшегося на людское горе. В то же время несомненно, что в творчестве русского писателя его привлекли лирические, полные трогательной любви к людям и животным, аллегорические сказки их слепого автора, его гуманизм, его «улыбка страдания», мечта о стране прекрасного будущего, его призыв сбросить оковы рабского подчинения сильным, переустроить жизнь. Эти настроения в известной мере были близки в тот период и самому Лу Синю, литературные симпатии к творчеству Василия Ерошенко объяснялись некоторой и его приверженностью к романтизму. У В. Ерошенко он видел близкую и для себя тенденцию служить своим творчеством задачам преобразования общественного устройства.

Китайский писатель так же, как и его русский друг, считал, например, что новое поколение, молодежь, «сильная духом», свободная, как говорил Лу Синь, от «рабской психологии», способна создать новое общество. А для этого, по его мнению, надо было обличать старый строй, феодальную и империалистическую идеологию и культуру, показывать горски общества.

³³ Следует заметить, что эти писатели привлекли китайских литераторов и читателей обличением зла, гуманизмом и реализмом, но отнюдь не своей упадочнической философией, присущей некоторым их произведениям. (См.: В. Петров. Лу Синь. Очерк жизни и творчества. М., 1960, стр. 336—337; В. Ф. Сорокин. Формирование мировоззрения Лу Синя. М., 1958, стр. 133.)

³⁴ Лу Синь. Переводы. Т. 2. Пекин, 1959, стр. 331.

³⁵ См.: В. Ф. Сорокин. Формирование мировоззрения Лу Синя. М., 1958, стр. 133—134.

³⁶ См.: Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество. М., 1959, стр. 528.

Эти мотивы он находил в творчестве русского писателя Василия Ерошенко, демократического и гуманистического в своей основе. Не случайно он выбрал для перевода среди прочих такие прежде его сказки, как «Тесная клетка», «Сердце орла», «Мудрец-Время». Они наиболее отвечали этим требованиям и были, как он, вероятно, предполагал, в то время полезны для Китая. Лу Синь надеялся, что сказки В. Ерошенко помогут пробудить сознание народа, напомнят ему о страданиях и бесправном положении, тем самым усилив ненависть к миру зла и насилия. Вместе с тем нет сомнения, что Лу Синь прекрасно видел слабые стороны творчества В. Ерошенко — отвлеченность образов, известную дидактичность его сказок на социальные темы, некоторую их беззащитность.

Следует отметить, что китайские критики, а также зарубежные, в частности чехословацкие, как и советские исследователи творчества китайского писателя, видят известное влияние Ерошенко на Лу Синя в его новеллах «Кролики и кошка» и «Утиная комедия», отмечая, однако, что влияние это носит внешний характер. При этом они подчеркивают различие в идейно-творческих позициях Лу Синя и В. Ерошенко, считая, например, как пишет Б. Кребсова, что у Лу Синя «любовь к страдающим неотделима от ненависти к угнетателям, причем оба эти чувства никогда не смешиваются в его сердце»³⁷. В то время, мол, у В. Ерошенко общество, которое разрушает мир красивых грез, «не вызывало ненависти». Безусловно, идейно-творческие позиции двух писателей были далеко не идентичны. Гуманизм Лу Синя отличался гораздо большей активностью. Для реалиста Лу Синя чуждо было смешение любви и ненависти, как и настроения тоски, безверия.

Но и Василий Ерошенко, несмотря на известные противоречия своих взглядов, объективно часто выступал «разрушителем словом», мечтая о мире социальной гармонии и счастья, был полон ненависти к мерзостям и злу жизни, стремился осуждать пассивность, хотя ему подчас и трудно было преодолеть настроения одиночества и тоски, он больно переживает за слабых людей, вынужденных страдать под гнетом сильных. В связи с этим интересно, что Гэ Бао-цюань в своей статье о Лу Синя и Ерошенко считает, что последний «своими произведениями с отчетливо различимыми любовью и ненавистью звал людей на борьбу за свободу».

* * *

В Китае, пробудившемся к борьбе, В. Ерошенко, как и в Японии, принимает участие в общественной жизни, стремится и здесь жить в ногу со временем. Как говорит Гэ Бао-цюань, и в Китае он оставил о себе глубокую память в среде передовой китайской молодежи и интеллигенции того времени. Став преподавателем Пекинского университета, он как бы попал в эпицентр культурной жизни тогдашнего Китая.

В то время здесь, на литературном факультете, преподавали Лу Синь и его брат Чжоу Цзо-жэнь. Вместе с ними часто появлялся и В. Ерошенко. Обычно свои лекции он читал в большой аудитории, оформленной в китайском стиле. В. Ерошенко сидел перед слушателями, одетый в русскую косоворотку, и водил пальцами по бумаге, вспоминая Чжоу Цзо-жэнь, который находился рядом и переводил лекцию с эсперанто на китайский язык. Свои выступления В. Ерошенко посвящал русской литературе. Двести юношей и девушек усердно записывали слова слепого писателя, стремившегося прежде всего привлечь их внимание, как отмечает Такасуги Итиро, к темам борьбы за свободу³⁸. Однако то, что приходилось прибегать к посреднику-переводчику, огорчало лектора от студентов. Иное дело было в Японии — ему казалось, что там его понимали лучше.

Тем не менее он тянулся к молодежи. Его влекло на сходки и вечера студентов, где он охотно выступал, пел песни под аккомпанемент своей шестиструнной гитары о Степане Разине и другие. Однажды, первого мая 1922 г., на собрании в одном из учебных заведений Ерошенко запел Интернационал. В другой раз его видят в рядах факельного шествия пекинских студентов в день нового 1923 г.

Что касается песни о Степане Разине, то она многим нравилась в Китае, но не все понимали ее смысл. Тогда Лу Синь, переговорив с Ерошенко, специально пересказал ее содержание и опубликовал, как и многие свои переводы из Ерошенко, в газете «Чэнь бло»³⁹.

В этой же газете появилась и статья В. Ерошенко о новом китайском театре. Называлась она «Заметки о спектаклях студентов Пекинского университета и учащихся женского колледжа «Яоцзин». Опубликованная 6 января 1923 г., статья эта вызвала яростную полемику. Это делает дискуссию для нас особенно примечательной, вместе с тем она является как бы еще одним штрихом, дополняющим картину тогдашней культурной жизни Китая.

³⁷ См.: В. Кребсова. Lu Sün. Sa vie et son oeuvre. Prague, 1953, p. 87.

³⁸ В. Ерошенко. Полн. собр. соч. Т. 3. Токио, 1959, стр. 198—199.

³⁹ См.: Лу Синь. Переводы. Т. 10, Пекин, 1959, стр. 779.

В. Ерошенко всегда был заядлым театралом, и в России, и в Японии. Оставался верным своему увлечению он и в Китае. Но спектакли традиционного китайского театра он не посещал. Здесь было слишком много чуждого — от репертуара до приемов игры. Вообще эстетика этого великого искусства осталась непонятной В. Ерошенко. От него, как, впрочем, и от многих европейцев, этот театр был отгорожен стеной из вопросительных и восклицательных знаков.

Зато новый драматический театр, только нарождающийся в Китае, — театр, как его называют, «разговорной драмы» он посещал с удовольствием. Правда стационарных трупп этого театра еще не было. Его немногочисленным энтузиастам приходилось искать поддержку среди передовой, главным образом студенческой, молодежи. Борясь с низким тогдашним культурным уровнем большинства профессиональных актеров традиционного театра, с торгашеским духом, господствовавшим в нем в те годы, организаторы нового драматического театра стремились создавать труппы из любителей, преимущественно из учащейся молодежи.

Театральные кружки возникают прежде всего в университетах, в том числе и в Пекинском.

На представлениях студентов этого университета часто бывал В. Ерошенко. Как-то раз он попал на спектакль, поставленный по случаю годовщины со дня основания этого учебного заведения. В тот день показывали «Власть тьмы». Игра студентов-любителей глубоко огорчила В. Ерошенко. В их спектакле он увидел одно лишь желание подражать старому, традиционному театру, актерам-профессионалам. В. Ерошенко же ратовал за привычную для него игру актеров, за ту атмосферу на сцене, без которой немисливо, как он считал, театральное представление.

В своей опубликованной в «Чэнь бао» статье, несколько резкой по форме, он выступал против рутины, против традиций, которые олицетворяли косность. Призывал отвергнуть обычаи, противоречащие разуму и унижающие достоинство. Отречься от них, идти вперед, создавать новое театральное искусство, считал В. Ерошенко, — задача, которую под силу осуществить только молодежи.

Насколько игра студентов Пекинского университета его разочаровала, настолько привел в восторг спектакль, поставленный совместными силами учащихся женского колледжа «Яоцзин» и студентками медицинского училища.

Постановка пьесы Шекспира «Много шума из ничего» вылилась в яркое театральное зрелище. Отличительной его особенностью стала подлинно театральная атмосфера, темпераментная, осмысленная игра юных артисток, естественных и простых на сцене. Особо рецензент отметил прекрасную органную музыку, под аккомпанемент которой шел спектакль.

На следующий день после появления в «Чэнь бао» статьи В. Ерошенко на нее появился ответ одного из студентов Пекинского университета, в будущем известного филолога Вэй Цзянь-гуна. Свой ответ он назвал «Не будем слепо следовать». В нем автор в оскорбительной форме обзвнил В. Ерошенко в непонимании китайского искусства.

Встав в позу обиженного, Вэй Цзянь-гун упрямо повторял, что Ерошенко, мол, не имел права судить об искусстве самодеятельных актеров Пекинского университета, поскольку он-де слепой. Таков был главный довод Вэй Цзянь-гуна. В появившихся вскоре откликах на статьи В. Ерошенко и Вэй Цзянь-гуна большинство авторов, выступивших в той же газете, упрекали Вэй Цзянь-гуна в нетактичном поступке по отношению к В. Ерошенко.

Полемика, развернувшаяся в «Чэнь бао», заставила высказаться и Лу Синя⁴⁰. Он и его соратники считали, что надо прислушиваться к мнению зарубежных критиков, соглашаясь с ними или нет, но нельзя, поддаваясь националистическим настроениям, превращать литературную полемику в грубые и оскорбительные выпады, в качестве аргумента в данном случае ссылаясь на физический недостаток В. Ерошенко. Лу Синь считал статью Вэй Цзянь-гуна издевательской, а также фальсификаторской, поскольку ее автор пытался приписать ему, Лу Синю, высказывания о Ерошенко, каких он никогда не произносил.

Что касается русского писателя В. Ерошенко, то Лу Синь отзывался о нем в этой своей статье как о человеке, всецело преданном искусству, однако именно поэтому высказывающего свои взгляды несколько прямолинейно, руководствуясь при этом исключительно благими намерениями, стремлением сделать доброе дело. Его позиция объясняется желанием помочь, а не льстить из чувства вежливости. Впрочем, Лу Синь отчетливо сознавал, что «статья В. Ерошенко не только не будет должным образом воспринята в Китае, но и может вызвать недоброжелательное отношение, в особенности у актеров, о которых в ней идет речь»⁴¹.

После Лу Синя с осуждением Вэй Цзянь-гуна выступили и другие авторы. Подвел итог дискуссии Чжоу Цзо-жэнь. Вслед за братом он писал: «Когда я прочитал статью

⁴⁰ Лу Синь. Несколько заявлений по поводу статьи г-на Вэй Цзянь-гуна «Не будем слепо следовать». — Полн. собр. соч. Т. 7. Пекин, 1958, стр. 309—311.

⁴¹ Там же, стр. 310.

«Не будем слепо следовать» Вэй Цзянь-гуна, на душе остался неприятный осадок, потому что позиция автора этой статьи, право же, нехороша. Господин Ерошенко лишен зрения, об этом знают все. Как бы он ни был неправ, возражать нужно по существу, но совершенно ни к чему возражения связывать с его увечьем. Я не могу с уверенностью утверждать, что в самом обозначении темы — «не будем слепо следовать» — уже заложен грубый намек. Однако закавыченный во многих местах статьи иероглиф «кань» («смотреть») убедительно доказывает, что автор с издевкой говорит именно о слепоте Ерошенко. Мне не хотелось бы из-за этого касаться личных достоинств автора статьи, однако я могу заявить, что «литературные достоинства» в этой статье отсутствуют целиком и полностью...»⁴²

Борьба за новую китайскую культуру выдвинула и такую проблему, как расширение круга читателей. Это означало, прежде всего, реформу литературного языка. Призеры национальной «исключительности» ратовали за сохранение древнего языка, выступали против нового литературного языка на байхуа, то есть, по существу, восставали против того, чтобы облегчить приобщение масс к духовным ценностям.

Реакционеров, поборников патриархальной старины приводили в ярость предложения и об усовершенствовании китайской письменности. Они протестовали не только против разработки проектов «романизации», то есть латинизированного алфавита для китайского языка, но даже введение знаков препинания было воспринято ими как национальная катастрофа.

На страницах газет и журналов шла по этому поводу ожесточенная полемика. Одним из тех, кто упорно и последовательно защищал новый литературный язык, был Лу Синь, а также другие прогрессивные литераторы. Проблему национального языка в Китае пытались решить и ученые-филологи. Все чаще раздавались голоса о том, что создание массовой литературы на новом литературном языке потребует новые средства письменного выражения — алфавит. Ведь при иероглифах, как писал Лу Синь, отчетливо сознававший их архаичность, огромное большинство китайцев остается неграмотным⁴³.

По этому поводу выступали в печати и видные лингвисты. Из статьи одного из них — Ли Цзинь-си — известно, что в дискуссии принял участие и В. Ерошенко.

Как пишет Ли Цзинь-си, однажды он стал свидетелем выступления слепого русского поэта в Женском педагогическом институте. «Миссия интеллектуалов» — так определил тему своего выступления В. Ерошенко.

«Почему в стране с 400-миллионным населением лишь незначительное меньшинство любит литературу? — спрашивал Ерошенко. — Это удручающее обстоятельство легко объяснимо. Люди физического труда не имеют свободного времени для учебы. Тем более у них нет времени на то, чтобы тратить бесполезные усилия на изучение сложной иероглифической письменности... Во всем мире нет другой такой национальной литературы, какой, к несчастью, является китайская, которая была бы полностью отделена от народных масс.

Сегодня нельзя сказать, что простые рабочие не испытывают интереса к литературе. — возможно, они ею как раз очень интересуются; но если они не любят ее, то исключительно потому, что целый день вынуждены работать и у них нет времени и надежды на то, чтобы преодолеть трудности, связанные с иероглифическим письмом.

Из-за того, что в Китае, — продолжал В. Ерошенко, — существует преграда в виде плохой письменности, ваша интеллигенция отделена не только от простого люда Европы и Америки, но и от вашего собственного народа.

Преграда эта прочнее древней Великой китайской стены и таит в себе значительно большую опасность, нежели феодальная дикость»⁴⁴.

Выступление русского писателя по поводу реформы письменности запомнилось тогда в Китае многим. На него ссылаются в своих позднейших работах языковеды Ду Цзы-цзин, Е Лай-ши, каждый из которых приводит ту же цитату из выступления В. Ерошенко.

Упоминает о В. Ерошенко и такой крупнейший лингвист, как Ло Чан-пэй. В своей работе, опубликованной в 1934 г., он вспоминал: «В то время, как у нас шел спор о судьбе китайской письменности, русский слепой поэт Ерошенко и американский деятель просвещения доктор Монро в равной мере обратили внимание на проблему усовершенствования китайской письменности».

Китайские лингвисты не во всем разделяли точку зрения В. Ерошенко, они подчеркивали, что не должны механически следовать его рекомендациям, «но то, что говорят В. Ерошенко и П. Монро, несомненно, представляет интерес», — писал Ли Цзинь-си в своей статье. Учтивый китайский профессор благодарил двух иностранцев за то,

⁴² Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 7. Пекин, 1958, стр. 318.

⁴³ См.: Лу Синь. Собр. соч. Т. 2, М., 1955, стр. 368.

⁴⁴ «Гоюй юэкань». Т. 1, № 4, май 1922 г. Цит. по кн.: «Исторические взгляды на китайскую иероглифику и революция в ее развитии». Сост. Ли Чжун-хао. Бэйпин, 1931, стр. 590. Издание Комитета содействия романизации гоюя.

что они «со всей искренностью предупредили об опасности того, что Китай останется с иероглификой».

Так В. Ерошенко, можно сказать, стал одним из первых русских, кто высказался о необходимости реформы китайской письменности. В этом его взгляды совпадали с мнением Лу Синя, который на протяжении многих лет боролся за то, чтобы трудящиеся могли легко овладеть грамотностью. «Для трудящихся Китая иероглифы, — писал Лу Синь в начале 30-х годов — периода, когда вновь остро встал вопрос о реформе, — очаг болезни, в котором содержатся микробы, и, если его не ликвидировать своевременно, он приведет к гибели»⁴⁵.

* * *

По сравнению с Токио, жизнь Ерошенко в Пекине была спокойней. Часто в компании с кем-нибудь он отправлялся в долгие прогулки за город, бродил по улицам. Он полюбил этот город простых и скромных труженников, его тихие переулки, уединенные дворы, хотя часто и жаловался, что тишина здесь такая, словно в пустыне.

В доме семьи Лу Синя, где, кроме него самого, жили его братья с семьями, с приездом русского немного странного слепого поэта и мечтателя установилась особая теплая атмосфера. В солнечном садике, выложенном каменными плитами, с бассейном, то и дело слышались голоса и смех. Особенно русский писатель подружился с ребятами — детьми братьев Лу Синя. Они бойко болтали с Ерошенко по-японски. В своей повелле «Утиная комедия», немного грустной, проникнутой печалью разлуки с другом, Лу Синь рассказал как раз о тех днях жизни В. Ерошенко в Пекине, о том, что тот уехал в Хельсинки на международный конгресс эсперантистов и Лу Синь не знал, вернется ли его друг. Но неожиданно для всех Ерошенко после четырех месяцев отсутствия вновь приехал в Пекин. Во время зимних каникул 1923 г. совершил поездку по стране. А вскоре, весной, как только представилась возможность уехать в Советскую Россию, он решил трогаться в путь.

Накануне отъезда В. Ерошенко на родину, 15 апреля 1923 г., Лу Синь оставил в дневнике запись о том, что вместе с В. Ерошенко и другими, всего было восемь человек, он провел вечер в ресторане. Видимо, эта последняя встреча была посвящена прощалам русского друга. А на другой день, вечером, Лу Синь в дневнике скупо отметил: «Ерошенко уехал на родину»⁴⁶. Но на этом не кончаются записи Лу Синя о Ерошенко. Еще довольно долгое время после того, как он уехал в Советскую Россию, в дневнике можно найти упоминания о нем. Обычно записи эти связаны с публикацией его произведений, переведенных Лу Синем, в частности пьесы «Розовое облако». Имя русского писателя встречается и в некоторых статьях Лу Синя, относящихся к 1933 г. и даже более позднему времени — к 1935 г. Кстати, книги Ерошенко переносились в Китае неоднократно в различное время. Последнее, например, издание его пьесы вышло в 1934 г., то есть почти 12 лет спустя после того, как автор покинул Китай.

Так закончилась дружба китайского писателя и русского самородка, человека чуткой души и большого сердца. Любовь к людям была чертой его характера, можно сказать, зерном его особого своеобразного таланта. О таких людях А. Чехов говорил, что у них «талант человеческий». Поэтому имя В. Ерошенко стало таким популярным в Японии и Китае в начале 20-х годов, благодаря этому драгоценному качеству он сблизился с многими японскими писателями-гуманистами, стал близким другом великого Лу Синя.

⁴⁵ Лу Синь. Собр. соч. Т. 2. М., 1955, стр. 367.

⁴⁶ Лу Синь. Дневник. Т. 1. Пекин, 1959, стр. 446.

Игнатий Козыревский— автор «Описания Апонского государства»

К. Е. Черевко,
кандидат филологических наук

В Центральном государственном архиве древних актов (г. Москва), в «Портфелех Г. Ф. Миллера», хранится интересный документ, свидетельствующий о стремлении России уже во второй половине XVII — начале XVIII вв. установить взаимовыгодные добрососедские отношения с Японией. Это «Описание Апонского государства», сделанное И. П. Козыревским в результате нескольких его экспедиций на Камчатку и лежащие между нею и Японией острова в начале XVIII в.

Еще в 1675 г. собрать сведения о Японии было поручено послу России в Китае Н. Г. Спафарию. По возвращении из Китая в 1678 г. в «Описании славного и великого острова Японского» Н. Г. Спафарий писал о возможности плавания к Японии из устья р. Амур, против которого расположен большой остров (о. Сахалин)¹. Его жители, кевхи, в 50-х годах XVII в. давали присягу «на верность России»².

В 1697 г. русский землепроходец В. Атласов встретил вынесенного штормом на его-восточный берег Камчатки японца из г. Нагасаки по имени Дэмбэй Татэкава. Он был доставлен в Москву. В 1702 г., после встречи с ним в селе Преображенском Петра I, Сибирский приказ в грамоте от имени царя предписал Якутской воеводской канцелярии вновь направить на Камчатку «охочих людей» для «проведывания» торгового пути в Японию через ставшие известными русским еще в 1667 г. Курильские острова³.

В соответствии с указом Петра I от 17 марта 1710 г. якутский воевода Д. А. Траур-евский перед направлением казачьего десятника В. Савостьянова на Камчатку наказал ему исполнить повеление Петра I «о проведываньи Апонского государства и учинении с ним торгов»⁴.

В 1711 г. И. П. Козыревский со своим сподвижником землепроходцем Д. Я. Андиферовым во главе отряда из 75 чел. после расправы с приказными чинами за бесчеловечное обращение с казаками, злоупотребления и отказ отпустить казаков «проезжать Апонское государство» направился для выполнения этой задачи на острова, лежащие к югу от Камчатки. В результате своего похода он установил, что «Матманское⁵ и Апонское государства» лежат за грядой открытых ими островов, жители которых стали вступать в русское подданство.

В 1712 г. Сибирский приказ распорядился выяснить, «какими путями в сию землю проезд» и «могут ли жители оной иметь дружбу и торговлю с русскими, подобно кайташам, и что годно им из Сибири»⁶.

В 1713 г. И. П. Козыревский с отрядом из 66 человек возглавил новую экспедицию с целью «провесть от Камчатского носу за переливами морские острова и Апонское

¹ См.: Э. Я. Файнберг. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960. стр. 19.

² См.: Б. П. Полевой. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1939. стр. 32, 63.

³ См.: Б. П. Полевой. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии в XVII в. — В кн.: «Сибирский географический сборник». М. — Л., 3, 1964, стр. 238.

⁴ «Памятники Сибирской истории XVIII в.», СПб., 1882, кн. 1, стр. 542—543.

⁵ Так называли тогда в России о-в Хоккайдо (Мацумаэ), где было расположено автономное княжество Мацумаэ, населенное главным образом айнами.

⁶ Г. С. Спасский. Монах Игнатий Козыревский. — «Сибирский вестник». СПб., 1823, ч. 2, стр. 29.

государство»⁷. В результате этого похода, приняв в русское подданство местных жителей (айнов) островов к югу от Камчатки, он собрал у них и у освобожденных им из их плена за выкуп японцев сведения об «Апонском царстве».

Эти сведения И. П. Козыревский, которого по праву можно назвать русским первооткрывателем Страны Восходящего солнца, в 1714 г. изложил в «доезде» (отчете) камчатскому приказному начальнику В. Колесову.

Известно, что позднее, в июне 1726 г., И. П. Козыревский, приняв к тому времени монашество, встречался в Якутске с руководителем первой Камчатской экспедиции В. Берингом, ознакомил его с тем, что ему было известно о Японии и островах к югу от Камчатки, и предлагал ему свои услуги в освоении морского пути в Японию.

Эта задача, однако, была решена позднее, в 1738—42 гг., отрядом второй Камчатской экспедиции во главе с М. П. Шпанбергом. Указом Сената от 2 мая 1732 г. ему повелевалось, в частности, «сжечь возможность допустить, и с японцами торг завести». В ходе этой экспедиции М. П. Шпанберг обследовал также острова, прилегающие с севера к о-ву Хоккайдо, в честь чего за одним из этих островов на морских картах мира закрепилось название о-в Шпанберга (по-айнски — Шикотан, в японском произношении — Сикотан).

Среди документов хранящегося в Центральном государственном архиве древних актов дела «Доношение капитану Берингу от монаха Игнатия Козыревского 1726 г.» (фонд 199, «Портфели Г. Ф. Миллера», ед. хр. 533, д. 2)⁸ «Описание Апонского царства», составленное И. П. Козыревским, отсутствует.

Но в том же фонде (д. 8) находится «Описание Апонского государства» 1737 г. с надписью на полях, сделанной рукой акад. Г. Ф. Миллера, что это описание передано ему 20 января 1737 г. в Якутске сотником Мохначевским и что оно содержит сведения о Японии, полученные от И. П. Козыревского, направленного в 1710 г. на Камчатку. Однако подпись Козыревского, в отличие от других его документов, например «Доношения В. Берингу 1726 г.», «Чертежа Камчадальскому носу и морским островам» и его челобитных, в конце данного документа отсутствует. Быть может, поэтому С. И. Баскин приписал авторство «Описания» Г. Ф. Миллеру.

В тексте «Описания Апонского государства» говорится о том, что жители Японии в «прошлом 730-м году в апреле месяце к Камчатской земли принесло и бусу разбило» (л. 1). На приложенном к «Описанию» «Чертеже Камчадальскому носу и морским островам» имеется подпись: «Монах Игнатий Козыревский», а в папке 781 фонда Сената (№ 19, л. 664—689) содержится сообщение Сенатской конторы в Москве, что в 1734 г. «оной Козыревский умре».

Известно, что в 1732 г., после награждения его Сенатом 500 рублями за службу в районе Камчатки, «проведывание Апонского государства» в 1711 и 1713 гг. и попытку пройти на Камчатку и далее к Японии из района устья р. Лены в 1728—1729 гг., он был по доносу сибирских властей расстрижен и приговорен к смертной казни за выступление в 1711 г. против камчатских приказных. В связи с этим высказывались предположения, что «Описание Апонского государства» было составлено не в 1737 г., а в 1731 г., незадолго до того, как И. П. Козыревский был лишен монашеского сана.

Однако тщательное изучение особенностей этого «Описания» и сличение почерка переписчика «Доношения капитану Берингу», составленного 2—6 июня 1726 г., с почерком автора «Описания Апонского государства» дает возможность заключить, что оба этих произведения — самостоятельные цельные части одного и того же документа — «Доношения» В. Берингу от И. П. Козыревского, написанного в 1726 г. В частности, неоспоримым аргументом в пользу этого заключения является полное тождество бумаги и идентичность водяных знаков в виде царской короны с надписью под ней на иностранном языке. При этом часть водяного знака на листе одного из упомянутых документов при сложении полностью совпадает с другой частью этого же знака на листе другого документа.

О справедливости такого вывода свидетельствует также общая пометка «Копия» для всех трех отдельных частей документа, сделанная над заголовком в правом верхнем углу «Доношения». В «Описании» и в «Чертеже Камчадальскому носу» такая пометка отсутствует, хотя эти части также, несомненно, являются копиями, сделанными с основного документа И. П. Козыревского.

Поскольку подпись И. П. Козыревского воспроизведена в конце «Доношения» и в конце «Чертежа», то «Описание Апонского государства» представляет собой, по нашему мнению, вторую, отдельную, самостоятельную часть «Доношения».

В пользу высказанного положения свидетельствует также то обстоятельство, что в третьей, по нашей классификации, части «Доношения» — «Чертеже Камчадальскому носу и морским островам», есть карта — план района от Камчатки до островов «Матмай» (о. Хоккайдо) и Хонсю.

⁷ Там же.

⁸ См.: ЦГАДА, фонд 199 («Портфели Г. Ф. Миллера»), ед. хр. 533, л. 1, об.; С. И. Баскин. Большой чертеж Камчадальской земли. — «Известия Всесоюзного географического общества». 1949, № 2, стр. 226.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что этот важный документ по истории зарождения русско-японских отношений был переписан для прибывшего в Якутск в 1736 г. акад. Г. Ф. Миллера в январе 1737 г. Поскольку три входящие в него части имеют самостоятельный характер, документ был расшит Миллером и его составные части заключены им в разные дела за 1737 г.

В 1953 г. И. И. Огрызко в «Ученых записках ЛГУ» (серия Факультета народов Севера, в. 2, № 157, стр. 190) датировал 1726 г. обнаруженный им подлинник второго варианта «Чертежа» И. П. Козыревского. До этого считали, что «Чертеж» 1726 г. сохранился лишь в «миллеровской копии», то есть копии 1737 г., в которой якобы два «Чертежа — «Чертеж Камчадальскому носу» и «Чертеж морским островам» — сведены в один «Чертеж».

К этому выводу И. И. Огрызко пришел на основании неточной интерпретации фразы из копии «Доношения» И. П. Козыревского В. Берингу (1726) о том, что отважный русский землепроходец подал руководителю первой Камчатской экспедиции вместе с «Доношением» «Чертеж как Камчадальскому носу також и морским островам»⁹. В действительности, как удалось теперь установить, речь шла об одном чертеже, на котором были изображены как «Камчадальский нос», «також и морские острова».

Так называемая «миллеровская копия» этого «Чертежа», как это видно из написанного рукой акад. Г. Ф. Миллера текста над заголовком приложения к «Описанию», была прислана ему 20 января 1737 г. якутским сотником Мохначевским.

Ниже впервые полностью публикуется копия «Описания Апонского государства», переданного 26 июня 1726 г. В. Берингу ее автором — известным русским землепроходцем И. П. Козыревским, поборником добрососедских отношений между Россией и Японией в начале XVIII в.

Описание Апонского государства 1726 года И. П. Козыревского

Его императорского величества указом велено проводить Апонское государство¹.

1

Государство стоит в великой губе над рекою², а званием их Едо общим Нифонское государство, а люди называются государственные городовые нифонца³. А от моря стоит не в дальном расстоянии и морские суда не подходят и стоят на усть реки и возят всякие товары мелкими судами, особливими на то устроенными, а приходят и отходят безпрестанно, понеже зимы нет, в полдень и в запад и в север к Камчатской стороне, в Матмай и в другие города. А городов каменных два, и по стенам пушки. А царя своего не видят, а когда бывает ход, и в то время падут на землю и смотреть не смеют. А звание оному царю Кобосома Телка⁴. И другие владельцы в государстве при нем живут, а в свои места и города посылают ради управления наместников.

2

А круг Нифонта острова⁵ обхождением морем, сказывают, едва можно годищным временем и больше обойти.

А означенных из полонных нифонцов один человек [подал] чист [овой] всей своей земли чертеж с подписями их грамот, а под ево письмом я подписывал своею рукою, и про то опознали товарищи его Ширякие⁶ и другие, учинилось быть меж ими вражда и ссора и драка о том и больше сего, что по сем чертеж⁷ объявил после моего оной иноземец письменно не объявлять о городах и словесно сказывать, понеже другие товарищи его запретили ему письменно объявить и чертежем после моего оной иноземец тайным обычаем о звании своего государя сказать також нифонскаго и других⁸, а про объявлении онаго и другие после сказывали и иные много запомывал, понеже по их вере вьявь при других людех царя своего называть именем не смеют, а сказывали неизвестные люди и не видають⁹.

3

Из Акикония города¹⁰ ходили в [узакинское] государство иноземцы с торгом, а именно с лесом и, роздав лес, купили вина, табаку, гороху и возвратясь, недошед до

⁹ ЦГАДА, фонд 199 («Портфели Миллера»), ед. хр. 533, д. 2, л. 4.

города дни с три отнесло в море относным ветром, а на судне были только работные люди, а хозяева де горою пошли, из государства в свой град поехали, и как их отнесло от земли, и они де дерево срубили¹¹.

4

Город Какокунии великое¹² особое владение, а владеет узакинскому царю¹³ свойственник ближней. А в сем городе золото и лесу множество и судовое строение, при других владениях богатство изобильно. И сего города жителя в прошлом 710-м году¹⁴ в апреле месяце к Камчатской земли принесло, а бусу разбило [у] города Таланну¹⁵.

5

В губе морской близ моря стоит великий город званием Ища¹⁶, особое владение, а владеет званием их Уат Етвемя¹⁷, подобен большому царю Кобосоме¹⁸.

6

Из Нифонского государства в Узинское государство морем приход полгода, а горою ход полтора месяца, а морем в два и три месяца и в один месяц бывает же, понеже морской путь неравно. А узинскому царю звание их Пкубо Накама Телка¹⁹. И во оное государство приходят из других государств, також из Китайского государства, понеже из полуденных иноземцев и один человек званием Китст в Узинские²⁰ де бывает и видел других государств торговых людей. А в Узинские многое число всяких вещей и серебро у них де родится и всякие товары и шелковые делают.

7

На их же земле Нифоне острове, сказывают, есть например будто монастырь, сей стоит на горе дивно, в котором обретается множество церквей их и безчисленно Богомольщиков чернцов, которым и жалованье присылается от царя, и всякие люди за моление их дают.

8

А хлеб-де у них родится по трижды в год, и овощ земной, плод всякий безпрестанно. А табак сеют и множество делают и родится. А пашут де крестьяне на быках. Також де шелковые и всякие товары делают мужики и бабы.

А платья носят шелковые, бумажные и всякие.

9

И войны из давних лет у них во Нифоне острове между владычными²¹ не сказывали, но токмо мир меж собою. В полуденной стороне в подданстве [они пребывают], а владельцы [их принадлежат] Узинскому, а в востоке и севере Нифонскому [государству]. А все ли владельцы, которые имеют у себя города каменные или не все в подданстве ко оным государствам, про то в достаток²² не уведомился, понеже полоненными служащими людьми нифонцы русскому языку в достаток не знают, також де и я большим разговором не заобыкновен²³. А сказывали многие полонные нифонцы все особливых владетелей у них на Нифоне близ осьмидесяти, а имянно на морском острове.

10

Да у них же Нифоне острове обретается великий властитель, например папа, или кто он званием их Фоносом, которому цари и другие властители поклоняются и честь все отдают аки богу, или Фоносом бог их²⁴, того в достаток не уведомился. Для того полоненные иноземцы²⁵ разговору и русскому языку в достаток не обихли²⁶ в то время, когда они у меня были и жили. А звание оным нифонцам при сем же чертеже²⁷, где и на которых реках взяты в полон, подписаны имена их.

11

Город великий званием Шанда²⁸, а владеет сродственник нифонскому царю, и от того города к государству есть на море остров, на котором съезжаются ради молбища, приносятся дары — золото и серебро, вещи и множество иного имения обретается. А ежели кто от того украдет, и тому скорое обращение бывает, жилы станет корчить, а тело сохнет. А ежели кто и забвением учинит или на ногах на обуви принесет, и тому обличение бывает.

Того ради имеют на себе особое одеяние ради моления, а как де возвратятся оттуды совлачают с себя оную одежду и прилепший прах отверзают и облачаются в первую одежду.

12

Народ острова онаго на пищу себе коров не бьют и мяс их не едят. И ружья им при себе держать не повелено и не имеют, опричь сабель, и то у знатных людей.

Також и торговым людям, которые ходят морем, при себе никакова ружья²⁹ не имеют.

А в службу выбирают с велика возраста людей и обучают при своей обыкности³⁰ в особливом городе, а обуча и приводятся в государство. А к воинскому делу зело не искусны и боязливы. Которые у меня в полону были, когда увидят человека кровава, и тогда глаза руками закроют и падет на землю, також и про других своих людей сказывали, а именно про нифонцов.

13

Город Найбу³¹ стоит близ моря, владение же подданное и ходят же бусы их званием фуне³² в Матмай и в другие города, сего де города не минуют, понеже стоит в протоке.

14

На сей стороне стоит город Сынари³³, особливое владение, в подданстве их языку в Нифонское государство и приходят с большей земли³⁴ к западной стороне и китайских де городов, которые города над рекою Шингалом³⁵, також и от других владений и городов с торгами, а путь в государство морем, а горою в две недели ездят.

15

Да близ губы есть остров караульной³⁶, которого неможно миновать, и осматривают людей и наипаче ружья и товары, и на товары выписи дают, також из государства пойдут потому ж осматривают. А тот ли остров, на котором молбище или иной, о том не уведомился, забвением не спросил. Також де и по дорогам к государству многие караулы.

16

Город Матмай стоит в проливе близ моря, подданный Нифонскому государству, а сказывали полонные иноземцы, что де не в дальних годех оной город Матмай построен. А которые де люди явятся в винностях каких, и таких людей ссылают с Нифона в Матмай³⁷ в ссылку. А Матмайского города люди при себе имеют всякое ружье ради оберегательства, в городе пушки и разное ружье и суда и снаряды. И меж Матмайским и Нифонским островом в означенном сем проливе с обеих сторон прилегли носы³⁸, и когда бывает ветер боковой, а вода прибулая и убылая, и тогда в путь тот бьвет бусам, их языком фуне, великая нужда³⁹, едва в отстой с нуждою попадают, а иногда и разбивает, понеже против носов не широко.

А означенных иноземцов⁴⁰ Кисть означил чертежем против его и к Камчатской стороне, а именно на полулисте и на другой половине проливу, а сказывают, что де иноземцы их званием Его⁴¹ Матмайского и в других островах.

Приходят в Матмай город с рыбою и с китовым жиром и с кожами звериными, и они⁴² знаются де Матмайского города с жителями⁴³ по своему языку говорят, и к нам с Матмая ходят, и мы де, нифонцы, далее Матмая ходим и на иные острова⁴⁴.

17

А от Камчатского носу и сим Матмайским островом всего больших и малых и пустых двадцать два острова⁴⁴, в том числе побочных по стороне пути семь островов, и в котором живут какие народы и что промышляют, и какие товары делают, и чем торгуют, и ради промыслу и земнаго плода ходят [вдостаток не уведомился]. И на оных иноземцы не живут от прочей великой нужды, разве кого у промыслу зимней случай застигнет и в море бывает великое безвременное волнение⁴⁵, и о том значит на каждом острову подпись⁴⁶ також и переливом⁴⁷ мелкими судами [бывают] временами иноземцы.

Примечания

1. В 1702 г. Сибирский приказ в грамоте от имени Петра I предписал Якутской воеводской канцелярии разведать торговый путь в Японию через Камчатку.

Несколько позднее якутский воевода Д. А. Траурнихт получил со ссылкой на указ Петра I от 17 марта 1710 г. предписание «против Камчатской земли... острова проводить с великим прилежанием радением». (Э. Я. Файнберг. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960, стр. 21; А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971, стр. 144.)

2. Токийский залив, в который впадает р. Тонэ — одна из самых многоводных рек Японии.

3. Эдо — столица древней Японии (Нихон, или в старом произношении Нифон), ныне г. Токно.
4. Кубо-сама-но тэнка — владыка Поднебесной, император.
5. Главный остров Японии — Хонсю.
6. Ширякие — Сиракия, один из 4 японцев, спасенных русскими при кораблекрушении в 1710 г. на юго-западном берегу Камчатки, у устья р. Жупановой. Других звали Санима, Кидзути и Симанаки (у И. П. Козыревского Сан, Кисть (Кисть) и Шиманай). Санима впоследствии был переводчиком И. П. Козыревского; в 1714 г. был направлен в Петербург, где его подробно расспросили о Японии с целью найти путь к ней для установления дружественных торговых связей. «С подписями их грамот» — с указанием географических названий на японском языке.
7. Обозначено по этому чертежу.
8. О фамилии князей (даймё) провинций и японского императора.
9. Имеется в виду обычай падать ниц при появлении императора.
10. Провинция Аки-но куни (префектура Хиросима).
11. Срубили мачту, после того как штормом отнесло в море.
12. Провинция Кии — Кии-но-куни (префектура Вакаяма в центральной части о-ва Хонсю).
13. Осацкий князь (даймё).
14. В копии описка — 1730 г.
15. Поселение Тавано на о-ве Уруп (Курильские о-ва), где была разбита штормом и потеряла управление японская буса (дубовая долбленая лодка).
16. Провинция Исэ (префектура Миэ).
17. Имеется в виду верховный жрец храма богини Солнца Аматэрасу, которая в соответствии с японской мифологией считалась основательницей правящей династии.
18. Кубо-сама — император.
19. Кубо-сама-но тэнка — император, резиденция которого находилась в Киото, неподалеку от Осака (здесь Узака, узакинский, или узинский — осакский).
20. В Осака.
21. Подвластные.
22. В достаточной степени.
23. Не привык.
24. Каннон-сама — буддийская богиня милосердия.
25. Японцы.
26. Не привыкли, не выучились.
27. На приложенном к оригиналу «Описания» «Чертеже Камчадальскому носу и морским островам». Это подтверждает изложенное нами выше мнение о том, что весь документ состоял из 3 отдельных частей.
28. Г. Сэндай в провинции Рикудзэн (префектура Миягэ), в северо-восточной части о-ва Хонсю.
29. Оружие.
30. Обычно.
31. Нанбу — ныне г. Морнока в провинции Рикютю (префектура Иватэ), в северо-восточной части о-ва Хонсю.
32. По-японски — судно, лодка.
33. г. Цугару, или Хиросаки, в провинции Муцу (префектура Аомори) на севере о-ва Хонсю.
34. С Азиатского материка.
35. Тунгусское наименование нижнего Амура и впадающей в него Сунгари.
36. Остров Окудзири.
37. Остров Мацумаэ, или Эдзо (ныне о-в Хоккайдо).
38. Мысы.
39. Трудность, невзгода.
- 40—42. Эдзо, или айны, — коренные жители о-вов Хоккайдо, Сахалина и Курил.
43. То есть японцами, которые обитали на юге о-ва Хоккайдо.
44. Очевидно, описка, так как на «Чертеже» И. П. Козыревского (копия 1726 г.) написано: «мы де, нифонцы, в сиверскую сторону на иные острова не ходим» (ЦГАДА, ф. 199, д. 8, л. 9).
45. См. примечание 43.
46. Подписи на упомянутом выше «Чертеже Камчадальскому носу и морским островам» 1726 г.
47. То есть проливом между островами Хоккайдо и Хонсю.

ВСПОМИНАНИЯ

Дипломат, ученый, литератор

Н. М. Майский,
академик

Пыхтя и шипя, иркутский поезд подошел к перрону Омского вокзала. Был январь 1922 г. Мороз трещал, и пассажиры не выходили из вагонов. Мне нужно было срочно отправить в Москву моему другу по эмиграции, а в тот момент наркому иностранных дел, Георгию Васильевичу Чичерину только что опубликованную в Иркутске мою книгу «Современная Монголия» — плод моей полуторагодовой экспедиции в страну. В те далекие времена почтовая связь между Сибирью и Москвой была еще не очень надежно установлена, и ответственные работники тогда нередко пользовались подходящими оказиями.

Я вошел в вокзал с знакомым, обещавшим представить мне одного надежного человека, который мог гарантировать доставку моей книги в Москву. Когда я вручил ему мой толстый том, получил твердое обещание сразу же по прибытии на место исполнить поручение. Так оно в дальнейшем и случилось. А я невольно почувствовал большую симпатию к моему случайному почтальону, юноше 22—23 лет, вдумчивому и хорошо подкованному политически. Неожиданно и крепко вошел он в мою жизнь, создав в ней прочное место в течение последующих 50 лет.

Этим почтальоном и в последующем другом, к которому я относился с огромным уважением, был М. И. Казанин.

* * *

М. И. Казанин был человеком уникальной судьбы. От природы он отличался большими способностями, особенно в области литературы и лингвистики. События же его жизни — настоящий калейдоскоп. Эти обстоятельства превращали этого невысокого человека с вдумчивым взглядом в исключительную личность, которую полностью узнать я и так и не смог до самого конца. Может быть, загадочность Казанина и глубокое разнообразие его качеств в известной степени объяснялись тем, что жить и действовать ему приходилось в эпоху великой революции, когда людям и событиям она придает исключительный характер.

Когда Красная Армия совершала свой неудержимый марш через Сибирь, перед советским правительством встал вопрос о взаимоотношениях с Японией, которая в то время оккупировала большой кусок Восточной Сибири. Была опасность острых столкновений между РСФСР и ее восточным соседом, чего В. И. Ленин хотел всячески избежать. Тогда советское правительство применило очень остроумный и оригинальный метод. Был созван съезд трудящихся Прибайкалья, на котором было объявлено о создании Дальневосточной Республики. Таким образом между РСФСР и Японией возникло независимое буферное государство. Оно просуществовало около двух лет и вполне оправдало задачу, ради которой было создано. После ноября 1922 г., когда Япония вынуждена была полностью освободить советскую территорию, Дальневосточная Республика вошла как нераздельная составная часть в РСФСР.

Казанин был выходцем из Харбина, где его родители работали на КВЖД. Там он окончил коммерческое училище, затем учился во Владивостокском институте восточных языков и, сверх того, усваивал китайский язык, так сказать, «на улице». Высшую школу ему помешала окончить гражданская война, которая разразилась в районе Владивостока и приняла также форму иностранной интервенции. В начале 1920 г. Казанин в качестве недоучившегося студента в возрасте 21 года оказался в скромной роли преподавателя в прогимназии на дальневосточной станции Слюдянка.

Однако здесь в его жизни произошел почти фантастический случай, возможный только в эпоху революции. В мае 1920 г. он неожиданно получил телеграфный вызов из Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) от Совета министров Дальневосточной Республики.

По приезде в Верхнеудинск изумление М. И. Казанина еще больше возросло. Ему предложили немедленно отправиться в качестве секретаря дипломатической миссии

в Пекин для переговоров и установления отношений с этой древней столицей. Казанин был ошеломлен, но, подумав немного, решил, что, хотя у него нет никакого опыта для такой работы, все-таки интересно попробовать. Так как вся история этой замечательной эпопеи в дальнейшем была подробно описана самим Казаниным¹, я могу ограничиться тут лишь наиболее необходимыми деталями.

Главой миссии был назначен командир Красной Армии И. Л. Юрин, человек смелый и находчивый, но, разумеется, без всякого опыта в дипломатических делах. Зато Юрин не боялся трудностей и неожиданностей. В качестве первого секретаря был приглашен старый большевик Громов, эмигрант, живший в Америке и хорошо говоривший по-английски, а вторым секретарем и переводчиком с китайского языка ехал М. И. Казанин.

Путь в Пекин был выбран самый простой — через Кяхту и Монголию.

В те далекие дни в Китае шла гражданская война между различными «дудзюнами», то есть местными военными феодалами, командовавшими крупными армиями и оказывавшими решающее влияние на определенные районы.

Перед миссией Юрина (и, в частности, перед М. И. Казаниным) открылась возможность установления связи с китайским правительством, формальной резиденцией которого был Пекин.

Так называемое Пекинское правительство того времени представляло собой не только сравнительно малокровный бюрократический аппарат китайской дипломатии, но и сложный лабиринт традиционных китайских пережитков, влияний иностранцев, различных феодальных и национальных агентур. Миссии Юрина нелегко было разобраться в этих сложностях, и вот тут-то как раз особенно полезным оказался М. И. Казанин. Несмотря на свою молодость, он всегда умел найти правильную линию и сделать тот шаг, который диктовался обстоятельствами. Мало того, что М. И. Казанин завязывал тесные связи с официальными чиновниками министерства иностранных дел Китая, он также поддерживал контакты и с дипломатическим корпусом, и со столичными органами печати, с наиболее влиятельными китайскими и иностранными журналистами, с выдающимися европейцами и американцами, по тем или иным причинам приезжавшими в Пекин. Достаточно сказать, что Казанину удалось завести дружеское знакомство с английским философом Бертраном Расселом. Постепенно вес миссии Юрина возрастал, а вместе с тем расширялся круг связей и знакомств Юрина и Казанина.

Между тем время шло, в мире происходили важные события, на которые не могли не реагировать люди в разных концах земли. Первая мировая война, как война в буквальном смысле, кончилась, но подготавливалась и осуществлялась Вашингтонская конференция и происходили связанные с нею многообразные политические, военные, финансовые и национальные изменения.

В Пекине оживленно обсуждался вопрос о том, может ли сыграть какую-либо роль Дальневосточная Республика вообще и миссия Юрина в частности. Около нее стало появляться немало политических агентов и спекулянтов, так или иначе желающих примазаться к вновь выдвинувшейся государственной единице. Надо отдать справедливость Юрину и Казанину в том, что они относились с необходимой трезвостью ко всем таким поползновениям. Вместе с тем они прекрасно понимали, что цель, с которой была послана их миссия, уже выполнена, и теперь необходимо возможно быстро возвращение домой. Миссия начала переговоры на эту тему с руководством Дальневосточной Республики и в свое время получила на это согласие. В результате миссия Юрина была отозвана. И в январе 1922 г. я имел возможность познакомиться с М. И. Казаниным.

Второй раз мы увиделись с М. И. Казаниным в Лондоне в 1925 г. Я был назначен советником посольства СССР в Англии и пробыл там два года, вплоть до разрыва англо-советских отношений в 1927 г.

М. И. Казанин рассказал мне, как он провел три года, которые отделяли нас от омских дней. Они были целиком поглощены учебой в области китаеведения — в Москве, потом в Лейпцигском университете и, наконец, в восточном институте Лондонского университета. В Лондоне его учителем был известный китайский писатель Лао Шэ. Мы часто виделись с М. И. Казаниным, тем более что он стал преподавателем английского языка для моей жены, только что попавшей на берега Темзы.

В конце 1925 г. Казанин закончил лондонскую учебу, и я надолго потерял его из виду. Он продолжал учебу в других местах. Теперь Казанины проводили немало времени в Париже и Италии. Тем временем важные события происходили в Китае, и они невольно втягивали Марка в новую, очень бурную полосу жизни.

В 1925 г. умер Сунь Ят-сен. А в июле 1926 г. Национально-революционная армия, созданная им в предшествующие два года, начала свой знаменитый северный поход. В. К. Блюхер и другие советские военные специалисты шли с армией, деля с китайскими солдатами все трудности и невзгоды.

¹ М. И. Казанин. Записки секретаря миссии. Страничка истории первых лет советской дипломатии. ИВЛ., М., 1963.

В 11 ноября 1926 г. Национально-революционной армией был занят Нанкин, а в феврале 1927 г. войска под командованием Чан Кай-ши стали наступать на Шанхай. Тем временем в марте рабочие Шанхая под руководством Компартии и местного совета профсоюзов восстали и низвергли власть милитаристов.

Вскоре после смерти Сунь Ят-сена в сложной системе разнородных элементов, из которых складывался единый национальный фронт китайской революции, начались всеобщие разногласия. Особенную опасность представлял постепенный поворот Чан Кай-ши, обосновавшегося в Шанхае. Реакционные силы везде подняли повстанье и в течение весны и лета 1927 г. подавили сопротивление левых гоминьдановцев в Кантоне, Нанкине и других городах. В июле 1927 г. большинство левых гоминьдановцев либо бежало, либо капитулировало перед реакцией.

Китайская революция 1925—1927 гг. потерпела неудачу. Такова была общая картина великой исторической драмы китайской революции, которая разыгралась в 20-х годах нынешнего века. А на этом гигантском фоне в первую очередь вырисовывались индивидуальные лица или группы лиц. Одним из них был Казанин.

Приглашение приехать в Китай М. И. Казанин получил, когда находился во Франции. После месячного плавания вместе с женой на французском пароходе он прибыл в Шанхай — уже в то время, когда Чан Кай-ши повернул в сторону контрреволюции.

Прибыв в Шанхай, Казанин был прикомандирован в качестве опытного китаеведа к штабу В. К. Блюхера. Случайно вышло так, что жена Блюхера Галина Кольчугина была знакомой Казанина еще в молодые годы по Харбину. А главный адъютант Блюхера Абрамсон-Мазурин был близким его товарищем по Владивостоку. Оба эти обстоятельства сразу сделали М. И. Казанина своим человеком в штабе Блюхера. Казанину, например, было поручено ежедневно составлять для Блюхера и под его руководством официальный бюллетень по армии. А когда отношения между Блюхером и Чан Кай-ши испортились, перед окончательным поворотом последнего к контрреволюции, Блюхер снял с себя ответственность за содержание бюллетеня, и некоторое время последний составлялся одним Казаниным.

Вскоре, летом и осенью 1927 г., наши советники были отозваны из Китая домой. В целях осторожности они уезжали группами по разным маршрутам и в разные сроки. Однако надо признать, что, не желая тогда еще окончательно сорваться с Советским Союзом, Чан Кай-ши не ставил препятствий отъезжающим русским.

Казанины прибыли в Москву в ноябре 1927 г. В их жизни открылся новый период, сильно отличавшийся от предыдущих.

* * *

В одной из частей своих мемуаров М. И. Казанин писал после возвращения из Китая: «Как-то пришел Абрамсон-Мазурин и сообщил мне, что в Москве образуется научно-исследовательский институт по Китаю. Туда же на работу приняты многие молодые синологи, составлявшие «мозговую трест» в Ханькоу. Абрамсон-Мазурин предложил мне поступить в этот институт, что я и сделал. Я проработал там десять лет. Мне мечта забраться на сказочную гору Цзиньшань на Янцзы, чтобы познать там все тайны китайского духа, теперь приняла у нас другую форму. Занимаясь наукой, мы хотели выведать все тайны китайской истории, социального строя, аграрного вопроса, тех дружеских отношений между людьми, о которых мы так мало знали. Это стремление было важнейшим итогом скромного моего опыта, наблюдений и исходной точки следующего этапа».

В начале 30-х годов М. И. Казанин написал для первого издания Большой Советской Энциклопедии целую серию статей. В 1935 г. вышел его «Очерк экономической географии Китая» — учебник, по которому учились многие наши китаеведы. Работа над основными проблемами китайской жизни, М. И. Казанин невольно втягивался в глубокое изучение районирования страны, тем более что по прошлому опыту (во время жизни в Пекине и работы в штабе Блюхера) лично был знаком с жизнью отдельных групп населения, с особенностями территорий, где они проживали.

Любопытным образцом столь оригинального научного и научно-политического творчества может служить, например, очерк М. И. Казанина «Хунань», опубликованный в начале 30-х годов в Москве в журнале «Проблемы Китая». Оттиск статьи представлял собой толстую тетрадь в 40 страниц густой печати, с хорошей картой местности, с социально-экономической характеристикой провинции, ее гор, рек, равнин, озер, транспорта, естественных богатств (железо, уголь, леса и т. п.), растений (чай, хлопок, рис и др.), промыслов и производств (постройка джонок, художественные изделия, торговля и пр.). Очерк далее рисовал картину товарооборота между различными районами Хунани.

Очерк Казанина о Хунани — глубокий научный труд, стоивший автору громадных усилий. Невольно встает вопрос, откуда Казанин брал для него материал?

Из двух источников: во-первых, из самой разнообразной литературы — китайской, английской, французской, русской, голландской, японской и т. д. Во-вторых, и это осо-

бенно важно, Казанин привлек огромное количество личных сообщений, цифр и данных, полученных от членов «мозгового треста» и китайских работников Уханьского правительства, одно время существовавшего в долине Янцзы и состоявшего главным образом из левых гоминьдановцев.

Такое происхождение материала, использованного Казаниным для очерка «Хунань», говорило о том, что он построен на базе цифр и фактов, максимально приближающихся к действительности.

* * *

В дальнейшем, после вынужденного перерыва, М. И. Казанин сосредоточил свою энергию ученого на изучении сложных проблем истории ранних русско-китайских отношений. Прекрасно владея английским, французским, немецким языками, М. И. Казанин углубляется в толщу веков, осваивает тонкости старонемецкого и овладевает фразеологией староголландского языка. После этого он приступает к переводу и комментированию записок о посольстве ко двору маньчжурского императора Канси Избранта Идеса и Адама Бранда. «Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695)», снабженные вступительной статьей и комментариями М. И. Казанина, вышли в свет в 1967 г. Эта работа могла бы снискать ее автору самые высокие научные степени: каждое событие одного из интереснейших этапов петровской дипломатии высвечивается максимальным количеством сведений из китайских, русских и западноевропейских источников, исследователь в равной мере владеет и материалом по истории Сибири и регламентами европейских купеческих гильдий. Фигуры руководителей этой торгово-дипломатической миссии предстают перед читателем как на хорошо отреставрированном портрете работы старых голландских мастеров.

Продолжая исследования этой темы, М. И. Казанин ввел в научный оборот и еще два интереснейших источника — дневники иезуитов-миссионеров, выступавших в качестве дипломатических консультантов при маньчжурском посольстве на Нерчинской конференции 1689 г. Дневники Жербийона много раз использовались русскими историками, от Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева до С. В. Бахрушина, но лишь в переводе М. И. Казанина они вышли в свет в полном объеме. Что же касается дневников Перейры, то о них мир узнал лишь в 1961 г., после того как они были извлечены из архива ордена иезуитов. М. И. Казанин впервые представил их читателю на русском языке, снабдив необходимым комментарием. Оба перевода вошли в документальную публикацию «Русско-китайские отношения в XVI веке» (Т. 2. М., 1972), прекрасно дополняя русские и китайские документы. Однако мне думается, что благодаря их тематической завершенности, увлекательности повествования и прекрасному переводу они вполне заслуживают и опубликования их отдельным выпуском.

Марк Казанин был не только видный ученый, но и превосходный писатель-мемуарист. О его литературном даре я подозревал и ранее, но окончательно в этом убедился, когда он, вернувшись в Москву вместе с женой, поселился в моей московской квартире. Они устроились по-семейному и прожили вместе с нами больше года. Потом обрели собственную жилплощадь. Однако год пребывания их в моей квартире оставил в жизни Марка очень важный, можно сказать неизгладимый, след.

В те годы я приступил к серьезной работе над своими дипломатическими мемуарами. Мысль об этом меня давно уже занимала, а теперь, после того как я ушел с активной дипломатической работы, основной моей деятельностью стало написание воспоминаний о своем прошлом. На эту тему я много беседовал с М. И. Казаниным и не раз задавал ему вопрос, нет ли в его собственном прошлом чего-нибудь такого, что заслуживало бы занесения на страницы истории. Мои разговоры с ним, несомненно, будили его мысль, тревожили память и стимулировали его творческую интуицию. В один прекрасный день Марк выложил на стол небольшую книжечку и многозначительно буркнул:

— Ну, вот мое дитя.

Это были «Записки секретаря миссии», вышедшие в 1962 г. Мне понравился этот первый мемуарный опыт Казанина. Он произвел благоприятное впечатление на некоторых товарищей — ученых, писателей, военных. С еще большей энергией я стал уверять Марка в необходимости продолжать работу мемуариста.

Первый успех его сильно окрылил, и вскоре он засел за работу. Новый труд оказался еще более интересным и поучительным². Здесь речь шла не о дипломатии в узком смысле слова, а о великой драме китайской революции 1925—1927 гг. Записки эти оказались еще ярче и глубже, чем первая книга, и окончательно убедили меня в литературных талантах М. И. Казанина. Я не могу здесь подробно останавливаться на качествах второй его мемуарной книжки как литературного произведения, приведу лишь несколько отрывков, дающих о ней известное представление.

«В советской колонии в Ухане (временной столице революции), — пишет Казанин, — доминировали два имени — Блюхер и Бородин. С Блюхером мне приходилось встре-

² М. И. Казанин. В штабе Блюхера. М., 1966.

затяться в тот период ежедневно. Первое, что бросалось в глаза при встрече с Блюхером, оставалось навсегда в сознании, — это, я бы сказал, его счастливая внешность и счастливая манера. Перед вами стоял и с вами общался красивый, привлекательный, счастливый и в то же время очень сильный и сдержанный человек. Поначалу в нем нельзя было заметить каких-либо специфических черт — рабочего, крестьянина, солдата или военачальника. Запоминался взор серых глаз под темными густыми бровями. Была в нем крестьянская основательность, и рабочая гордость, и большевистское провидение, и те черты, что он перенял от лучшей части военной среды, с которой вместе делил окопную жизнь, и раны, и георгиевские кресты: мужество, немногословие, быстрота суждения, неограниченное доверие к боевым товарищам, высокое представление о долге, чести, славе. Отсюда шла его неизменная подтянутость, подчеркнутая корректность и достоинство.

От его врожденной простоты и скромности всегда жила в нем боязнь какого-либо преувеличения. Очень точно схватил эту черту писатель Зозуля, интервьюировавший Блюхера в первой его большой славе. В разговоре с ним Блюхер все преуменьшал — Ачмур был просто речкой, огромная кампания — небольшим походом, бой — стычкой, сильный гарнизон — небольшим гарнизоном. «У него самые светлые внимательные глаза, гордая крепкая посадка головы», — писал Зозуля.

Хорошо рассказал о нем Паустовский: «В бою он рядом с бойцом. Под ним убивали лошадей, но пули не трогали его. Его видели всюду в отряде — этого стройного жизнерадостного человека с серыми, очень внимательными, чуть прищуренными глазами и спокойным мужественным голосом. всюду была видна его потертая до белых лысинок кожаная куртка и старая солдатская фуражка».

Я помню еще по 1920 г., как гордились им бойцы на Дальнем Востоке. В то лето в Ханкоу, когда я реферировал прессу, иностранные газеты были переполнены догадками, кто такой на самом деле генерал Галин. Такая информированная газета, как лондонская «Таймс», а за ней вся буржуазная печать, пронюхавшая, что за псевдонимом «Галин» скрывается Блюхер, и зная о его блестящих подвигах в гражданскую войну, не могла допустить мысли, чтобы такое огромное военное дарование выпало на долю простого русского человека, и утверждала, что Блюхер австрийский офицер, попавший в плен к русским в мировую войну, — прямой потомок прусского маршала Блюхера, разбившего Наполеона при Ватерлоо. Блюхер долго смеялся, когда ему сообщили об этом. По его словам, у них на выселках 28 дворов, и в 24 все крестьяне звались Блюхерами по фамилии помещика, и вся деревня звалась блюхеровской... И что Блюхер вместе с несколькими другими крупными военными по окончании военной Академии в Москве прошел дополнительно курс в Академии Генерального Штаба в Берлине...

Если Блюхера я видел каждый день, то главу нашей политической миссии Бородин я знал поверхностно, изредка встречаясь с ним в его рабочем особняке...

Надо сказать, что и Бородин был столь же эффектен внешне, как Блюхер... На мой взгляд, привлекательная, внушающая доверие и уважение наружность обоих сыграла свою роль.

В Китае мне ничего не было известно об участии М. М. Бородина в революционном движении или об его партийном стаже. Знал только, что лет 10—12 он был политэмигрантом в Америке. Бородин был высокого роста, широкоплечий, у него был прекрасный низкий голос. В сочетании с незаурядным ораторским талантом и прямо-таки магическим даром очаровывать людей и влиять на них все это обеспечивало ему огромный успех и непререкаемый авторитет.

Когда он болел, весь китайский совет министров собирался у его постели. Советания шли на английском языке, которым Бородин владел в совершенстве. В числе его друзей-поклонников были и вдова Сунь Ят-сена, Сун Цин-лин, и ее брат, министр финансов Сун Цзы-вэнь, и министр иностранных дел Евгений Чен, и многие другие. Английский язык способствовал быстрому взаимопониманию и самому тесному общению.

Бородин поддерживал прямые контакты как с гоминьдановцами, так и с коммунистами, разговаривая с ними либо по-английски, либо через переводчика по-китайски. Его политика усиления коммунистического сектора в армии, партийной пропаганды, сосредоточения и подготовки кадров была ножом острым для гоминьдановцев и прежде всего для Чан Кай-ши, уже с самого начала рассматривавшего работу миссии Бородина как опасную политическую конкуренцию, а самого Бородина как потенциального врага.

Корреспондент американского газетного синдиката Винсен Шин так характеризовал Бородина: «Бородин большой, спокойный, с тем достоинством, которое присуще крупному зверю, имел особое свойство — казалось, что он и в бою и одновременно над боем, то свойство, которое в моем представлении нельзя характеризовать иначе, как величие».

«Мое тогдашнее впечатление, может быть наивное, — пишет Казанин, — это впечатление массивности, авторитета и, я не боюсь этого слова, физического великолепия Бородина. Конечно, тот яркий маяк, каким являлся Бородин в Китае, был обязан своим светом прежде всего Москве, Ленину, партии, ее силе, достоинству, правоте.

Для китайцев Бородин был незабываемым воплощением Советского Союза, разума и воли партии большевиков. Даже если был не автором политики, а лишь исполнителем, тактиком, а не стратегом, — все, что он делал, он делал благородно и внушительно, с тончайшим тактом, знанием людей и, я бы сказал, с большой долей изобретательности, таланта, вкуса. Он никогда не суетился, не мельчил, не способен был прилизать в глазах всего мира ту идею и ту партию, которую он представлял...

Возвращаясь к Блюхеру, должен сказать, что в характере его в отличие от Бородина было немало противоречий. Лучше всего он проявлял себя перед лицом большой задачи или опасности: партия, народ, долг, армия превращали пролетария, годами скитавшегося с завода на завод, во всезнающего, всемогущего маршала революции, мудрого стратега и великого полководца. Революцию делают люди, но на примере Блюхера было особенно видно, что и революция делает людей, открывает скрытые таланты и помогает проявить их. И если Бородин был большой политический талант, то Блюхер был талант военный. Мы сами стали свидетелями удивительной сказки: посыльный из магазина, а потом простой рабочий силою революции, давшей выход его военному дарованию, освобождает во главе народного войска половину древнего царства...

Бородин и Блюхер были совершенно разные люди, и лишь преданность общей идее и такт с обеих сторон сделали их сотрудничество столь плодотворным...»

* * *

Казанин был от природы человеком редких и исключительных качеств. У него был острый и пронзительный ум; огромная память; феноменальное трудолюбие и усидчивость; творческое воображение и литературные способности; благородство и честность в самом широком смысле слова. Казалось, налицо были все условия для того, чтобы из него вышел первоклассный ученый. К несчастью, подорванное здоровье не позволило сделать всего того, что он мог бы совершить.

Я часто встречался с Марком Исааковичем в последние годы его жизни, и меня всегда поражали его высокая духовная настроенность, глубина мысли и широта его горизонта. Как-то я рассказал ему, что в годы моей работы в Лондоне в качестве посла СССР я не раз получал от Ллойда Джорджа приглашение на утренний завтрак и мы между 9 и 10 утра дружески обсуждали текущие политические вопросы. Казанину очень понравился этот рассказ, и после того он стал приходить ко мне в 9 часов утра, со свойственным ему остроумием приговаривая:

— Почему мне не быть Ллойд Джорджем наоборот и приходить к вам на утренний завтрак вместо того, чтобы вы приходили ко мне.

В эти часы мы беседовали с ним на разные темы, среди которых были, например, и такие, как Древний Китай и Античный Рим или Луноход и автоматическая станция «Венера-8»...

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

От миссии к университетам

П. Е. Скачков

В 1840 г. в Китай была отправлена очередная, двенадцатая духовная миссия. Несмотря на довольно тяжелую для всех членов миссии обстановку, которую создал ее начальник Поликарп Тугаринов, все они, кроме него самого, оставили в той или иной мере глубокий научный след в русском Китаеведении. Имена В. П. Васильева (1818—1900), Палладия Кафарова (1817—1878), И. И. Захарова (1814—1885), И. О. Гошкевича, В. В. Горского (1819—1847), врача А. А. Татаринова (1817—1876) известны по многим опубликованным ими трудам. Но даже в столь блестящем созвездии имен членов 12-й миссии своими способностями и неиссякаемым трудолюбием, несомненно, выделялся Палладий Кафаров, будущий начальник тринадцатой (1849—1859) и пятнадцатой (1864—1878) миссий, пробывший в Китае в общей сложности 33 года.

Петр Иванович Кафаров родился в 1817 г. в Чистополе. Окончив Казанскую семинарию, П. И. Кафаров поступил в Петербургскую духовную академию, но в 1839 г. по собственному желанию с 1-го курса принял монашество под именем Палладия и был включен в состав 12-й духовной миссии.

П. Кафаров, В. П. Васильев и В. В. Горский увлеклись буддизмом и много работали над переводами китайских, монгольских и тибетских книг по буддизму. Поликарп Тугаринов в одном из своих писем сообщал о П. Кафарове: «Палладий находится в состоянии видимого постоянного прогресса и с редкой любовью и постоянством погружен в пучины буддизма. С утра до вечера сидит за буддийскими книгами, выписывает, переводит — одним словом, подвизается».

В последующие годы, по свидетельству В. П. Васильева, П. Кафаров «бросил буддизм, прочитав все 750 томов китайского цзана, перед отъездом подарил мне все свои выписки, они и до сих пор у меня хранятся».

Действительно, опубликовав в начале 50-х годов две статьи: «Жизнеописание Будды» и «Исторический очерк древнего буддизма», Кафаров больше к буддизму не возвращался.

Следует сказать и еще о двух рукописях П. Кафарова, относящихся к периоду его увлечения буддизмом. «Учение Капиллы» — небольшой трактат, называемый «Цзиньци шилунь», из состава китайского Данчжуря. Небольшие поздние поправки красными чернилами и карандашом свидетельствуют о подготовке кем-то рукописи к печати.

Местонахождение другой рукописи — «Очерк буддийских божеств», упоминаемой в публикациях о 12-й миссии, неизвестно.

Рукопись и две опубликованные статьи, написанные по многим китайским, монгольским и тибетским источникам, характеризуют П. Кафарова как глубокого исследователя буддизма, поставившего практическую задачу ознакомиться с древней историей буддизма, биографией его основателя и с религиозным оформлением буддийского культа. Палладий Кафаров занимался, как об этом говорят его выписки и переводы из буддийских сочинений, и философскими учениями буддизма, но, вероятно, разочаровавшись, оставил занятия буддизмом.

Азиатский департамент повышал требования к подбору членов и студентов каждой новой миссии, и вместе с тем усложнялись возлагавшиеся на них задачи. Для подготовки состава 13-й миссии еще в 1847 г. был вызван из Китая Палладий Кафаров, назначенный на сей раз начальником миссии. В Азиатском департаменте он вел деятельную подготовку к подбору миссионеров и отправке их в Китай.

Осенью 1848 г. для всех членов миссии и студентов начались под руководством Палладия учебные подготовительные занятия. Будущие миссионеры овладевали иероглифической письменностью (по «Саньцзыцзин», изданному И. Бичуриным) и началами разговорного китайского языка.

* Продолжение. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока», № 1, 1975 г.

В конце января 1850 г. все члены миссии собрались в Казани и в начале февраля отправились в далекий путь. Миссия прибыла в Пекин 27 сентября 1850 г.

В это десятилетие великая крестьянская антифеодалная война, известная под названием тайпинского восстания (1850—1864 гг.), потрясла Китай.

П. Кафаров, очень внимательно следивший за событиями в Китае, как начальник миссии, регулярно посылал донесения о происходившем в Азиатский департамент и генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому, а также вел дневник. Донесения П. Кафарова в Азиатский департамент не опубликованы. Несомненно, что их публикация осветила бы многие неизвестные и интересные детали из истории тайпинского восстания и положения маньчжурского правительства в этот период. Дневник Кафарова опубликован лишь частично.

Перед самой сменой 13-й миссии в Китае произошли события, в корне изменившие политические отношения России с Китаем и сказавшиеся на традиционном статусе Пекинской духовной миссии. В октябре 1856 г. бомбардировкой Гуанчжоу Англия начала против Китая новую колониальную войну, к которой присоединилась и Франция. В 1858 г. корабли англо-французской эскадры подошли к Дагу и войска интервентов заняли Тяньцзинь. Россия решила выступить в качестве посредника между воюющими сторонами. Эта сложная дипломатическая миссия была возложена на полномочного посла Е. В. Путятина.

Китаеведы, находившиеся в Китае, оказали существенную помощь в выработке и заключении дипломатических актов.

Наиболее активную роль играли П. Кафаров и А. А. Татаринов, вызванный из Чугучака. Палладий Кафаров пользовался среди маньчжурских чиновников большим авторитетом и уважением. Во всех случаях необходимости перевода бумаг с русского и других языков его приглашали в Лифаньюань и даже в Государственный Совет. До прибытия новой, 14-й миссии Кафарову пришлось выполнять не только обязанности переводчика, но и более сложные поручения. Приехав в Дагу вместе с Храповицким, оставленным Путятиным для перевода Тяньцзиньского трактата, Палладий по поручению Путятина ездил из Пекина в Дагу и обратно в качестве посредника, передавая предложения Путятина высшим маньчжурским чиновникам через китайского пристава миссии.

Во многом не соглашаясь с дипломатической тактикой Путятина, Палладий во время наступления англо-французских войск на Пекин предложил Путятину подать китайской стороне совет обороняться. Он писал, что «китайцы хорошо знают оборонительный способ действий, называемый ими цзянь-би цик-е (укреплением стен и очищением полей). Неприятели до самого Пекина не могли бы найти ни хлеба, ни подъемного скота, китайцы могли бы также воспользоваться низменным положением поморской равнины и затопить части ее, разрушив плотины у моря и на Хайхэ; четыре или пять тысяч джонок, стоящих в верховье, послужили бы богатым запасом для брандеров» («Дневник...», стр. 24).

Путятин отвергал подобные предложения и интересовался сведениями о положении внутри страны. Палладий не понимал, что цинскому правительству было важнее защититься от более грозной для него опасности — тайпинов, угрожавших существованию самой династии. С иностранными державами маньчжуры рассчитывали договориться, уступив их требованиям, и надеялись даже использовать их помощь в борьбе с восставшим народом.

Итак, срок пребывания 13-й миссии в Китае давно уже окончился, задержанная чрезвычайными обстоятельствами, лишь в конце мая 1859 г. она выехала на родину.

В бытность тринадцатой миссии в Китае Азиатский департамент начал издание «Трудов членов российской духовной миссии в Пекине», куда включались статьи миссионеров и студентов.

Несомненно, что инициатором этого издания был П. Кафаров. Последний четвертый том трудов, изданный в 1866 г., состоит исключительно из статей П. Кафарова — «главного столпа» «Трудов».

«Труды» миссии — первый и единственный дореволюционный русский журнал, посвященный вопросам изучения Китая. Материалы большинства статей «Трудов» до сих пор пользуются вниманием исследователей. В 1858 г. два первых тома «Трудов» были переведены на немецкий язык и изданы в Берлине. В немецком издании объявлено, что «Труды» переводятся на английский язык. Сведений об этом издании нет.

Следует отметить, что П. Кафаров совершил несколько интересных путешествий.

В 1847 г., возвращаясь в Россию, Кафаров первый из иностранцев проехал через Монголию по почтовому тракту, до него совершенно неизвестному европейцам. Как во время своего пути при возвращении в Россию, в 1847 г., так и в 1859 г. П. Кафаров вел дневники, опубликованные в 1892 г. Э. В. Бретшнейдером с обширным введением последнего, названным «О путях по Монголии», и с замечаниями А. М. Позднесова на дневник о. Палладия по Монголии, веденный в 1847 г.

В 1864 г. П. Кафаров, являвшийся настоятелем церкви русского посольства в Риме, был назначен начальником новой 15-й миссии и 25 марта в третий раз приехал в Пекин.

В 1869 г. Совет Русского географического общества просил Синод (которому был подчинен П. Кафаров) разрешения командировать Кафарова в Южно-Уссурийский край «для исследования инородческого населения Приамурья, в особенности Южно-Уссурийского края в пограничных Маньчжурии и Корее местах для изыскания разных остатков старины (следы древних городов, развалин, укреплений)».

П. Кафаров провел в экспедиции около года; за время своей поездки он послал ряд донесений и статей, опубликованных в «Известиях географического общества».

После возвращения из экспедиции П. Кафаров усиленно работал над завершением своего китайско-русского словаря, занимался историей монголов, китайской литературой магометан и опубликовал ряд заметок в изданиях географического общества.

Статьи и переводы Кафарова по истории монголов до сих пор привлекают внимание историков. Он ограничил свои исследования в этой области временем возникновения монгольской династии — историей Чингисхана и сделал на эту тему четыре прекрасных перевода с китайского языка.

Труды П. Кафарова по истории монголов по сравнению с трудами на эту же тему И. Бичурина были большим шагом вперед. Подробная историография, обильные примечания, точность и литературная обработка перевода, присущие всем трудам П. Кафарова, стали обязательными требованиями для каждого переводчика с китайского языка. За эти истекшие 40 лет русское китаеведение ушло далеко вперед.

Одновременно П. Кафаров продолжал усиленно трудиться над китайско-русским словарем, но здоровье его пошатнулось, и он чувствовал, что эту работу, возможно, ему не удастся окончить. «Здоровье мое плохо, — писал он одному из друзей, — оттого нынешний год, кажется, не кончить мне китайско-русский словарь; когда кончу и если бог даст сколько-нибудь поправиться, то возьму его с собой в Европу, где удобнее издавать подобные вещи. Да и знающих меня там есть много».

В середине 1878 г. П. Кафаров серьезно заболел и, получив разрешение Синода, выехал морским путем из Китая в годичный отпуск, оставив словарь в Пекине.

Не доехав до России, Палладий 6 декабря 1878 г. скоропостижно скончался в Марселе и похоронен на русском кладбище в Ницце.

Известные по архивным и печатным материалам рукописи П. Кафарова опубликованы почти все. Лишь некоторое количество трудов Палладия, оставшееся после его смерти в Марселе, до сих пор не найдено. Три картонки с его рукописями и три альбома с фотографиями достались по наследству родному племяннику Н. Н. Кафарову, учителю духовного училища в Казани, и также до сих пор не разысканы.

Палладий Кафаров был внимательнейшим исследователем и переводчиком им научных вопросов. Не разбрасываясь (как многие до и после него), он создал ряд трудов, которые и по сей день являются ценнейшим материалом для любого историка-китаеведа. Переводы П. Кафарова, исключительные по точности, изложены хорошим литературным языком, сопровождаются небывалым до тех пор количеством ценнейших примечаний. Палладий выбирал для исследования вопросы, имевшие для русской науки первостепенное значение, и темы, до него не разработанные.

Глубоко образованный, отличавшийся благородным, честным характером П. Кафаров был другом китайского народа, сочувствовавшим его невзгодам. О нравственном облике Кафарова хорошо сказал В. П. Васильев: у Палладия «не было и тени ханжества, это был человек, которого нельзя было не полюбить с уважением, который никого никогда не обидит и которого никто не захочет обидеть или оскорбить... он один из монахов только и занимался и не тщеславился».

Одновременно с Палладием Кафаровым в числе переводчиков русского посольства в Пекине был Павел Степанович Попов (1843—1894). Он известен своим переводом одного из основных источников по истории Монголии «Мэнгу юму цзи».

После кончины П. Кафарова П. С. Попов взял на себя труд завершить работу над большим китайско-русским словарем. Благодаря этому словарь был издан в 1888 г. и в течение длительного времени служил надежным пособием всем, занимавшимся Китаем. Отдельные статьи словаря, например дающие толкование буддийских терминов или поясняющие специфические придворные атрибуты, сохранили свою ценность и по сей день.

* * *

В 1837 г. на Восточном факультете Казанского университета была открыта кафедра китайского языка. Возглавить кафедру был приглашен бывший член пекинской миссии Даниил Сивиллов, находившийся после приезда из Китая в одном из монастырей. Для практических занятий со студентами в 1839 г. был назначен бывший студент десятой миссии А. И. Сосницкий.

Казанский университет с 1807 г. имел специальный разряд, состоящий из арабско-персидской, турецко-татарской и монгольской кафедр. С открытием кафедры китайского, а затем маньчжурского языков он становится центром изучения и этих языков.

Открытие первой кафедры китайского языка было большим событием не только для Казанского университета, но и для всей русской науки. Оно знаменовало перенесение изучения Китая из возникавших по инициативе отдельных китаистов (И. Россохина, А. Леонтьева, Ант. Владыкина, И. Бичурина) школ в университетские условия.

В конце января 1850 г. все члены миссии собрались в Казани и в начале февраля отправились в далекий путь. Миссия прибыла в Пекин 27 сентября 1850 г.

В это десятилетие великая крестьянская антифеодалная война, известная под названием тайпинского восстания (1850—1864 гг.), потрясла Китай.

П. Кафаров, очень внимательно следивший за событиями в Китае, как начальник миссии, регулярно посылал донесения о происходившем в Азиатский департамент и генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому, а также вел дневник. Донесения П. Кафарова в Азиатский департамент не опубликованы. Несомненно, что их публикация осветила бы многие неизвестные и интересные детали из истории тайпинского восстания и положения маньчжурского правительства в этот период. Дневник Кафарова опубликован лишь частично.

Перед самой сменой 13-й миссии в Китае произошли события, в корне изменившие политические отношения России с Китаем и сказавшиеся на традиционном статусе Пекинской духовной миссии. В октябре 1856 г. бомбардировкой Гуанчжоу Англия начала против Китая новую колониальную войну, к которой присоединилась и Франция. В 1858 г. корабли англо-французской эскадры подошли к Дагу и войска интервентов заняли Тяньцзинь. Россия решила выступить в качестве посредника между воюющими сторонами. Эта сложная дипломатическая миссия была возложена на полномочного посла Е. В. Путятин.

Китаеведы, находившиеся в Китае, оказали существенную помощь в выработке и заключении дипломатических актов.

Наиболее активную роль играли П. Кафаров и А. А. Татаринов, вызванный из Чугучака. Палладий Кафаров пользовался среди маньчжурских чиновников большим авторитетом и уважением. Во всех случаях необходимости перевода бумаг с русского и других языков его приглашали в Лифаньюань и даже в Государственный Совет. До прибытия новой, 14-й миссии Кафарову пришлось выполнять не только обязанности переводчика, но и более сложные поручения. Приехав в Дагу вместе с Храповицким, оставленным Путятиным для перевода Тяньцзиньского трактата, Палладий по поручению Путятина ездил из Пекина в Дагу и обратно в качестве посредника, передавая предложения Путятина высшим маньчжурским чиновникам через китайского пристава миссии.

Во многом не соглашаясь с дипломатической тактикой Путятина, Палладий во время наступления англо-французских войск на Пекин предложил Путятину подать китайской стороне совет обороняться. Он писал, что «китайцы хорошо знают оборонительный способ действий, называемый ими цзянь-би цик-е (укреплением стен и очищением полей). Неприятели до самого Пекина не могли бы найти ни хлеба, ни подъемной скота, китайцы могли бы также воспользоваться низменным положением поморской равнины и затопить части ее, разрушив плотины у моря и на Хайхэ; четыре или пять тысяч джонок, стоящих в верховье, послужили бы богатым запасом для брандеров» («Дневник...», стр. 24).

Путятин отвергал подобные предложения и интересовался сведениями о положении внутри страны. Палладий не понимал, что цинскому правительству было важнее защититься от более грозной для него опасности — тайпинов, угрожавших существованию самой династии. С иностранными державами маньчжуры рассчитывали договориться, уступив их требованиям, и надеялись даже использовать их помощь в борьбе с восставшим народом.

Итак, срок пребывания 13-й миссии в Китае давно уже окончился, задержанная чрезвычайными обстоятельствами, лишь в конце мая 1859 г. она выехала на родину.

В бытность тринадцатой миссии в Китае Азиатский департамент начал издание «Трудов членов российской духовной миссии в Пекине», куда включались статьи миссионеров и студентов.

Несомненно, что инициатором этого издания был П. Кафаров. Последний четвертый том трудов, изданный в 1866 г., состоит исключительно из статей П. Кафарова — «главного столпа» «Трудов».

«Труды» миссии — первый и единственный дореволюционный русский журнал, посвященный вопросам изучения Китая. Материалы большинства статей «Трудов» до сих пор пользуются вниманием исследователей. В 1858 г. два первых тома «Трудов» были переведены на немецкий язык и изданы в Берлине. В немецком издании объявлено, что «Труды» переводятся на английский язык. Сведений об этом издании нет.

Следует отметить, что П. Кафаров совершил несколько интересных путешествий.

В 1847 г., возвращаясь в Россию, Кафаров первый из иностранцев проехал через Монголию по почтовому тракту, до него совершенно неизвестному европейцам. Как во время своего пути при возвращении в Россию, в 1847 г., так и в 1859 г. П. Кафаров вел дневники, опубликованные в 1892 г. Э. В. Бретшнейдером с обширным введением последнего, названным «О путях по Монголии», и с замечаниями А. М. Позднесва на дневник о. Палладия по Монголии, веденный в 1847 г.

В 1864 г. П. Кафаров, являвшийся настоятелем церкви русского посольства в Риме, был назначен начальником новой 15-й миссии и 25 марта в третий раз приехал в Пекин.

В 1869 г. Совет Русского географического общества просил Синод (которому был подчинен П. Кафаров) разрешения командировать Кафарова в Южно-Уссурийский край «для исследования инородческого населения Приамурья, в особенности Южно-Уссурийского края в пограничных Маньчжурии и Корее местах для изыскания разных остатков старины (следы древних городов, развалин, укреплений)».

П. Кафаров провел в экспедиции около года; за время своей поездки он послал ряд донесений и статей, опубликованных в «Известиях географического общества».

После возвращения из экспедиции П. Кафаров усиленно работал над завершением своего китайско-русского словаря, занимался историей монголов, китайской литературой магометан и опубликовал ряд заметок в изданиях географического общества.

Статьи и переводы Кафарова по истории монголов до сих пор привлекают внимание историков. Он ограничил свои исследования в этой области временем возникновения монгольской династии — историей Чингисхана и сделал на эту тему четыре прекрасных перевода с китайского языка.

Труды П. Кафарова по истории монголов по сравнению с трудами на эту же тему И. Бичурина были большим шагом вперед. Подробная историография, обильные примечания, точность и литературная обработка перевода, присущие всем трудам П. Кафарова, стали обязательными требованиями для каждого переводчика с китайского языка. За эти истекшие 40 лет русское китаеведение ушло далеко вперед.

Одновременно П. Кафаров продолжал усиленно трудиться над китайско-русским словарем, но здоровье его пошатнулось, и он чувствовал, что эту работу, возможно, ему не удастся окончить. «Здоровье мое пошатнулось, — писал он одному из друзей, — оттого нынешний год, кажется, не кончить мне китайско-русский словарь; когда кончу и если бог даст сколько-нибудь поправиться, то возьму его с собой в Европу, где удобнее издавать подобные вещи. Да и знающих меня там есть много».

В середине 1878 г. П. Кафаров серьезно заболел и, получив разрешение Синода, выехал морским путем из Китая в годичный отпуск, оставив словарь в Пекине.

Не доехав до России, Палладий 6 декабря 1878 г. скоропостижно скончался в Марселе и похоронен на русском кладбище в Ницце.

Известные по архивным и печатным материалам рукописи П. Кафарова опубликованы почти все. Лишь некоторое количество трудов Палладия, оставшееся после его смерти в Марселе, до сих пор не найдено. Три картона с его рукописями и три альбома с фотографиями достались по наследству родному племяннику Н. Н. Кафарову, учителю духовного училища в Казани, и также до сих пор не разысканы.

Палладий Кафаров был внимательнейшим исследователем избранных им научных вопросов. Не разбрасываясь (как многие до и после него), он создал ряд трудов, которые и по сей день являются ценнейшим материалом для любого историка-китаеведа. Переводы П. Кафарова, исключительные по точности, изложены хорошим литературным языком, сопровождаются небывалым до тех пор количеством ценнейших примечаний. Палладий выбирал для исследования вопросы, имевшие для русской науки первостепенное значение, и темы, до него не разработанные.

Глубоко образованный, отличавшийся благородным, честным характером П. Кафаров был другом китайского народа, сочувствовавшим его невзгодам. О нравственном облике Кафарова хорошо сказал В. П. Васильев: у Палладия «не было и тени ханжества, это был человек, которого нельзя было не полюбить с уважением, который никого никогда не обидит и которого никто не захочет обидеть или оскорбить... он один из монахов только и занимался и не тщеславился».

Одновременно с Палладием Кафаровым в числе переводчиков русского посольства в Пекине был Павел Степанович Попов (1843—1894). Он известен своим переводом одного из основных источников по истории Монголии «Мэнгу юму цзи».

После кончины П. Кафарова П. С. Попов взял на себя труд завершить работу над большим китайско-русским словарем. Благодаря этому словарь был издан в 1888 г. и в течение длительного времени служил надежным пособием всем, занимавшимся Китаем. Отдельные статьи словаря, например дающие толкование буддийских терминов или поясняющие специфические придворные атрибуты, сохранили свою ценность и по сей день.

* * *

В 1837 г. на Восточном факультете Казанского университета была открыта кафедра китайского языка. Возглавить кафедру был приглашен бывший член пекинской миссии Даниил Сивиллов, находившийся после приезда из Китая в одном из монастырей. Для практических занятий со студентами в 1839 г. был назначен бывший студент десятой миссии А. И. Сосницкий.

Казанский университет с 1807 г. имел специальный разряд, состоящий из арабско-персидской, турецко-татарской и монгольской кафедр. С открытием кафедры китайского, а затем маньчжурского языков он становится центром изучения и этих языков.

Открытие первой кафедры китайского языка было большим событием не только для Казанского университета, но и для всей русской науки. Оно знаменовало перенесение изучения Китая из возникавших по инициативе отдельных китаистов (И. Россохина, А. Леонтьева, Ант. Владыкина, И. Бичурина) школ в университетские условия.

8 августа 1837 г. профессор университета известный монголист О. М. Ковалевский на торжественном собрании Университета выступил с докладом на тему о знакомстве европейцев с Азией. Подчеркивая большой интерес к Китаю во многих странах и сопоставляя отношение к Китаю в России и в западноевропейских государствах, Ковалевский, назвав последних «продавцами губительного опиума», выразил сомнение в том, что они могут добиться в Китае «славы мирных, честных соседей, искренних друзей». Между тем Россия всегда находилась в дружественных добрососедских отношениях с Китаем. Характеризуя неутомимое трудолюбие китайского народа, его достижения в культуре, Ковалевский противопоставлял эту характеристику словам западноевропейского востоковеда Гердера, называвшего Китай мумией, завернутой в шелковую ткань и исписанную иероглифами.

После торжеств открытия началась будничная жизнь китайской кафедры.

В декабре 1850 г. вернулся из Китая, пробыв там десять лет, В. П. Васильев, магистр монгольской словесности, автор ряда трудов, написанных в Пекине.

6 января 1851 г. В. П. Васильев был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора китайского и маньчжурского языков в Казанском университете.

Уже 10 декабря 1850 г. В. П. Васильев начал занятия со студентами со вступительной лекции: «О значении Востока вообще и Китая в особенности».

Подчеркивая недостаточное знание Китая даже в кругах образованных и ученых людей, В. П. Васильев говорил: «Не стыдно ли нам не замечать стоящего подле нас колосса, отрицать в нем не только в настоящем, но даже в будущем способность вместить свет просвещения... быть посильным и вместе могучим двигателем человечества».

Он призывал «ввести изучение Китая в круг образования тем самым способом, каким мы изучаем всякую другую науку посредством обозрения всех частей».

В 1855 г. Восточный факультет в Казанском университете был закрыт и переведен со всем личным профессорско-преподавательским составом и некоторыми студентами, библиотекой и частью нумизматического кабинета в Петербург. Восточный факультет в Казани просуществовал восемнадцать лет. Но даже за такой короткий период его существование подтвердило возможность и необходимость изучения китайского и маньчжурского языков в университетских условиях. Нашлись и преподаватели этих языков, положившие начало разработке учебных пособий, и студенты.

Итак, в 1855 г. Восточный факультет Казанского университета был переведен в Петербург.

27 августа 1855 г. состоялось торжественное открытие Восточного факультета. Профессор А. В. Попов и выбранный деканом А. К. Казембек выступили с речами.

А. К. Казембек сообщил о структуре факультета, его задачах и обратился к профессорско-преподавательскому составу и студентам с призывом приложить все усилия для будущей славы факультета.

Для дальнейшего развития отечественного китаеведения и маньчжуроведения огромную роль сыграло то, что кафедру этих дальневосточных языков сразу же возглавил В. П. Васильев**, уже имевший опыт работы в Казанском университете и в научном плане активно разрабатывавший узловые проблемы филологии, идеологии и истории Китая.

Вся деятельность Восточного факультета, и в особенности китайско-маньчжурского разряда, вплоть до начала 90-х годов теснейшим образом связана с В. П. Васильевым, посвятившим разряду и факультету свою неутомимую энергию и труды. Внимание, которое отдавал В. П. Васильев факультету, постоянно отвлекало его от завершения и публикации своих научных работ.

Многообразие вопросов, которыми занимался В. П. Васильев, происходило не только от его неумейной природы и его разнообразных исследовательских стремлений, но и от того, что он был в течение 12 лет единственным преподавателем на всех 4 курсах китайско-маньчжурского разряда. Кроме языковых предметов, В. П. Васильев читал лекции по истории, географии и литературе Китая и Маньчжурии. Это, естественно, требовало от него большого напряжения, сил и времени.

В статье «Об отношении китайского языка к среднеазиатским» В. П. Васильев объясняет причину своей разбросанности: «Я не мог посвятить себя филологии всецело, потому что мне надобно было быть и историком; я не историк, потому что мне нужно быть и географом; я не географ, потому что надо знать литературу; я не историк литературы, потому что нельзя не коснуться религии; я не богослов, потому что должен быть и антикварием».

Достаточно познакомиться с программой преподавания, по которой В. П. Васильев вел занятия, например, в 1863, 1864 и в 1865 гг., чтобы увидеть, насколько многообразно было ее содержание. В нее входили переводы из «Сышу», китайских газет, источников по истории Китая и истории китайской литературы, одновременно он читал лекции по истории конфуцианства и преподавал маньчжурский язык, историю и литературу маньчжуров.

** Подробнее о В. П. Васильеве см., в частности, кн.: «История и культура Китая» (Сборник памяти В. П. Васильева). М., 1974.

После В. П. Васильева осталось рукописное наследство, более чем в два раза превышающее его опубликованные труды.

Некоторые рукописи приведены в порядок и могут быть без больших издержек времени опубликованы, часть из рукописей заслуживает некоторой дополнительной работы, главным образом прочтения текстов, но часть, и, пожалуй, большая, остается только немым свидетелем положения национальной русской науки в царской России.

В. М. Алексеев, посвятивший большую статью В. П. Васильеву и его школе, делает в статье несколько обобщающих заключений, одно из которых подводит итоги многогранной деятельности Васильева: «В. П. Васильев — глава школы и примерно 90% обобщенного содержания, создал на совершенно пустом месте преподавание, готовившее в течение 50, если не больше, лет русских государственных деятелей в Китае, на Дальнем Востоке и в России. Нельзя не оценить по достоинству усилий этого длительного планомерства».

В 1876 г. в Петербурге состоялся III Международный Конгресс ориенталистов, в котором русские востоковеды приняли деятельное участие и выступали в роли хозяев.

В числе членов организационного комитета съезда были профессора Восточного факультета В. В. Григорьев (декан факультета) и К. П. Патканов.

Основная работа по организации съезда выпала на долю В. В. Григорьева, который был выбран председателем Комитета.

Несколько позже в число членов Комитета были приглашены Ф. Р. Остен-Сакен (бывший вице-директор Азиатского департамента), В. Р. Розен (секретарь комитета по иностранной переписке), П. И. Лерх (для заведывания выставкой), академики И. А. Дорн и В. В. Вельяминов-Зернов и В. Ф. Гиргас (казначей комитета).

Для технической помощи Организационному комитету был создан из числа студентов Восточного факультета и Учебного отделения Министерства иностранных дел «Распорядительный субкомитет».

План работы и извещение о времени созыва Конгресса были опубликованы почти во всех русских газетах.

За границу было послано более 160 приглашений различным научным обществам, академиям, университетам, библиотекам и другим организациям, имеющим связи с Востоком.

20 августа 1876 г. Конгресс начал свою работу. Президентом был выбран В. В. Григорьев, генеральным секретарем Ф. Р. Остен-Сакен и помощником его — В. Р. Розен.

Председателем I отдела (Сибирь) был избран В. П. Васильев и IV отдела (Дальний Восток) — Л. де Рони (de Rosny), профессор японского языка Парижского института живых восточных языков, президент первого, парижского съезда востоковедов. Вице-председателем V отдела был избран И. И. Захаров.

На заседаниях по отделу Дальнего Востока 23 августа — 4 сентября де Рони сделал доклад по поставленному ранее вопросу о возможности восстановить китайский язык времен династии Хань. В докладе он сообщил только о методе, которым следовало для восстановления древнего языка китайцев. После доклада де Рони зачитал два других своих вопроса: «Достоверность сведений о движении переселения китайцев в бассейн Желтой реки» и вопрос по корейскому языку: «Каковы характер и лингвистическое сродство корейского языка?»

Выступивший по докладу Рони В. П. Васильев предложил для изысканий о древнем китайском произношении изучать «Шицзин».

В связи с вопросом Рони о корейском языке В. П. Васильев обратил внимание на свою статью «Об отношении китайского языка к среднеазиатским». Вопрос о расселении китайцев в бассейне Желтой реки В. П. Васильев осветил подробнее и, высказав свое мнение о времени расселения, предложил сведения об этом искать у Сыма Цяня.

В. П. Васильев 24 августа председательствовал по отделу Сибири. Выступал он также и по вопросу о шаманизме.

На III международном конгрессе ориенталистов В. П. Васильев лично познакомился со многими западноевропейскими синологами и в 1881 г. снова увидел многих из них в Берлине, где он присутствовал в числе русских делегатов на V Конгрессе востоковедов и был выбран вице-президентом Дальневосточной секции Конгресса. В Берлине В. П. Васильев познакомился с французским синологом Генри Кордые и принял его приглашение приехать в Париж.

Итак, на рубеже двух веков закончился очередной период развития русского Китаеведения, который возглавлялся В. П. Васильевым, посвятившим всю свою жизнь факультету восточных языков Петербургского университета. Его роль в научной организации русского Китаеведения необычайно велика. Организация преподавания китайского и маньчжурского языков в университетах — сначала в Казани, затем в Петербурге — создала прочный базис для дальнейшего развития Китаеведения в России. По количеству читаемых на факультете курсов и числу преподавателей Китаеведческих дисциплин факультет в XIX в. занимал первое место среди подобных западноевропейских высших учебных заведений.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Американский ученый о Китае

Барнетт А. Д. — известный американский специалист по проблемам современного Китая. Ему принадлежит около десяти книг, в которых освещаются некоторые важные аспекты современной китайской действительности¹. Особое внимание А. Д. Барнетт уделяет вопросам ближайшего будущего Китая, когда Мао Цзэ-дун сойдет со сцены и к руководству придут новые люди. Этой теме была посвящена книга «Китай после Мао»², а в 1974 г. вышла его новая работа — «По неопределенному пути. Переход Китая к эре после Мао»³.

Книга издана Институтом Брукингса, сотрудником которого является проф. Барнетт, — частного учреждения, ведущего, как сообщено Институтом, «внепартийные исследования» в сфере общественных наук. В уведомлении Института и в предисловии президента Института Кермита Гордона также подчеркивается, что книга отражает лишь взгляды автора, а не Института в целом или его руководства, или фонда Форда, субсидировавшего издание.

Несомненно, рецензируемая книга выражает прежде всего взгляды ее автора — А. Д. Барнетта. Однако известно, что проф. Барнетт неоднократно выступал в качестве эксперта по Китаю перед государственными органами США, в том числе в комиссии по иностранным делам конгресса США. В 1972—1973 гг. А. Д. Барнетту была предоставлена возможность посетить КНР, его работы неизменно привлекают внимание в США и за их пределами; все это позволяет прийти к заключению, что взгляды автора не являют-

ся лишь его личным достоянием, но и выражают концепцию видных кругов США. Это, несомненно, повышает интерес к ней у тех, кто интересуется проблемами современного Китая и их эволюцией.

Автор в предисловии пишет, что он делает попытки предсказать будущее развитие Китая и определить главные проблемы, перед которыми стоит Китай.

Книга А. Д. Барнетта выгодно отличается от многих работ буржуазных китайедов последнего десятилетия, которые проделали определенную эволюцию: от огульного охланивания и очернения китайской революции, стронтельства социализма в КНР к восхвалению «культурной революции», национализма, маоизма, новой внешней политики пекинского руководства и пр.⁴ Такой подход, порожденный политическими симпатиями и антипатиями, вел к искаженному изображению действительности.

А. Д. Барнетт не принимает на веру утверждения маонистской пропаганды, усиленно муссируемые некоторыми западными авторами, особенно ревизионистами типа Руже Гароди, о том, будто «культурная революция» была направлена против партийной бюрократии и что она будто бы стимулировала новый подъем в развитии страны.

Автор неоднократно обращается к вопросу о происхождении «культурной революции» и ее содержанию. Он характеризует маонистские эксперименты конца 50-х годов («большой скачок» и все с ним связанное) как «политику ошибок»⁵. К началу 60-х годов Мао, сохраняя роль «главного идеологического лидера» и «высшего авторитета» в вопросах большой политики, оказался отстраненным от практической политики. «В результате другие лидеры неизбежно взяли на себя главную ответственность за текущие дела, управление растущей бюрократией Китая и фактическое осуществление политики партии» (с. 189); способность Мао контролировать управление страной ослабевала; «кампания за социалистическое воспитание», предпринятая Мао Цзэ-дуном в 1962 г. в целях упрочения своей власти, не дала ощутимых результатов. И несмотря на продолжавшийся рост культа личности Мао (лояльность Мао, по крайней мере словесная, — замечает А. Д. Барнетт, — для многих «стала предпосылкой политического выживания в Китае»), его главенствующая

¹ A. D. Barnett, *Communist China: The Early Years, 1949—1955*, 1964; *Cadres, Bureaucracy and Political Power in Communist China*. New York, 1967; *Chinese Communist Politics in Action*. Seattle and London, 1969; *The United States and China: The Next Decade*. Ed. A. D. Barnett and E. O. Reischauer. New York, 1970.

² A. D. Barnett, *China after Mao*. Princeton, 1967.

³ A. D. Barnett, *Uncertain Passage. China's Transition to the Post-Mao Era*. Washington, 1974.

⁴ См.: В. Н. Никифоров, *Метаморфоза западной буржуазной синологии*. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, стр. 88—100.

⁵ A. D. Barnett, *Uncertain Passage*, p. 125; далее указание страниц — непосредственно в тексте.

роль в партии и государстве могла быть поставлена под удар. Маоистские идеологи говорят также о том, будто в партии (во времена «культурной революции») шла борьба «двух линий» — «марксистско-ленинской» во главе с Мао с линией тех, кто шел «по капиталистическому пути». А. Д. Барнетт отвергает такую постановку вопроса. Реальными были провалы всех маоистских экспериментов и попытки преодолеть их последствия, предпринимавшиеся в начале 60-х годов. В этом, конечно, проявилось различие двух политик — авантюристической политики Мао и прагматистско-умеренной — государственного и партийного руководства. Это различие обнажило «углубление раскола по вопросам стратегии дальнейшего развития. Поэтому специфические различия по вопросам политики постепенно вели к идеологической поляризации и к конфликту, который достиг кульминации в ходе «культурной революции» (стр. 6).

«Культурная революция» привела к разрушению всей политической системы, сложившейся в КНР в первое десятилетие после победы; Мао, подчеркивает автор, не ограничился чистой партией, он перетряхнул также фундаментальные основы режима. «Поступив так, Мао вверг всю политическую систему в состояние беспорядка» (стр. 39). В результате партия, государственные аппараты прекратили нормальное функционирование. «Главные руководимые партийные массовые организации — профсоюзы, организации молодежи и женщин, профессиональные ассоциации — также подверглись жестоким атакам и прекратили нормальную работу» (стр. 40). Все это, отмечает автор, повело к ослаблению системы в целом.

Таким образом, А. Д. Барнетт рисует достаточно объективную картину содержания «культурной революции». Это не значит, однако, что автор книги дал всесторонний анализ событий 1966—1968 гг. В характеристике «культурной революции» отсутствует, например, такая ее важная сторона, как разрыв с международным коммунистическим и рабочим движением и переход на позиции антисоветизма.

Представлялось целесообразным остановиться на подходе А. Д. Барнетта к оценке «культурной революции», ибо на отношении к этому историческому феномену зачастую надежнее всего проверяется авторское credo.

Далее мы обратимся к основным позициям автора по важнейшим проблемам, изложенным в его труде. В книге пять основных глав, в которых рассматриваются следующие вопросы: 1) ценности (идейные, политические) и институты, 2) роль военных, 3) стратегия экономического развития, 4) проблемы будущего руководства, 5) внешнеполитические проблемы.

Что следует понимать под маоистскими ценностями? К их числу автор относит концепцию «непрерывной революции» (повто-

ряющиеся кампании образа «культурной революции»), учение о «противоречиях», «линию масс» (отсюда — «движения», «кампании» как решающее средство воздействия на действительность), популизм (в данном случае имеется в виду концепция особо важной исторической роли крестьянства), недоверие к бюрократии, технократии, интеллектуалам, урбанистам и элитарным группам вообще, «волютаризм» — вера в то, что человеческая воля важнее объективных закономерностей общественного бытия.

Попутно автор замечает, что Мао и его приближенные всячески старались преувеличить «бюрократическое зло» в Китае, чтобы раздуть борьбу против его (мнимых и действительных) прегрешений в период «культурной революции», что и служило, так сказать, теоретической подоплекой чистки.

Характеристика маоистских «ценностей», данная А. Д. Барнеттом, если и не является исчерпывающей, то, во всяком случае, она достаточно четко показывает мелкобуржуазный революционаризм Мао Цзэ-дуна и его группы.

В ходе «культурной революции», отмечает он, пропаганда маоистских ценностей достигла беспрецедентной интенсивности, причем первой функцией идеологической кампании было восхваление Мао. Казалось, что «идеи Мао Цзэ-дуна» одержали победу. В действительности, считает автор, в 1966—1968 гг. увеличился разрыв между идеологией и политикой. В последующие годы, как отмечает автор, «этот разрыв между теорией и практикой или риторикой и политикой скорее все же ширится, чем сужается» (стр. 25) ⁶.

Далее автор ставит ряд вопросов, суть которых сводится к следующему: в каком направлении будет меняться Китай в сфере идеологии — в сторону умеренности и прагматизма или в сторону усиления роли маоистских идеологических построений.

А. Д. Барнетт, анализируя возможные варианты развития Китая, считает, что наиболее вероятным является формирование некоего коллективного руководства, для которого будет характерна тенденция к компромиссу: «идеи Мао» будут использоваться в прагматистских целях; и, наконец, самое важное: «Один прогноз может быть сделан с уверенностью: какие бы конфликты между маоистскими и немаоистскими ценностями ни продолжали существовать.

⁶ А. Д. Барнетт пишет, что иностранные студенты, находившиеся в период «культурной революции» в КНР, утверждали, что, «несмотря на прославление маоистских ценностей, конкретная политика во время «культурной революции» осуществлялась не маоистами, а «люнстами без Лю» (стр. 21).

национализм продолжает быть мощной движущей силой в Китае» (стр. 34). Этот фактор будет действовать и в прагматическую эру «в направлении идеологического компромисса и единства более, чем в направлении поляризации и конфликта» (стр. 35).

Касаясь судьбы партийных, общественных организаций и государственных учреждений, А. Д. Барнетт отмечает, что провозглашенная Мао цель создания новой системы управления по образцу Парижской Коммуны, о соединении «трех сторон» осталась пустым звуком. Вновь создаваемая система очень напоминает, пишет он, существовавшую до «культурной революции». «Нет сомнений, однако, что разрушения 1966—1968 гг. оставили в наследство серьезные проблемы. Процесс институциональной реконструкции идет болезненно медленно, и условия нестабильности могут продолжаться несколько лет» (стр. 36), возможно вплоть до утверждения нового лидерства.

Будущую судьбу структуры управления и институтов автор связывает с ключевым вопросом — вопросом о сильном лидере, способном подчинить разногласия в «большой институциональной иерархии» общегосударственным интересам и «создать более слаженное руководство после смерти Мао. Если так, то перспектива для восстановления институциональной стабильности относительно хороша. Если нет — можно ожидать продолжения борьбы за власть и дальнейшую институциональную нестабильность, которая будет существовать в будущем, как и в прошлом» (стр. 66).

Рассматривая меняющуюся политическую роль военных, А. Д. Барнетт пишет, что Китай имеет долгую уникальную традицию гражданского бюрократического управления, но на протяжении китайской истории военные играли весьма важную политическую роль, особенно в период внутреннего конфликта, когда гражданские институты ослабевали (стр. 68). В качестве примера такого периода автор приводит годы после Синьхайской революции 1911 г.

Военному истэблишменту, по категорическому мнению автора, будет принадлежать большая роль в вопросе о правопреемниках Мао.

Большое место в книге А. Д. Барнетта занимает анализ экономической политики китайского руководства и особо, разумеется, маоистских принципов в недавнем прошлом, настоящем и, как это принято в книге, трактуется перспективы экономического развития Китая в «постмаоистский период».

Он высоко оценивает экономические успехи Китайской Народной Республики в восстановительный период и в период первого пятилетнего плана 1953—1957 гг. Он отмечает также, что в эти годы «Пекин обращался к Москве за советом и помощью» (стр. 122). Но к концу первого пятилетнего плана Мао вопреки мнению других лидеров отказался от постепенного продвижения к социализму, решив ускорить «социализацию и коллективизацию», вступив на путь

решительных перемен и новшеств, то есть стал на путь «политики ошибок», о которой говорилось ранее.

«Большой скачок», считает А. Д. Барнетт, был ответом Мао на серьезные трудности, возникшие в конце первого пятилетнего плана: сбор сельхозпродукции был ниже ожидаемого и потребностей, быстрый рост населения был несоразмерен с приростом продукции, урбанизация порожидала новые проблемы. «Во время скачка Китай фактически отказался от советской модели и одобрил стратегию нового развития, исходящей из ускорения роста за счет революционных, политических и социальных ценностей Мао» (стр. 124).

Автор трезво оценивает пагубные последствия «скачка» — «многие из новых экспериментов, — пишет он, — просто не сработали и экономика была дезорганизована» (стр. 125). Однако автор безосновательно пытается показать, что эксперименты связаны со стремлением большинства в руководстве КПК порвать с «советской моделью социализма». В действительности же экономический авантюризм и волюнтаризм, свойственный периоду «большого скачка», и все последующие необдуманные эксперименты означали не разрыв с «советской моделью социализма», а разрыв с научными принципами социалистического хозяйствования вообще.

Следовательно, суть дела не в разрыве с «советской моделью социализма» (к чему сводит сплошь и рядом западное китайоведение события второй половины 50-х годов), а в отходе от марксизма-ленинизма, суть — в авантюризме, в мелкобуржуазной сущности маоизма.

Потребовалось несколько лет упорного труда («период упорядочения и урегулирования»), чтобы преодолеть ущерб, нанесенный «большим скачком», народными комитетами и пр.⁷

В годы «культурной революции» маоисты всемерно подчеркивали важность эгалитаристских ценностей, отвергали принципы материальной заинтересованности. Известно, что некоторые западные китаеведы рекламируют именно эти пропагандистские идеи маоистов. А. Д. Барнетт считает, что в КНР достигнуты определенные успехи в

⁷ В таблице, составленной по материалам, предназначенным для конгресса США, приводятся такие, например, данные об общей стоимости национального продукта КНР: 1958 г. — 95 млрд. долл., 1959—92, 1960—89, 1961—72, 1963—82, 1965—97; доход на душу населения упал с 144 ам. долл. в 1958 г. до 130 в 1960, до 103 в 1961, поднялся до 129 в 1965, и только в 1970 г. достиг уровня 1958 г. — 144 ам. долл. Такова исключительно высокая цена, которую платят трудящиеся за маоистские эксперименты.

ликвидации нищеты и в подъеме жизненно-го стандарта бедных слоев общества до приемлемого уровня. Но этот стандарт крайне низок, фактически спартаанский, отмечает Барнетт.

Именно разочарованием в достижении провозглашения «больших перемен» автор объясняет причины проповеди эгалитаризма. В действительности же, пишет автор, разница в доходах в современном Китае не только существует, но и, по выражению Барнетта, удивительно велика. Доходы высших категорий работников в 15—20 раз выше, чем у низшей категории. По приводимым в книге данным, наиболее низкая оплата городских жителей — 18—19 юаней⁸; рабочие получают от 30 до 100 юаней («средний» рабочий — 60 юаней); низовые кадры работники госаппарата получают от 40 до 90 юаней; зарплата преподавателей Фуданьского университета (Шанхай) колеблется от 60 до 301 юаня (стр. 134).

Берется пример: семья «среднего» рабочего в 5 человек, работают двое, зарабатывают 100—120 юаней, из них на еду уходит 60—75 юаней, на одежду — около 30, квартира, коммунальные услуги — 5—15; на все иные нужды остается ничтожно малая сумма. Крайне необходимый велосипед стоит 138—172 юаня, ботинки — около 10 юаней (стр. 144).

Автор считает, что основная тенденция масс — за материальные стимулы. Если будущие лидеры будут пытаться их игнорировать, то это принесет ущерб экономике, как было в период «большого скачка».

В книге рассматриваются другие важные стороны экономического строительства в КНР, из них отметим проблему приоритета сельского хозяйства или индустрии. В начале 60-х годов приоритет был отдан сельскому хозяйству. За годы, минувшие с тех лет, некоторый прогресс в сельском хозяйстве достигнут, но, конечно, он мог быть неизмеримо большим, если бы страна не пережила потрясений середины 60-х годов, кампаний 70-х и пр., надолго оторвавших миллионы людей от труда. В качестве важного достижения А. Д. Барнетт отмечает увеличение мощности электрических pomp, используемых для ирригации, — с 1,5 млрд. квт·ч (1962) до 5,5 млрд. в 1971 г.⁹; число же тракторов все еще остается очень небольшим.

«Одним из наиболее драматических шагов, предпринятых режимом, — пишет А. Д. Барнетт, — было массовое переселение городских жителей в сельские районы» (стр. 149). Автор считает, что переселено было от 10 до 12 млн. человек. В Шанхае автору сказали, что с 1968 г. из этого горо-

да было переселено 900 000 человек, по преимуществу образованной молодежи. Массы хунвэйбинов и интеллигентной молодежи — потенциальных оппонентов режима — были отправлены в деревню.

Стратеги экономического развития Китая всегда подчеркивают, отмечает А. Д. Барнетт, что Китай располагает крупными людскими ресурсами. В связи с этим автор правильно указывает на низкую производительность труда и «относительно неэффективное использование труда» — где справился бы один, там, как правило, работает несколько человек. Сейчас пекинские руководители пытаются отмахнуться от этой проблемы, обеспокоенные лишь обеспечением простой занятости, но бесспорно, что в будущем перед Китаем в полный рост станет задача коренного повышения производительности труда.

Обсуждая вопрос об общих перспективах экономического развития КНР, автор исходит из следующих основных экономических данных: в 70-х годах прирост промышленной продукции в КНР составляет около 10% в год, прирост сельхозпродукции — 2,5—3, рост общего национального продукта — 4—5%, ниже, чем в большей части развивающихся стран. Автор полагает, что в китайской политике могут быть всякие зигзаги, которые отразятся на экономике, но основная тенденция будет идти «в направлении увеличивающегося прагматизма» (стр. 180).

Возможно, полагает Барнетт, что маоисты будут пытаться воздействовать на экономическую политику в направлении эгалитаризма, в пользу децентрализации, против ускоренного развития городов, усиления роли современной науки и техники, против ведущей роли планирования, против увеличения действия материальных стимулов. Хотя они и могут вносить какие-то коррективы в экономическое развитие, но общая тенденция, отмеченная выше, останется неизменной¹⁰.

¹⁰ А. Д. Барнетт сообщает, что сотрудник военного ведомства США Х. М. Робертс, пользуясь моделью экономического развития, разработанной японским экономистом Сигэру Итикавой на 1970—1980 гг., сделал прогноз экономического развития КНР, учитывая четыре варианта возможных условий: а) если будет продолжаться борьба политических фракций; б) в обстановке использования военных методов управления; в) если руководство будет следовать прагматической «ревизионистской» политике; г) в условиях проведения в жизнь «маоистской» политики. Исходя из указанных четырех вариантов, годового прирост национального продукта определяется соответственно в первом случае — 3%; во втором — 4; в третьем — 5,5; в четвертом — 4,3%. А. Д. Барнетт считает третий вариант наиболее реальным (стр. 362).

⁸ 100 юаней равны 45 рублям; А. Д. Барнетт определяет стоимость доллара в 2,2 юаня.

⁹ Эти данные заимствованы, очевидно, из китайских источников, и весьма вероятно, что они значительно преувеличены.

«Фактически, — заключает А. Д. Барнетт, — разрыв в уровне экономического развития Китая с такими странами, как Япония (не говоря уже о США и СССР), вероятно, будет увеличиваться и впредь» (стр. 183).

В главе, посвященной прогнозам характера руководства в КНР в будущем, автор полагает, что руководство, сформированное на X съезде КПК, это и есть «новая коалиция, которая, как оно, несомненно, надеется, будет способна руководить Китаем в качестве преемника нынешнего руководства в постмаоистскую эру» (стр. 186).

Отмечая, что в недавнем прошлом (после образования КНР) идея коллективного руководства была существенно ограничена практикой прославления, а в 60-х годах и «обожествления Мао», это не значит, однако, полагает автор, что такое руководство обязательно должно провалиться.

Мао Цзэ-дун дважды предпринимал попытку подобрать себе преемника (Лю Шаоци и Линь Бяо) и оба раза потерпел поражение. В 1971—1973 гг. фактически доминирующую роль играет Чжоу Энь-лай, но юридически Мао Цзэ-дун не стал это узаконивать. Таким образом, на вопрос о том, кто будет преемником, может быть только один ответ: не один человек. В окружении Мао Цзэ-дуна нет бесспорной фигуры преемника. «Кажется вероятным, поэтому, что в период непосредственно за смертью Мао китайское руководство будет по необходимости коалиционным и коллективным» (стр. 199). Автор считает, что если Чжоу Энь-лай переживет Мао Цзэ-дуна, то в этом руководстве он будет играть центральную роль. Но военные и гражданские лидеры будут искать своей доли во власти. Ядро руководства, во всяком случае, находится в составе ЦК X съезда КПК.

Но этому пути возможна и альтернатива: может появиться лидер (ныне неизвестный), который попытается взять власть в свои руки, что не может не встретить резкую оппозицию и повести к серьезному конфликту. «Если такая ситуация перерастет в открытый конфликт и вызовет раскол в китайском военном руководстве, то результатом может быть серьезная междоусобная борьба в течение значительного периода времени» (стр. 200). Если же будет создана работоспособная правящая коалиция, ей придется умело балансировать, учитывая интересы военных, государственных и партийных лидеров в центре, и на местах искать компромисса между «радикалами» и «консерваторами».

В заключение он пишет: «Одно определенно можно сказать о будущем, это то, что Китай все еще сталкивается с важными задачами в восстановлении и консолидации нового руководства и что ко всем важнейшим проблемам преемственности — в относительно близком будущем — добавится величайшей сложности задача» (стр. 242).

А. Д. Барнетт рассматривает внешнюю

политику КНР на различных этапах существования республики. Начало коренных перемен во внешней политике КНР автор относит к концу 1957 г. Этот раздел работы сравнительно конспективный, страдает известной односторонностью, в нем преобладают традиционные суждения западного Китаеведения и не дает полного представления о причинах отхода КНР от мирового социалистического содружества, о причинах разрыва с международным коммунистическим и рабочим движением. Тем не менее нельзя отказать автору в меткости некоторых суждений о внешней политике КНР. Вовлекаясь все более в международные сообщества (ООН, например), Китай «действует все более и более как обычная держава и все менее как революционное государство» (стр. 283); в другом месте автор повторяет все ту же мысль: «Долговременные революционные цели были подчинены непосредственным кратковременным национальным интересам» (стр. 274); это наблюдение автор относит и к начальному периоду в истории КНР: «Революционная воинственность китайских коммунистов была по большей части выражена, однако, в риторической форме, а не в конкретных действиях... Короче, китайская поддержка революций за рубежом принимала главным образом форму моральной поддержки» (стр. 248). После коренной перемены внешнеполитического курса, заключает автор, КНР на первое место ставит свои национальные интересы (а не революционные ценности).

Анализируя будущие тенденции внешней политики КНР, А. Д. Барнетт считает, что важнейшим элементом идеологии, воздействующим ныне и в будущем на политику, остается национализм.

В заключительном параграфе внешнеполитической главы, посвящей характерное название «Продолжающиеся неясности», Барнетт говорит: «Процесс преемственности в Китае и неясность относительно китайско-советских отношений, особенно во время преемственности, являются критическими точками непосредственного будущего» (стр. 308).

Есть много причин утверждать, говорится в книге, что влиятельные лидеры Китая несколько раз расходились со взглядами Мао Цзэ-дуна на внешнюю политику и что некоторые расходились с ним и после «культурной революции», особенно в отношении Советского Союза. Немало людей воздерживалось от критики позиций Мао и Чжоу в отношении СССР и США. Они могут пересмотреть свою тактику в будущем. А. Д. Барнетт считает, что быстрота, с которой была пересмотрена политика в отношении США в 1971 г., говорит о том, что Мао Цзэ-дун и Чжоу Энь-лай торопились это сделать, пока они на политической арене.

Анализируя возможные варианты советской политики в отношении Китая в переходный период, автор отдает дань некоторым распространённым на Западе антисоветским суждениям. Складывается впечат-

ление, что автор, отражая взгляды влиятельных кругов США, приветствует смягчение напряженности советско-китайских отношений, но он отрицательно относится к восстановлению советско-китайской дружбы в широком масштабе.

Проф. А. Д. Барнетт написал содержательную книгу и поставил на обсуждение многие важные вопросы будущего Китая.

Г. В. Ефимов,
доктор исторических наук

* * *

Полезное пособие

Появление учебного пособия по китайскому языку всегда становилось явлением в советском Китаеведении. Многие поколения китаистов изучали язык либо самостоятельно, либо по учебникам, издававшимся в разное время у нас в стране. Помимо этого, в вузах нередко создавались собственные методические разработки. Однако, по существу, длительное время у нас не было единого учебника, который мог бы быть принят высшими учебными заведениями с китайским языком в качестве основного или базового.

Такой учебник был издан в 1965 г.¹ и сразу обратил на себя внимание необычным подходом к решению ряда вопросов, оригинальностью материала и четкими продуманными методическими принципами, отсутствием которых грешили многие учебные пособия прошлого. Сейчас появилось, можно сказать, новое его издание, значительно переработанное и дополненное.

Выход в свет «Учебника китайского языка»² представляется заметным явлением. Опыт использования настоящего пособия в вузовской практике преподавания, в частности, в Институте стран Азии и Африки при МГУ и на Восточном факультете Ленинградского государственного университета, положительные отзывы преподавателей и студентов являются тому надежным доказательством.

В новом издании учебника методические принципы Е. Н. Драгуновой нашли дальнейшее развитие. При переработке учебника была изменена его структура в целом и каждого урока в отдельности, а вводный

курс рассматриваемого пособия был написан заново Т. П. Задоевко.

Настоящий учебник представляет собой единое комплексное пособие, обеспечивающее все аспекты преподавания китайского языка на первом курсе высших учебных заведений.

«Учебник китайского языка» состоит из вводного курса, насчитывающего 25 уроков, и основного курса, в состав которого входят 40 уроков. Помимо этого, в учебник включены хрестоматийные материалы и справочная часть. Учебник предваряют краткое предисловие и методическая записка. В особый раздел выделены все тексты основного курса в алфавитной записи.

Главная цель вводного курса, вне зависимости от разделов в него входящих, состоит прежде всего в постановке артикуляционной базы китайского языка, привитии учащимся навыков правильного чтения.

Овладение основами фонетики китайского языка, пожалуй, является наиболее трудной задачей для начинающего. В данном случае даже иероглифика, столь обильно представленная во вводном и основном курсах, по своей сложности отстает на второй план.

Т. П. Задоевко известна как методист в области преподавания фонетики китайского языка и обладает большим опытом и практикой преподавания. Об этом, в частности, свидетельствует и привлекаемый в учебнике материал. Хорошо разработанные многочисленные и разнообразные упражнения, включающие в себя как технику чтения и слуховые тренировки, так и лексико-фонетические упражнения, продуманная методика, весьма полезный наглядный материал и максимальное использование технических средств обучения выгодно отличают данный учебник от всех ранее изданных. Достоинством вводного курса является и то, что в нем значительное внимание уделено вопросу интонации китайского языка — вопросу сложному, но очень важному при обучении китайскому языку. До сих пор в учебниках подобного рода этот вопрос, как правило, выпадал из поля зрения авторов.

Исследования советских Китаеведов последних лет в области фонологии и фонетики китайского языка с использованием экс-

¹ Е. Н. Драгунова, Т. П. Задоевко, Лю Цюань-ли. Учебник китайского языка. М., 1965.

² Т. П. Задоевко, Хуан Шу-ин. Учебник китайского языка. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 1973.

периментальных методов позволяют внести ясность или коррективы в неисследованные или мало изученные ранее вопросы китайского языка, что дает возможность некоторые результаты исследований применить непосредственно в практике преподавания. Таковы, в частности, проблемы взаимосвязи тона и интонации, ударения и другое.

Среди достоинств вводного курса следует, по-видимому, выделить следующие. В первую очередь эффективность учебного процесса достигается благодаря большому числу разнообразных упражнений, что является непременным условием при обучении китайской письменности. Во-вторых, хороший каллиграфический почерк, представленный в учебнике в качестве образца, обилие всевозможных таблиц, параллельная подача рукописных и печатных форм иероглифов позволяют легко ориентироваться в сложном материале. Большую работу в этой области проделала одна из авторов учебника Хуан Шу-ин.

Важным вопросом в подаче иероглифического материала, впрочем, равно как и лексического, является определение иероглифического и лексического минимумов для первого курса. Здесь необходимы точные статистические данные, проверенные на практике, строгий и тщательный отбор материала, определение частотности используемых лексических единиц и иероглифов. Чрезмерные увлечения в ту или иную сторону в равной мере являются опасными. В рассматриваемом нами учебнике объем лексики составляет 1500 единиц, а иероглифический запас равен 932 знакам, из которых 318 имеют обе формы написания. Несомненно, что параллельное прохождение полных и сокращенных форм иероглифов является правильным и нужным. По-видимому, указанные цифры являются верхним пределом оптимального варианта. Правда, хотелось бы знать мнение авторов относительно того, в каком соотношении находится друг к другу активная и пассивная лексика и существует ли подобное разделение. Об этом в учебнике ничего не сказано.

Основной курс учебника состоит из 40 уроков. Каждый из них рассчитан на два — три двухчасовых занятия и построен по схеме: грамматика и лексика, упражнения для работы с магнитофоном, текст, упражнения, каллиграфия. Таким образом, в основном курсе, кроме проработки нового материала, постоянно проводится повторение пройденного, развитие и совершенствование навыков, приобретенных ранее.

Грамматические пояснения даются в виде конкретных, четко сформулированных правил, каждое из которых подкрепляется большим числом примеров с русским переводом. Тексты вплоть до 9 урока представляют собой так называемые вопросно-ответные упражнения, главная цель которых — закрепить на практике грамматический материал учебника.

В пособии хотя и говорится о развитии у учащихся разговорных навыков, однако

данному вопросу не уделено специального внимания. Далеко не все тексты, которые предположительно должны развивать навыки устного общения, отвечают своему назначению. Специфика разговорного языка, подбор тематики для первого курса, выбор реальных ситуаций и построение ситуативных диалогов, особый круг лексики, обилие идеоматики, своеобразные грамматические формы и свой стиль языка, наконец, необходимая для данного аспекта своя методика — все это требует к себе пристального и серьезного внимания. Поэтому, думается, целесообразно в дополнение к приведенным в учебнике текстам использовать и специально разработанный для этого материал. Пожалуй, это единственное, как нам кажется, дополнение, в котором нуждается рассматриваемое нами пособие, если оно ставит перед собой цель привития именно разговорных навыков.

Для изучения и практического овладения китайским языком большую ценность представляют всевозможные справочники, словари, индексы, а также наглядные пособия в виде рисунков, таблиц и схем. С этой точки зрения справочная часть рассматриваемого учебника, включающая в себя словарь, грамматический и фонетический указатели, ключ к упражнениям «Слуховая тренировка» и сопоставительную таблицу полных и сокращенных иероглифов, хорошо продумана и, главное, крайне необходима в процессе изучения языка, ибо позволяет в любой момент обратиться к пройденному материалу или навести по нему нужную справку.

Написание любого учебника — дело непростое, и вполне естественно, что в процессе работы над ним трудно избежать каких-то ошибок, недостаточно четких формулировок или прочих огрехов. Не свободен от некоторых недостатков и рассматриваемый нами учебник, однако устранение их, на наш взгляд, не представляет особых трудностей при последующем издании учебника.

Так, в учебнике при описании придыхательных согласных китайского языка сказано, что «при размыкании смычки... воздушная масса производит дополнительный х-образный шум, называемый придыханием» (стр. 25). Подобная формулировка едва ли верна и методически не совсем оправдана прежде всего потому, что придыхание представляет собой лишь выдох дополнительного количества воздуха через полость рта, а не самостоятельный звук, о чем свидетельствуют, помимо всего прочего, осциллограммы придыхательных согласных китайского языка. С другой стороны, наиболее типичной ошибкой начинающих как раз и является произнесение х-образного элемента после, например, губно-губной придыхательной инициалы.

Несколько противоречивы объяснения системы русских и китайских переднеязычных согласных на стр. 38 и 54.

При изложении грамматического материала недостаточно разъясняется различие в

значении и употреблении частиц «ла» и «го». Так, на стр. 428 говорится, что частица «го» обозначает действие, происходящее в неопределенном прошлом и переводится несовершенным видом. Из этого напрашивается вывод, что в предложении с обстоятельством, указывающим точное время, «го» не употребляется. Однако на стр. 489 имеется пример, который говорит об обратном: шанюэ во цзяньго та сань цы — в прошлом месяце я видел его три раза. В уроке 18 недостаточно показана разница в употреблении в прошедшем времени отрицания «бу» и «мэй». В частности, следовало бы указать, что отрицание «бу» в прошедшем времени указывает на прекращение или нежелание действия. В уроке 37 на стр. 536

имеется слишком категоричное утверждение, будто в пассивной конструкции с «цзяо» и «жан» субъект действия обязательно одушевленный предмет, ибо в примере № 7 упражнения № 3 на стр. 542 совершенно справедливо приведена фраза, где «жан» употреблено с неодушевленным предметом.

Сказанное несколько не умаляет работы авторов учебника, которые создали очень нужное для наших высших учебных заведений пособие по китайскому языку для I курса, помогающее подготовке новых молодых кадров советских китаеведов.

Н. А. Спешнев,

кандидат филологических наук

* * *

Вопреки интересам китайского народа

История советско-китайских отношений уже многие годы привлекает к себе пристальное внимание самых широких кругов мировой общественности. Это не удивительно, ибо проблема взаимоотношений СССР и КНР — это, без сомнения, один из важнейших узловых вопросов современного международного положения, определяющим фактором которого является разделение мира на две противоположные общественно-политические системы.

Поэтому широкий интерес вызывают работы, проливающие свет на подлинный характер советско-китайских отношений в недавнем прошлом, на те явления, которые привели к отрыву КНР и КПК от союза с СССР и содружеством социалистических государств, к переходу пекинского руководства на позиции социал-шовинизма и блокирования с самыми реакционными силами империализма в борьбе против научного коммунизма, марксистско-ленинской теории. Такие работы сейчас особенно нужны и актуальны, поскольку в Пекине всячески фальсифицируют подлинные причины и характер трудностей и обострений, возникших в советско-китайских отношениях, пытаются доказать «вину» КПСС, Советского Союза в этом деле. Эти фальсификации охотно под-

хватываются и приумножаются антикоммунистической пропагандой любого толка.

Издательство АПН выпустило в свет книгу О. Иванова «Некоторые факты из истории советско-китайских отношений»*, в которой на основе тщательного анализа истории отношений между СССР и КНР убедительно показано, что вся полнота ответственности за разрыв Китаем братских отношений сотрудничества с Советским Союзом и другими странами социализма лежит на нынешнем пекинском руководстве.

Начиная со второй половины 50-х годов маоистское руководство вступило на путь, который в последующие годы привел к деформации фундамента общественно-политического строя КНР как «государства народной демократии, руководимого рабочим классом и основанного на союзе рабочих и крестьян». Прикрываясь марксистской фразеологией, группа Мао Цзэ-дуна проводит антинациональную и антинародную по своей сущности политику, искусственно разжигает политическую борьбу внутри Китая ради укрепления своей военно-бюрократической диктатуры. На международной арене пекинское руководство от отдельных выступлений против согласованной линии социалистических стран в конце 1950-х годов ныне докатилось до прямого союза с реакционными кругами империалистического лагеря.

«Политика Пекина, — указывает О. Иванов, — фактически открыла для революционеров всего мира второй фронт борьбы, который по своей объективной сущности не

* О. И в а н о в. Некоторые факты из истории советско-китайских отношений. М., 1975.

менее опасен и вреден, чем империалистический. Теперь уже всем ясно, что борьба Пекина против Советского Союза, других социалистических стран, разжигание среди своего народа воинствующего антисоветизма — это плата за признание со стороны правящих кругов империалистических государств» (стр. 6).

Последовательная политика Советского Союза и других социалистических стран в борьбе за дальнейшее оздоровление международной атмосферы, успехи, достигнутые в результате осуществления Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, наглядно показали, что социализм и мир представляют собой единое целое и что мир может быть обеспечен путем единых и сплоченных действий. Однако это вызвало беспокойство и страх у пекинских руководителей, которые в этом видят опасность для осуществления своих великодержавных целей и поэтому продолжают усиливать антисоветскую кампанию.

Пекинские руководители даже пытаются заново переписать страницы истории советско-китайских отношений, вызвать у китайского народа, мировой общественности сомнения относительно искренности интернациональной политики КПСС и Советского государства в отношении КПК и КНР. Автор этап за этапом прослеживает тот путь, который прошло за последние 18—20 лет маоистское руководство Китая и который привел его от дружественных, союзнических отношений с СССР и мировой системой социализма сначала к разрыву этих отношений, а затем и к прямой борьбе против них в едином фронте с силами мирового антикоммунизма.

О. Иванов подчеркивает, что в свое время внешнеполитическое сотрудничество двух крупнейших социалистических стран — Советского Союза и Китайской Народной Республики — сыграло благотворную роль в достижениях мировой системы социализма, которая добилась значительных успехов на международной арене, сумела парализовать агрессивные устремления империализма. Однако с конца 50-х — начала 60-х годов правительство КНР стало предпринимать сепаратные действия, идущие вразрез с общей линией социалистического сотрудничества. Постепенно становилось ясным, что правительство КНР сходит с классовых позиций во внешней политике, подрывает общий фронт борьбы против империализма и пытается повернуть его против Советского Союза и других социалистических государств.

Автор показывает, как руководство КПК пыталось сорвать меры социалистических стран по решению коренной проблемы международной политики, — проблемы термоядерной войны, как Пекин в 1963 г. встретил в штыки Московский договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах, как в 1962 г., в час сурового испытания для народной Кубы и всего мира, Пекин не только не выступил на стороне сил мира и со-

циализма, но и старался всячески накалить обстановку, откровенно подстрекая к термоядерному конфликту.

О. Иванов показывает вероломство и двурушничество маоистов в вопросах выполнения положений Договора о дружбе, союзе и сотрудничестве между СССР и КНР от 14 февраля 1950 г., приводит факты, убедительно свидетельствующие, что в отличие от позиции пекинского руководства Советское правительство твердо придерживалось положений этого договора, что во внешнеполитических отношениях с КНР оно неизменно стояло на позициях доверия, глубокой заинтересованности в согласовании усилий наших государств на международной арене.

Одновременно с выдвиганием маоистами «особой платформы» в мировом коммунистическом движении они приступили к свертыванию экономических связей Китая с СССР и другими социалистическими странами. Сфере советско-китайских экономических отношений посвящен раздел книги О. Иванова, в котором конкретно, с приведением многочисленных фактов проанализирована история экономических связей СССР и КНР за последнее двадцатилетие, приведены данные о размерах и характере помощи, которую наша страна оказывала КНР в 1949—1959 гг., показана несостоятельность попыток маоистской пропаганды бросить тень на политику Советского Союза в области экономического сотрудничества и торговли с КНР.

Один из разделов книги О. Иванова посвящен вопросу о советских специалистах, находившихся в свое время в Китае и побратски делившихся с китайским народом своими знаниями и опытом. В те годы, как общеизвестно, сами китайские руководители давали высокую оценку деятельности советских специалистов и пропагандировали среди китайского населения необходимость изучения советского опыта. Автор приводит цифры и факты, относящиеся к пребыванию наших специалистов в КНР в 1949—1959 гг., которые неопровержимо показывают, что вопреки утверждениям маоистской пропаганды свертывание научно-технического сотрудничества между нашими странами произошло не по вине Советского Союза, а исключительно по инициативе правительства КНР, причем происходило все это потому, что шел процесс переориентации китайского политического курса от политики дружбы и сотрудничества с СССР к политике вражды и конфронтации.

Одним из наиболее отчетливых проявлений линии мелкобуржуазных националистов из китайского руководства является его позиция в вопросе о советско-китайской границе. «Начиная с 60-х годов, — пишет автор в разделе «Пограничный шаптаж», — все больше проявлялось стремление китайского правительства до крайности обострить положение на границе между КНР и СССР, создать искусую «территориальную проблему». При этом, подчеркивает далее автор, «ближайшая цель состояла в том, чтобы сплос-

ствовать утверждению антисоветизма в качестве долговременной партийной и государственной доктрины, что и было сделано на IX и X съездах КПК. Более дальние цели сводились к тому, чтобы поставить под фактическое и, если удастся, юридическое сомнение существующие границы между СССР и КНР, чтобы подкрепить клеветническую установку Мао Цзэ-дуна о «захвате Россией у Китая 1,5 млн. кв. км территории» (стр. 32—33).

Подробно рассмотрев историю разжигания маонистами «пограничных проблем», показав историческую и правовую несостоятельность претензий маонистов в территориальном вопросе, О. Иванов делает вывод, что эти претензии «преследуют далеко идущие захватнические цели, сочетающие воедино разжигание антисоветизма и стремление к великоханьской гегемонии» (стр. 36).

В заключительной главе книги подробно рассказывается о борьбе КПСС за нормализацию отношений между Советским Союзом и Китаем. Автор убедительно показывает, что у СССР и КНР нет и не может быть объективных причин для отчуждения, а тем более для противоборства двух народов. Напротив, имеются все предпосылки для дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами, которые приносили и принесут бы положительные результаты как нашим странам, так и мировому революционному процессу. «ЦК КПСС и Советское правительство, — указывает О. Иванов, — не раз предпринимали шаги, направленные на преодоление трудностей и разногласий с руководством КПК. Однако китайские лидеры отказались от консультаций и даже пытались предъявить КПСС ультимативные требования» (стр. 6).

Наша партия и ее Центральный Комитет проделали большую конструктивную работу в поисках путей ликвидации разногласий в сфере советско-китайских отношений после октябрьского (1964) Пленума ЦК КПСС. Они исходили при этом из того, что и при

наличии серьезных идеологических расхождений необходимо добиваться единства практических действий прежде всего в борьбе с империализмом, развивать связи по межгосударственной линии. Как известно, КПСС, поддержанная другими марксистско-ленинскими партиями, в одностороннем порядке прекратила тогда критику в печати взглядов и действий руководства КПК, что, естественно, открывало перспективу для возобновления непосредственных контактов между ЦК КПСС и ЦК КПК. Но Пекин не ответил на это взаимностью, и маонисты продолжали антисоветскую пропаганду. У маонистов были иные цели, поэтому их не устраивали конструктивные предложения ЦК КПСС. Встав на путь борьбы против СССР и большинства других социалистических государств, Пекин готов принести в жертву своим замыслам само дело строительства социализма в КНР. Разрывая связи с Советским Союзом и другими странами социализма, пекинские лидеры лишили свою страну надежного и бескорыстного источника помощи в сложном деле индустриализации.

«Сознавая свою ответственность перед мировым революционным движением, перед историей, — пишет автор, — КПСС вместе с другими марксистско-ленинскими партиями взяла на себя бремя принципиальной, решительной борьбы против маонизма». Далее О. Иванов подчеркивает, что, «разоблачая маонизм, советские коммунисты борются за социалистический Китай, за марксистско-ленинскую партию Китая, за подлинные интересы китайского народа, попавшего в беду из-за предательства Мао Цзэ-дуна и его сторонников» (стр. 52—53).

Советские люди верят, что нынешние события в Китае — исторически преходящий этап его развития, что, несмотря на все трудности, дело социализма в Китайской Народной Республике победит.

В. А. Васильев

Международная конференция по корейскому вопросу в Багдаде

18—19 января 1975 г. в столице Ирака состоялась Международная конференция солидарности с борьбой корейского народа за мирное объединение страны на демократической основе.

В работе этой конференции, созванной по инициативе Организации солидарности народов Азии и Африки, приняли участие представители политических партий, национально-освободительного движения и региональных органов ОСНАА из 40 стран Азии и Африки, а также ряда других международных и национальных организаций, в том числе делегация Советского комитета солидарности стран Азии и Африки во главе с заместителем председателя Комитета, членом-корреспондентом АН СССР М. И. Сладковским.

Багдадская конференция явилась первым важным международным мероприятием такого рода, проводимым в рамках движения афроазиатской солидарности.

В приветственных посланиях, направленных Конференции главами государств и правительств стран Азии и Африки, подчеркивалось ее политическое значение и роль ее решений для урегулирования «корейской проблемы». Приветствия Конференции были направлены также руководителями социалистических стран Европы. Тепло были встречены участниками слова приветствия Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. В. Подгорного.

Участники Конференции обсудили вопросы, связанные с положением на Корейском полуострове и задачами общественно-политических сил Азиатского и Африканского континентов в борьбе за нормализацию обстановки в этом районе мира.

С основным докладом выступил генеральный секретарь ОСНАА, министр культуры АРЕ Юсеф эс-Сибан. Корейский вопрос, указал он, в частности, всегда занимал важное место в деятельности Организации солидарности народов Азии и Африки и вызывал глубокий интерес у ее национальных организаций. В последние годы американские империалисты разрабатывали и стремились осуществлять планы превращения Южной Кореи в опорную базу своей «новой» азиатской политики, которая наталкивается на

мощное сопротивление азиатских народов и терпит банкротство. Вопрос о прекращении иностранного вмешательства в Корею и мирном объединении этой разделенной страны, отметил Ю. Сибан, непосредственно связан с проблемой мира в Азии и во всем мире. Борьба корейского народа за изгнание иностранных оккупантов и осуществление национального суверенитета в масштабах всей страны является составной частью общей антиимпериалистической борьбы народов Азии и Африки.

Вот почему, заключил докладчик, эта справедливая борьба встречает неизменную поддержку и солидарность всего миролюбивого человечества, в том числе стран «третьего мира».

Конференция с большим интересом заслушала выступление главы делегации КНДР, заместителя председателя Комитета афроазиатской солидарности КНДР тов. Хван Наи Ик, который подчеркнул, что правительство КНДР терпеливо и настойчиво проводит линию на мирное воссоединение родины демократическим путем, без всякого вмешательства извне. Оно выдвинуло реальную программу объединения Севера и Юга, которая предусматривает вывод из Южной Кореи иностранных войск, проведение свободных демократических выборов, создание на этой основе единого правительства. В качестве переходной меры предлагается конфедерация Северной и Южной Кореи с сохранением существующего строя в обеих частях страны.

Однако сеульские правители, указал тов. Хван Наи Ик, как и прежде, упорно отклоняют конструктивные предложения правительства КНДР, пытаются оправдать свою негативную позицию измышлениями насчет мифической «угрозы с Севера». Сеульская военщина продолжает военные провокации на демаркационной линии, а южнокорейская печать ведет кампанию нападок и клеветы на КНДР. Нарастает военная помощь Сеулу со стороны США. Территория Южной Кореи превращена в стратегический плацдарм и крупную военную базу, которая используется против самого корейского народа и других народов Азии, борющихся за независимость и национальное освобождение.

В своих выступлениях представители афро-азиатской общественности с удовлетворением констатировали, что обсуждение Конференцией положения в Корее проходит в обстановке, когда в мире благодаря неустанным усилиям Советского Союза, других стран социалистического содружества, всех сил мира и прогресса создаются благоприятные перспективы для развития плодотворного сотрудничества и укрепления международной безопасности.

Вместе с тем, отмечали они, эта обстановка требует активных действий, направленных на углубление процесса разрядки, и в первую очередь на безотлагательное урегулирование конфликтных ситуаций, порожденных империалистической агрессией и унаследованных от периода «холодной войны», к числу которых относится и «корейская проблема».

Хотя путь переговоров становится для большинства азиатских стран решающим средством преодоления разногласий, основой мирного сотрудничества на земле Азии, однако все еще влиятельны на континенте силы, стремящиеся помешать процессу разрядки, «законсервировать» обстановку враждебности в отношениях между азиатскими государствами.

Делегаты конференции единодушно отметили, что развитию позитивных тенденций на Корейском полуострове, открывающих путь к ликвидации напряженности и достижению мирного объединения Кореи на демократической основе, препятствует антинародный реакционный режим в Южной Корее.

Представители афро-азиатской общественности указывали в своих выступлениях на прямую связь нынешней обстановки на Корейском полуострове с ролью милитаристских кругов США в этом районе мира. Они решительно осудили военную интервенцию США в Корею и использование в этих целях флага ООН.

«Почти четверть века прошло с тех пор, как под прикрытием ООН была совершена иностранная военная интервенция на корейскую землю, — заявил Генеральный секретарь Иракского национального совета мира и солидарности, лауреат Международной Ленинской премии за укрепление мира между народами Азиз Шериф, — но внимание мировой общественности по-прежнему привлечено к корейскому вопросу. Флаг ООН все еще используется для прикрытия американской оккупации в этом районе мира, в Корею продолжает сохраняться опасный очаг напряженности, существование которого чревато серьезными последствиями для дела мира».

Делегаты Кубы и Японии, Шри Ланки и Мадагаскара отмечали в своих выступлениях, что военная оккупация Южной Кореи продолжает оставаться главным препятствием на пути к осуществлению законного чаяния всей корейской нации — мирному объединению страны и созданию единого миролюбивого, демократического государства. Ответственность за это, указали они, лежит прежде всего на империалистах США, чьи вооруженные силы продолжают оставаться в Южной Корее.

С большим вниманием было выслушано выступление руководителя советской делегации чл.-корр. АН СССР М. И. Сладковский, который отметил, что советская общественность последовательно и неуклонно оказы-

вает поддержку справедливой позиции КНДР — братского социалистического государства.

Мероприятия Корейской Народно-Демократической Республики, направленные на создание благоприятных условий для урегулирования корейской проблемы в интересах всего корейского народа, в интересах укрепления мира и безопасности на Корейском полуострове, во всем районе Дальнего Востока, указал, в частности, М. И. Сладковский, всегда находили и находят глубокое понимание и широкую поддержку в Советском Союзе.

Известно, что именно благодаря неустанным усилиям и инициативным шагам КНДР, активно поддержанным Советским Союзом, другими социалистическими странами, всеми прогрессивными силами человечества, удалось направить развитие событий на Корейском полуострове в мирное русло, ослабить конфронтацию сторон, осуществить первые контакты и переговоры между представителями Севера и Юга Кореи.

Борьба корейского народа за устранение потенциально конфликтной ситуации в этом районе, за мирное объединение страны, подчеркнул в заключение руководитель делегации СССР, встречает полное понимание со стороны советской и всей миролюбивой общественности как неотъемлемая часть общей борьбы народов против империализма и реакции, как важный элемент борьбы за упрочение тенденции международной разрядки и вклад в создание системы коллективной безопасности на земле Азии.

Конференция приняла Генеральную декларацию, которая содержит призыв к единству всех антиимпериалистических сил в борьбе за независимость, мир, безопасность и суверенитет стран Азии и всего мира.

Была принята также Программа действий, предусматривающая проведение политических кампаний солидарности с борьбой корейского народа, против планов империалистических кругов США и режима Пак Чжон Хи, направленных к сохранению «двух Кореи», за мирное объединение страны на демократической основе.

Решения состоявшегося в Багдаде представительного форума афро-азиатской общественности свидетельствуют о растущей поддержке прогрессивными общественно-политическими силами мира справедливого дела корейского народа в его борьбе против империалистической политики вмешательства во внутренние дела страны, против раскола родины, за прочный мир и подлинную безопасность народов, за демократию и социальный прогресс. В этой широкой международной солидарности — залог грядущих побед корейского народа на пути мирного объединения родины.

Г. А. Поляков

Советско-японский симпозиум: коллективная безопасность в Азии

В декабре 1974 г. в Институте востоковедения АН СССР состоялся советско-японский научный симпозиум на тему «Сотрудничество СССР и Японии как фактор укрепления мира и безопасности в Азии». В нем приняли участие ученые академических институтов — Востоковедения, Мировой экономики и международных отношений, Дальнего Востока, а также Академии общественных наук при ЦК КПСС, других советских научных учреждений, представители японской научной общественности.

В докладах «Коллективная безопасность — реальный путь к миру в Азии» (д-р истор. наук Петров Д. В.), «Японо-советское сотрудничество и проблема мира и безопасности в Азии» (канд. истор. наук Вербицкий С. И.), в других выступлениях советских ученых были изложены главные принципы, которые могли бы быть положены в основу создания системы коллективной безопасности в Азии с учетом ее специфических условий. Были охарактеризованы благоприятные перспективы для развития торговых, экономических и иных связей между азиатскими государствами в условиях разрядки напряженности, когда указанные принципы станут основополагающими для всех стран региона.

Выступавшие подробно останавливались на современном состоянии и перспективах развития советско-японских отношений, на том влиянии, которое может оказать дальнейшее развитие этих отношений на улучшение обстановки в Азии и во всем мире.

Д-р истор. наук Делюсин Л. П., другие советские ученые отметили обстоятельства, осложняющие достижение этой цели. Они, в частности, проанализировали внешнеполитическую деятельность китайского руководства, направленную на срыв усилий Советского Союза и других стран в целях достижения разрядки напряженности в Азии, Европе и в других районах земного шара на то, чтобы помешать созданию в Азии системы коллективной безопасности.

В докладах и выступлениях на симпозиуме японские ученые проф. Сосэ Масанори (военная академия Управления национальной обороны), проф. Фудзимаки Симпэй (университет Токай) и главный редактор журнала «Дзю» Исихара изложили свои точки зрения на современное положение в

Азии, на возможное развитие событий в регионе. Они также поставили ряд вопросов, связанных с советским предложением о создании здесь системы коллективной безопасности, и получили на них подробные разъяснения, ответив в свою очередь на вопросы советских ученых.

Ученые из Японии признали несомненную важность советского предложения для установления прочного мира в Азии. В нем «обнаруживается стремление к упрочению мира в Азии», — заявил проф. Сосэ в своем докладе «Японский взгляд на советскую идею коллективной безопасности в Азии». Докладчик, однако, подчеркнул «особые трудности», возникающие, по его мнению, на пути реализации этой идеи в Азии («разделенные страны», продолжающийся вооруженный конфликт во Вьетнаме, пограничные и территориальные вопросы и т. д.). Касаясь позиции КНР по вопросу коллективной безопасности, проф. Сосэ заявил: «Китай воспринял эту идею как стремление осуществить его окружение Советским Союзом. Я не разделяю этой точки зрения Китая, но то, что Китай воспринял советское предложение именно так, остается фактом». По мнению Сосэ, лишь урегулирование советско-китайских разногласий может открыть путь к практической реализации советского предложения о создании в Азии системы коллективной безопасности. Он утверждал также, что японо-американский «договор безопасности» — это «чисто оборонительный», «империалистический союз».

Проф. Фудзимаки посвятил большую часть своего доклада перспективам развития советско-японских отношений, расценив их весьма положительно. «Для Японии, представляющей собой великую экономическую державу, но располагающей малой сырьевой базой», — сказал он, — СССР, который является великой державой как в сфере экономики, так и в области сырьевых ресурсов, обладает для Японии великой притягательной силой». Касаясь «политики Японии в области обороны», он говорил о «слабости» японских «сил обороны», которая, по его словам, усугубляется инфляцией, затрудняющей выполнение 4-го пятилетнего «плана обороны».

В заключительных выступлениях зам. директора Института востоковедения проф. Солнцев В. М. и глава японской делегации проф. С. Фудзимаки высоко оценили работу симпозиума. «Мы обсудили различные теоретические аспекты проблемы, имеющей большое практическое значение», — указал проф. Солнцев.

Симпозиум дал возможность советским и японским ученым лучше понять друг друга.

*А. П. Марков,
кандидат исторических наук*

НОВЫЕ КНИГИ

Жеребилов В. А. Внешнеэкономические связи Малайзии. М., изд. «Наука», 1974, 10 000 экз., 1 р. 20 к.

Первое в нашей литературе обстоятельное исследование проблем экономического развития Малайзии под углом зрения трех основных аспектов ее внешнеэкономических связей — капиталовложений частных иностранных фирм, иностранной помощи и внешней торговли. На основе обширного фактического материала автор рассматривает вопросы экономической политики стран «третьего мира», их позиций на мировом рынке, неокOLONиалистской стратегии и тактики империалистических держав по отношению к этим странам, форм и методов международной торговли некоторыми видами сырьевых товаров.

Иофан Н. А. Культура древней Японии. М., изд. «Наука», 1974, 25 000 экз., 1 р.

В советской и зарубежной литературе это первая монография, посвященная проблеме зарождения и становления феномена японской культуры. Прослеживая формирование собственно японской культуры, автор доводит свое исследование до эпохи раннего средневековья. Опираясь на данные археологии, письменных памятников и фольклора, а также на анализ памятников архитектуры и искусства, автор привлекает также материалы политической и социально-экономической истории. Особый интерес представляет раздел, в котором предлагается реконструкция древнейшей японской добуддийской мифологии и религии.

Малухин А. М. Китайское крестьянство в революции 1925—1927 гг. М., изд. «Наука», 1974, 10 000 экз., 1 р. 50 к.

В книге рассматривается роль китайского крестьянства в революционных событиях 1925—1927 гг. На основании изучения документов и материалов Коминтерна, КПСС и КПК, а также советской, китайской и западной литературы по истории революции 1925—1927 гг. автором делается вывод о том, что концепция маоистов о приоритете крестьянства в революционной борьбе является беспочвенным преувеличением и фальсифицирует историю страны.

Международный ежегодник. Политика и экономика. М., Политиздат, 1974, 100 000 экз., 91 к.

В очередном, семнадцатом выпуске «Ежегодника» освещаются узловые проблемы экономики, внутренней и внешней политики и социально-экономические события, имевшие место в истекшем 1973 г. В «Ежегоднике» имеются статьи, характеризующие состояние экономики, внутренней жизни, внешнеполитических отношений отдельных стран и регионов, а также статьи, в которых освещается деятельность ряда международных организаций, конференций и совещаний. Книга содержит справочный и статистический материал, а также хронику событий.

Непомнин О. Е. Экономическая история Китая. 1864—1913 гг. М., изд. «Наука», 1974, 10 000 экз., 2 р. 50 к.

Книга посвящена истории социально-экономического развития Китая в период крестьянской войны тайпинов до буржуазной Синьхайской революции. Основное внимание уделено кризису китайского феодализма, росту капиталистического уклада и влиянию мирового рынка. В работе показаны становление сектора, изменения в сельском хозяйстве, крестьянских промыслах, городском ремесле, возникновение фабричной промышленности, железных дорог и пароходства.

Проблемы и противоречия индустриального развития. КНР. М., изд. «Мысль», 1974, 12 000 экз., 1 р. 25 к.

Работа представляет собой комплексное исследование (в историческом и политическом аспектах) индустриального развития КНР на различ-

ных этапах сложного и противоречивого социально-экономического процесса, происходящего в стране.

В книге анализируется огромный ущерб, нанесенный китайскому народу и делу построения социализма в Китае антиленинской, антисоциалистической экономической политикой группы Мао Цзэ-дуна.

В последних главах дается общая характеристика современного состояния китайской промышленности и ее поотраслевой анализ.

Столяров Ю. С. Валютные проблемы современной Японии. М., изд. «Наука», 1974, 10 000 экз., 1 р.

В монографии рассматриваются некоторые особенности экономического развития Японии в условиях послевоенного валютного устройства капитализма, анализируется состояние торгового, платежного и расчетного балансов Японии, ее золотовалютные резервы. Особое внимание уделено изменениям в валютном законодательстве Японии после второй мировой войны и проблемам, связанным с ревальвацией иены в свете обострения кризиса валютной системы капитализма и японо-американских экономических отношений.

Фомина Н. И. Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая (середина XVII в.). М., изд. «Наука», 1974, 8000 экз., 1 р. 90 к.

Этот труд посвящен малоизученной в советской и зарубежной литературе теме сопротивления китайского народа установлению власти маньчжурской династии Цин в Китае в XVII в. На примере наиболее развитого района китайской империи — Юго-Восточного Китая — показаны формы и методы антицинской борьбы, ее движущие силы и лозунги. В работе освещаются причины поражения антицинских сил и воздействие этой борьбы на тенденции общественного развития Китая в позднее средневековье.

Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Вопросы грамматического строя. М., изд. «Наука», 1974, 5000 экз., 1 р. 60 к.

Сборник содержит статьи по актуальным проблемам грамматического строя китайского языка, а также ряда малоизученных языков Юго-Восточной Азии (вьетнамский, тайский, кхмерский, индонезийский и др.). В сборнике рассматриваются следующие вопросы: устойчивые и неустойчивые предложения (на материале вьетнамского языка); синтетический каузатив в кхмерском языке; залоги в тагальском языке; система местоимений в бугийском языке; о сопоставлении языков на уровне словосочетаний (на материале тайских языков) и т. д.

Сдано в набор 28/III 1975 г. Подписано к печати 14/IV 1975 г.
Формат 70×108¹/₄. Бум. л. 5,25 Печ. л. 14,7 Уч.-изд. л. 16,6
Изд. № 21055 А09594 Заказ 733 Цена 50 коп. Тираж 15 750 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
Москва Г-21, Zubовский бульвар, 21

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области